

Стефан Лил

МАЖОРИ И
ОТЛИЧНИЦА

Annotation

Мы случайно встретились в книжном магазине, и он обещал превратить мою жизнь в ад.

Я никак не ожидала, что судьба столкнет нас снова, и он решит воплотить свои слова в реальность. Что мне делать? Сдаться или проявить сопротивление? Я выбираю второй вариант.

Июль. Лето. Солнце.

Гнев, концентрированный, способный прорезать пространство насквозь и сжечь планету дотла, читается в льдиных глазах парня, на которого я с вызовом смотрю снизу-вверх.

Не знаю, что он, в свою очередь, видит в моих, вполне обычных, цвета темного шоколада, но я отчаянно кусаю губу, стараясь не поддаться опасной магии его лица.

Напоминаю себе — он враг, пытающийся отобрать добычу.

Да, редкостный красавчик, но, судя по поведению, такой же редкостный гад, которому чужды джентельменские повадки.

Иначе почему мы, вцепившись в последний экземпляр манги, дольше пяти минут буравим друг друга глазами, а он только и делает, что сильнее загибает свою нахальную темную бровь, не желая миротворчески уступить.

Вот спрашивается, зачем феминистки довели мужчин до нынешнего уровня равноправия, а мне из-за них, возможно, придется идти в шестой магазин ...

Формат книги настолько мал, что наши пальцы непроизвольно касаются друг друга. Слегка. Но это отчего-то еще сильнее меня злит.

— Отдайте мне книгу, — цежу я сквозь стиснутые зубы.

— Я первый ее взял. — холодно прилетает мне в лоб.

— Неправда!

— Чем докажешь?

— Я, между прочим, с Вами на «Вы»?

— Молодец. — кривит губы. — Старших надо уважать. И хорошо бы научиться не хватать чужие вещи. Так что отпускаяй.

Каких еще старших? Если он на голову меня выше, то это не делает его старшим. Ну, может, года на два или пять...

— Мы схватили ее одновременно. И Ты, — специально выделяю слово, чтобы проходимец не мнил себя не пойми кем, — Мог бы уступить. Хорошим манерам тебя не учили?

Наклоняется ближе.

— Если попросишь немного нежнее, уступлю. Обязательно. Но не сегодня. Сегодня в меню плохие манеры.

— Это манга для девятилетних девочек! — злая от того, как запылали при его словах щеки, я с удовлетворением отмечаю яростное дергание скул противника.

Первосортный гад вдруг бесцеремонно скользит по мне оценивающим взглядом и снова метко стреляет:

— А тебе девять? — останавливается на груди, где с футболки ему улыбается красная панда. — Перезрела, малышка?

— Какая я тебе малышка! Но, да, я хотя бы девочка! А ты в своих извращенных мечтах грезишь о принце Ларалиэле?

— Ты-ы... — убийственно выдыхает парень и, если бы не Янка и не мое упрямство, бежала бы я на другой край планеты и нервно набирала код замка.

Не успеваю вздохнуть, как оказываюсь прижатой к книжным полкам, в закрытом от

остального зала углу.

Вселенная, прием!

Нам надо срочно поговорить!

Когда я грезил о романтическом знакомстве в книжном магазине, то просила материализовать воспитанного и умного красавчика, а не демона-громилу, зажимающего меня в угол и грозно требующего отдать ему мангу с розовой обложкой, на которой изображен длинноволосый принц Ларалиэль. В этого заморского царевича неизменно влюблена моя младшая сестра, а я самонадеянно и смело обещала ей раздобыть новую главу о приключениях королевича. Наивная чукотская барышня.

— Отдай по-хорошему.

Эрор! Эрор! — кричит ошалело щека.

Его дыхание слишком близко, но язык мой слеплен из упрямого теста.

— А то что? — можно подумать, у меня девять жизней, как я с вызовом ему отвечаю.

Вдруг он правда извращенец, любящий мангу для девочек?

— Узнаешь о настоящих извращенных фантазиях прямо здесь и сейчас. — скалит чудовище свой рот.

— Что? — возмущенно выдыхаю, когда рука придурка оказывается на моей спине.

Скользит медленно вниз и оставляет сквозь ткань футболки ощутимые ожоги на коже.

Коленкой в пах... Коленкой в пах... Прокручивается в голове, но вместо этого я парализовано смотрю в два куска льда, шокированная тем, что это все действительно происходит со мной.

Чем ниже его рука, тем шире открываются мои глаза. И когда граница всякого приличия приходит к концу, а попа понимает, что скоро и она начнет вопить: «Эрор! Эрор!» — раздается гундосый голос:

— Ди-и-и-и-и-ма!

Он резко отходит. Раздается пагубный треск. Опускаю глаза на половину манги, которую сжимают мои побелевшие от напряжения пальцы. А обложка с принцем и началом истории красуется в руках врага. Парень с еще большей яростью поднимает на меня свой взгляд, тогда как за его спиной возникает девушка с тугими соломенными локонами, эффектно рассыпанными по плечам.

И мне хочется указать на нее и крикнуть: "Фу, фас! Это все она."

— Смотри, что я нашла! — спешит потрясти розовым блокнотом перед лицом взбешенного друга.

— Эмма, — судя по интонации, он расчленит нас обоих. Только вот непонятно в какой последовательности. — Я же тебя просил помочь с поиском манги о Ларалиэле.

— Так, там куча книжек с этим блондином на обложке...

— Но они не про остров Мачт, — в один голос говорим мы с извращенцем, и он снова поворачивается на меня.

Кажется, надо научиться искусству тишины и срочно что-то придумать, чтобы не пасть первой жертвой.

— Не расстраивайся ты, — вполне миролюбиво шепчу я, — Вон у нее какой яркий блокнот! Просто возьмите два.

Ну вот, видимо я себе приговор сейчас подписала. Красиво прошлась пером и сердечко поставила.

Интересно, существует ли у темноволосого предел ярости?

— Два? — непонимающе уточняет блондинка и тянет парня за руку, заставляя его отвернуться в ее сторону.

К моей удаче, у нее прекрасно получается отвлечь извращенца. И когда он отстраняется от меня на два шага, я превращаюсь в скоростную комету и, забывая дышать, бегу к кассе. Там трясущимися руками отдаю непонятливой девушке половину книги и кричу:

— Пробейте мне! Быстрее, пожалуйста. Быстрее!

— Но она порвана! Вы точно хотите ее приобрести?

— Точно! — почти помогаю кассирше просканировать товар. — Умоляю, быстрее! Вопрос жизни, девушка!

Адреналин бьет в крови снова и снова, когда я оборачиваюсь и вижу, как тот самый парень появляется из-за угла. А на его плече уверенно виснет блондинка. Как хорошо, что люди лишены способности убивать глазами, иначе кое-кто бы сейчас валялась на полу и трепыхалась в конвульсиях.

Оценивает ситуацию и удивленно приподнимает бровь, наблюдая, как я забираю свою покупку. Минус отличного зрения — мои глаза прекрасно подмечают все детали. Особенно улавливают ту, как он ловко убирает с себя руки своей подружки.

Лучше бы она себя ремнями к нему привязала, честное слово. К чему так слабо держит.

Он же не побежит?

Не разрывая зрительный контакт, делаю аккуратный шаг к выходу.

Он тоже делает шаг, но ко мне.

Я делаю следующий, и он срывается с места, как темная лошадь возмездия.

Неосознанно громко вскрикиваю и начинаю уносить ноги — ведь лошадь эта

демоническая гонится конкретно за мной.

Магазин находится на цокольном этаже торгового центра. Пройдя сквозь противокражную систему, пулей взлетаю на первые десять ступеней и резко останавливаюсь, когда слышу повелительный голос:

— Стоять!

Ноги моментально поддаются команде придурка. Нервно сглатываю. И медленно оборачиваюсь.

Не знаю отчего меня так сильно трясет.

Он стоит за магнитными воротами. Цепко смотрит на меня своим холодом. Сковывает.

— Я купила книгу. — оправдательно кидаю слова. — И оставила тебе начало!

— Так не пойдет. Мне нужна вся история! — повелительно взмахивает рукой, показывая, мол, отдавай.

Дорогая вселенная, я обещаю без папиных напоминаний еженедельно мыть полы, только подари, пожалуйста, моим ногам тройное ускорение и помоги сбежать от этого психопата.

Тут какой-то мальчик в торговом зале торжественно обращается к своей матери и умильно-картаво произносит:

— Дагаваились!

Воспринимаю этот ниспосланный мне знак в качестве согласия и закрепления невидимого договора. Приободрившись, шиплю:

— Да пошел ты... — и резко возобновляю бег.

Кто же знал, что даже шепот может быть таким предательски громким.

Он определенно достигает ушей врага, который свирепо кричит:

— Убью, мелкая! — больше всего меня в его голосе пугает нездоровое желание исполнить свою угрозу.

— Попадешь в ад! — почти добираюсь до двери, когда сильная рука хватается за локоть и бесцеремонно разворачивает к перекошенному яростью лицу.

— Сначала я покажу его тебе!

Но дверь внезапно распаивается. Внутри заходит мамочка с кучкой детей, благодаря которым мне удастся отцепиться от лап захватчика и вылететь на улицу.

Не зря говорят, что дети — это цветы жизни.

Закидываю себя в остановившееся рядом такси, судорожно крича водителю:

— Поезжайте! Быстрее! Умоляю!

Не знаю, что именно думает обо мне в эту минуту круглолицый мужчина, но просьбу выполняет моментально, без лишних вопросов.

Парень появляется на улице, когда машина трогается с места. Поправляет свои темные волосы одним резким быстрым движением и беспощадно испепеляет взглядом меня вместе с машиной и ни в чем неповинным водителем заодно.

Был бы адекватным, сошел бы за невероятно горячего мачо, а так... просто псих.

Я высовываюсь в окно и, целуя средний палец, посылаю ему воздушный поцелуй.

— Адиос, дорогуш!

Достаю из сумки телефон, набираю номер папы и слышу озабоченный голос своего родителя:

— Я не нашёл, кноп! — сразу честно информирует он.

Мужчина, у тебя же есть младшая дочь, так почему не перестанешь меня называть ужасным орудием, протыкающим всё и вся.

— Обошёл те три книжных магазина, которые ты мне пометила на карте. Нигде нет этой книжки. Везде её раскупили.

— Ясно, пап. Я сейчас съезжу ещё в два книжных. Они в центре расположены. А оттуда сразу поеду домой. Если что, у меня есть половина истории! — пытаюсь звучать как можно оптимистичнее.

— Половина? — непонимающе уточняет отец.

Да, встретила в книжном извращенца, любителя девчачьих сказок. И так вышло, что часть манги осталась в его грязных и наглых руках. Но эта версия вызовет у моего гипертрофированно-обеспокоенного отца сотни вопросов, а также вынудит его рот скомандовать: «Езжай немедленно домой!».

Поэтому я, в целях исключительной заботы о старших, немного видоизменяю реальность:

— Кто-то оторвал половину манги и ушёл с началом истории, вероломно не заплатив!

— Маленькие девочки совсем с ума сошли от этих специфических рисовок, — встревоженно размышляет папа.

А я закрываю ладонью микрофон на трубке, чтобы в нее не проник предательский смех от воспоминаний о том, какой «маленькой был этот *девочка-переросток*».

— Может, твоей сестре не стоит читать подобные истории?

Любопытный, конечно, вопрос.

Но кто рискнет ей об этом сказать?

Кто в нашей семье бесстрашный ассасин?

Кинем жребий?

Навряд ли.

Лучше честно признаем — никто.

И мой родитель, придя ровно к такому же выводу, уверенно заключает:

— Хотя наша Яночка не по годам умная девочка. Зачем запрещать ребёнку читать детские сказки? Я погорячился.

Мне хочется немного поспорить и напомнить про явные намеки поцелуев, мелькавшие в истории. Но я же не стукачка. Да и сам папа прекрасно знаком с этой серией книг. Мы её всей семьёй знаем получше конституции. Разбуди меня ночью и попроси поименно перечислить героев, я без запинки выдам требующуюся информацию, а заодно поведаю краткую биографию каждого персонажа.

Машина плавно останавливается около очередного книжного магазина «ЧитайЧитай». Расплачиваюсь с водителем, открываю дверь и выхожу из салона.

У меня осталось три попытки.

Иначе, чувствую, нам с папой хорошенько достанется за такую неподготовленность ко дню рождения мелкой.

Ветров

Мелкая сидит в своём пышном платье цвета розовой несдержанности и крутит в своих маленьких ручках дефектный подарок. Конечно, помимо жалкого огрызка книги, который оставила мне одна дерзкая девчонка, я купил сестре еще кучу всего другого. Но интерес Лизы сконцентрирован исключительно на злосчастной поруганной манге.

Целое и невредимое издание ее старший брат так и не сумел приобрести.

«Лошара. — лаконично описал меня и мой провал Ник.»

Я придумал эпичную историю с гориллами убийцами, с которыми пришлось бороться за последний экземпляр книги. И выставил себя не последним героем на планете Земля. Но, судя по взглядам сестры, она меня тоже обозначила в топ списка — только с конца.

Девушки ходят за мной табунами, готовые при малейшем намеке выполнять любые мои прихоти. Но из всех правил существуют исключения. И в моей жизни есть одна единственная барышня, которая вертит меня вокруг своей оси, как ей заблагорассудится — моя девятилетняя сестра.

Лиза хлопает ресничками и, наконец, поднимает на своего провинившегося брата большие голубые глаза:

— Ты придумаешь конец истории вместе со мной? — повелительно уточняет именинница. Таким тоном императрицы общаются со своими рабами, у которых кровью скреплён договор на вечность. Без какой-либо возможности урвать больничный или выпросить пару дней отпуска.

— Конечно! — холопски выдыхаю я. — Мы с тобой замутим конец покруче этого автора, принцесса! Обещаю!

— Ладно. — скепсис в её голосе исходит из самого сердца.

Но уже через минуту она радостно вскакивает со стула и несётся громить нашу квартиру дальше вместе со своими неадекватными друзьями.

Получив разрешение пригласить на праздник любого, кого пожелает, моя отличница сестра, недолго думая, перечислила имена самых хулиганистых ребят своего класса.

Определенно, это серьезный звоночек — причем не первый. Но мы с мамой усиленно делаем вид, словно не понимаем, какие граммы успокоительного и нескончаемого нервного тика ждут нас в будущем. Мы наивно полагаем, что во времена ее бурной юности, не посеем раньше положенного срока.

— Видишь, ты остался жив, — мамина рука ложится на мое плечо. — А ты так переживал.

— Мам, не выдумывай. Твой сын давно не испытывает подобных эмоций.

— Это ты перед своими друзьями и подружками можешь выпендриваться, — ласково гладит по щеке, а затем с небольшой тревогой спрашивает. — Ты же с нами еще немного посидишь? Скоро папа должен приехать.

— Не называй так этого мужчину. — отодвигаюсь от нее и беру со стола стакан с персиковым соком.

Мелкая пьет только его и яблочный. А значит, заставляет и остальных следовать своим предпочтениям. Никаких мишек барни, только хардкор.

— Дим, он все-таки твой отец, — примирительно шепчет мама.

Остальные родители сейчас находятся в гостиной комнате вместе со своими неадекватными отпрысками. Потому мы можем спокойно поговорить без свидетелей.

— Прошло достаточно много времени. — мама у меня слишком добрая. Иначе я не понимаю, как она смогла его простить. — И не забывай, мы живем в роскоши благодаря ему. — факт с которым сложно спорить.

Но я воспринимаю действительность несколько иначе, чем она. После того, что сделал отец, он до конца своих дней должен на коленях просить прощения и кормить маму с золотой ложечки.

— Он замаливает свои грехи, мам. Пожалуйста, перестань уже его оправдывать. — возвращаю стакан на стол слишком резко, отчего стекло издает пронзительный визг. — Мне пора, у меня дела с Тохой.

— Дим...

— Мам, я с ним и так вижусь. Всегда, когда барин изъявляет желание вызвать на ковёр. — цежу со злостью слова.

Вот зачем она меня постоянно выводит из себя из-за существа недостойного называться человеком. Нормально же общались.

— И его поручения выполняю. Постоянно. Но праздничный семейный стол с ним делить не намерен.

Ухожу быстрее, чем она снова успеет что-то сказать.

Но лучше бы я остался.

Отец, конечно, редкостное говно. Но такого я от него не ожидал.

Сентябрь. Осень. Сначала было солнечно...

Для того чтобы поступить в университет, на который я сейчас смотрю с благоговением и большими надеждами, мне пришлось много лет упорно вгрызаться в гранит науки. Возможность преждевременного карьеры и потери зубов никогда не пугала. Я всегда была уверена, что смогу достигнуть намеченной цели.

Конечно, если твой папа депутат или мама криминальный авторитет, то платный факультет тебе обеспечен. Но мой папа — простой рабочий. А мама ушла однажды много лет назад за хлебом, оставив меня присмотреть за малюткой сестрой. И так с того дня не вернулась.

Пожалуйста, не подумайте ничего плохого. Она не сталкивалась с кирпичом. Случайный ураган не уносил ее в волшебную страну ОЗ искать мозги, сердце и смелость. И влюбленная горилла тоже не похищала — к сожалению. Иначе имелся бы элемент трогательной романтизации сюжета.

Только вот его нет.

Совсем.

Она всего-навсего решила пожить для себя. А мы оказались ненужной обузой. Муж и дети не вписывались в её славную картину радостей мира. Мешали наслаждаться дарами природы и искать тех самых, наверняка крайне милостивых, горилл.

К тому же мы имели наглость тратить её бесценные женские нервы. Папа мне этого, конечно, не рассказывал. Я сама все узнала, спрятавшись в коридоре за дверью шкафа и нечаянно подслушав их разговор, когда мой встревоженный отец, обзвонив все больницы и знакомых, наконец сумел найти свою ищущую дивный новый путь супругу.

Это были её собственные слова, которые она истерично и громко выкрикивала в трубку.

Мое детское сердце их отвергало, всячески отталкивало, не желая принимать. Но уши уверяли в правдивости, раз и навсегда разбивая светлый мамин образ. Из глаз текли соленые ручейки, а привычный мир вокруг безжалостно тускнел.

Когда папа вернулся в нашу с сестрой комнату, я уже сидела около маленькой кровати, ожидая от него любых слов.

Он тогда попытался улыбнуться и произнёс несколько застенчиво:

— Кноп, тут такое дело... Мама уехала на Колыму... и застряла. Надолго. — ему всегда удивительно плохо давалось вранье. — Когда сможет вернуться, не знает. Поэтому нам надо будет... Мы с тобой...

— Она, может быть, и вовсе не вернётся? Да, пап, скажи? Она нас бросила? — отец ничего не ответил.

Подожёл ближе, опустился рядом со мной на колени и крепко обнял, пообещав:

— Мы со всем справимся, дочь. Я ради вас всё сделаю. Ты даже не сомневайся.

И он делал. Работал не покладая рук, брал лишние смены и никогда не приводил в дом чужих женщин. Единственными представительницами женского пола, появляющимися в нашей квартире, были наши бабушки. Причём мамина родительница сразу переименовала свою дочь в «беспросветную дуру». Попытки отца утихомирить её гнев никогда не помогали.

И, говоря откровенно, если бы не баба Рита и баба Тоня, нам бы точно тяжело пришлось.

Но мы справились. Сплотились и выстояли. Возможно, папа не дарил нам навороченных игрушек, которые бы светились и пищали, как оживший после долгого анабиоза Пикачу, но мы ни в чём не нуждались. И не чувствовали себя чем-то обделёнными.

Единственным человеком, на ком злостно сэкономил наш с сестрой создатель, был он сам. Свитера, по его мнению, никогда не изнашивались, а катышки привносили непередаваемый шик, который я, в силу отсталости, не могла оценить.

Отчасти поэтому я больше всего на свете мечтала получить хорошее образование. Затем устроиться на работу в престижную фирму. Заработать много денег — а лучше очень-очень много. И обеспечить папе безбедную старость. Купить ту самую Тойоту, которую он хотел, а Янке подарить более свободное в финансовом плане будущее.

Чтобы попасть в эту элитную крепость знаний, мне пришлось выиграть не одну олимпиаду. Развить в себе супер-память. Часто засыпать позже полуночи. Доказать физруку, что мое принципиальное нежелание прыгать через «козла» никак не умаляет остальные заслуги в беге и отжиманиях и не должно ему помешать поставить мне пятерку.

Гадский супостат заставил пробежать лишний километр, но я выстояла. И теперь с победной улыбкой переступаю порог мечты.

Самый привилегированный университет города! Его выпускники запросто устраиваются на престижные должности и гребут деньги лопатой — так вещала одна из моих одноклассниц, личность творческая, поступившая в театральный вуз.

Я никакими особыми талантами, на мой взгляд, не обладаю, поэтому хочу всего-навсего стать одним из лучших финансовых аналитиков страны, так как с цифрами мы всегда быстро и просто находим общий язык.

Возле входа в нужную аудиторию толпятся первокурсники. Кто-то начинает знакомство с шутки и смеха, кто-то с любопытством озирается по сторонам. А какая-то девушка, облаченная в коротенькое сиреневое платье, с откровенно скучающим видом жуёт жвачку и пролистывает длинным ухоженным ноготком ленту распродажи на телефоне.

Что ж, у каждого свои цели и интересы.

Я не нахожу ничего занимательного в ожидании недалеко от двери — в голове вспыхивает ассоциация с представителями фауны, собравшимися около местного водоема — поэтому сразу вхожу в лекционный зал. Он поражает воображение своей масштабностью, несмотря на то, что я изучила довольно много информации о вузе, в котором мне предстоит поднять свой мозг на новый уровень знаний.

Аудитории Б1, С1 и Л1 одни из самых просторных в университете. И сейчас именно в стенах С1 должна состояться вступительная приветственная лекция для трех групп первокурсников финансового направления.

Первые ряды оказываются под завязку заняты студентами. Знала же, что надо заблаговременно выходить из дома. Надо сделать пометку в телефоне и встать завтра на полчаса раньше.

Оглядываюсь наверх. С грустью вздыхаю. Верхние ряды тоже полностью оккупированы.

Удручающе смотрю на пустую середину.

Делать нечего, выбираю самый близкий ко мне ряд, прохожу немного вглубь и сажусь на одно из свободных мест. Достая из сумки черную гелевую ручку и недавно приобретённую блочную тетрадь, на обложке которой красуется сонная панда. В одной из параллельных вселенных эти черно-белые мишки мои тотемные животные, не иначе.

Через несколько минут рядом приземляется симпатичная брюнетка в светлой рубашке и малинового цвета клетчатой юбке. Обаятельно улыбнувшись, представляется:

— Привет, я Катя. Из первой группы Г1.

— А я Милана, — улыбаюсь в ответ, — Тоже из первой группы.

— О, класс! А давай вместе осваиваться? Универ такой огромный, аж голова кругом! Я боюсь в нем потеряться, с учетом моего везения при построении маршрутов. — радостный огонек загорается в глазах новой знакомой.

— Давай, я только за. — с готовностью соглашаюсь с её предложением.

Моя единственная школьная подруга месяц назад переехала жить в Грецию. Ее отца неожиданно повысили и дали какую-то должность века, приправленную кучей плюшек. Из них самой непредвиденной оказалась миграция в теплые края.

Илонка обещала присылать мне почтой огромные вкусные оливки, а еще открытки с профилями горячих греческих парней. Ей предстояло начать учебу в иностранном вузе, и подруга была полностью занята подтягиванием английского языка.

Мы, конечно, созванивались и переписывались, но я чувствовала, как с каждым днем наша связь слабеет.

Головой понимаю, что в этом нет ничьей вины, но удручающая грусть порой скребется где-то под ребрами.

Мне не всегда удается быстро наладить контакт с новыми для меня людьми, но с Катей мы мгновенно находим общий язык. Оживленно делимся впечатлениями и надеждами. И

настолько увлекаемся разговором, что не сразу замечаем, как аудитория постепенно заполняется студентами. А потом в нее входят несколько преподавателей.

— Приветствуем наших дорогих первокурсников, — приятный женский голос проносится по залу, и мы с девушкой разом замолкаем. Выпрямляем спины и одновременно поворачиваем головы к трибуне.

Как я и предполагала, нам целый час рассказывают о том, как всем поступившим несказанно повезло оказаться здесь, в этих стенах. Под величественным потолком, пропитавшим грандиозными знаниями многие умы до нас. С гордостью информируют, что столь существенная импрегнация серого вещества знаниями подарила выпускникам возможность устроиться на престижные должности.

И вроде бы никто не стоит с табличками-подсказками: «Хлопать», но радостные рукоплескания слажено начинаются и так же ладно заканчиваются.

При перечислении некоторых имен выпустившихся студентов с некоторых мест доносятся изумленные охи. Катя тоже удивленно округляет глаза и тихо обращается ко мне с вопросом:

— Мил, представляешь, и они здесь учились?

Я молча улыбаюсь, так как давно изучила все детали, скрупулёзно выбирая вуз.

Не могу не согласиться, список фамилий впечатляющий. Каждый второй занимает не последнее место в политической или крупно-корпоративной сфере города.

Меня это только сильнее подстегивало, когда я просматривала информацию на ноутбуке. Отчетливо видела цель и собиралась настойчиво и упорно идти к ней. Сквозь тернии к звездам.

Активировавшиеся мечты вытесняют голос профессорши на второй план. Фантазия рисует меня состоятельной бизнес-леди. Главой крупной международной компании, которая отчитывает незадачливого подчиненного на совещании.

Большая переговорная комната, длинный стол, за ним сидят сплошь умные красавчики-мужчины и с обожанием смотрят на меня. Аниме в жанре «гарем» — не пустой для меня звук.

Для поддержания гендерных позиций добавим еще пару дамочек. Так и быть им позволено меня не обожать, они лишь благоговейно меня уважают, как справедливую начальницу. Яркие лучи солнца беспрепятственно проникают внутрь сквозь стеклянное панорамное окно. А нашкодивший работник стоит напротив, удрученно опустив голову, и боится поднять на меня глаза.

С июля месяца у меня появилась идеальная кандидатура на эту роль — тот извращенец из книжного. Вот и сейчас представляю эту картину, и улыбка медленно появляется на губах.

Мираж сходит с глаз, когда сознание улавливает информацию, предназначенную для записи. Тут же склоняюсь над тетрадью.

— И наконец я вам расскажу про замечательную практику, которую мы проводим уже третий год. Её ввел наш декан, Киринов Михаил Алексеевич. Только вначале познакомлю вас с тройкой лучших третьекурсников нашего направления. Ветров, Нестратов, Ольшанская — заходите.

Мечтательная, да и любая возможная улыбка вмиг слетает с моего лица, когда я вижу...

Нет, как вообще такое возможно?

Почему приятный сон резко превращается в кошмар?

Два парня и одна девушка неспешно входят в аудиторию. Дойдя до лучшей счастливой профессорши, останавливаются и начинают с интересом изучать ряды первокурсников. А я нервно тру холодными пальцами глаза и всячески себя щипаю.

К сожалению, это не стрессовое наваждение, нет...

Обладателем самого серьезного лица в этой тройке лучших является не кто иной, как книжный извращенец.

Это же надо, такой псих и в таком месте учится!

Стоит только об этом подумать, как он резко поворачивает голову в мою сторону. Не нахожу ничего лучше, как спрятаться, припав к соседнему, благо свободному, стулу. Правда рука все же задевает коленку парня, сидящего чуть дальше. Еле поворачивая голову, покаянно кричу:

— Извини.

Точно выгляжу крипово, но лучше показаться вежливой чудачкой, чем озабоченной харассментичкой.

Мало ли, может моя счастливая ручка упала так далеко, что мне до конца пары придется тщетно и безуспешно её искать.

Да, меня вполне устраивает поза распластавшейся на стуле скрюченности. Вряд ли меня вызовут к доске на приветственной лекции. Да и книжный гад вроде не успел заметить. Можно вздохнуть спокойно — насколько позволяет положение. А придумать, как не попадаться на глаза вредному третьекурснику, я всегда успею.

Только вот через пару минут я пойму, как же сильно ошибаюсь....

Профессор Киринов мне не нравится.

Совсем.

Не воодушевляет как-то.

Не вдохновляет.

Не мотивирует.

Совершенно не мой человек в части восприятия мира.

Несколько минут назад я понятия не имела о его существовании. Более того, не ведала про великие идеи декана о пользе наставничества. Но сейчас, прячась под столом, отчетливо ведаю на пару с беспокойно грохочущим сердцем. Оно, должно быть, тоже психануло и скакануло мне прямо в уши. И теперь неистово бьется тревожным набатом. А встрепенувшиеся и подрагивающие нервы безостановочно рисуют в голове сцены встречи с извращенцем — одна другой краше.

Первый раз в жизни меня решительно не радует информация о том, что я оказалась в тройке лучших первокурсников.

Категорически не хочется выходить из образа потерявшего берега страуса.

Но есть ли смысл и дальше испытывать терпение аудитории, изображая «в поисках Немо-ручки»?

Вряд ли, помимо меня, существует ещё одна Райская Милана Олеговна из группы Т1.

Итак, почему я не в восторге от идеи Киринова?

Ведь, казалось бы, что плохого в том, чтобы закрепить за тремя лучшими новичками потока студентов старшего курса, нарекая последних наставниками?

Верно, вроде бы ничего...

Но!

Среди этих самых кандидатов на наставнические замашки отчетливо возвышается своим ростом мой личный ангел мести. И чует мое сердце, этот гадский супостат начнет тянуть свои невоспитанные ручонки к моей трепетной фигуре.

Делаю глубокий вдох. Стараюсь придать лицу самое спокойное из возможных выражение. Нахожу призрачную ручку, сжимаю ее в кулаке, и начинаю грациозно выпрямляться на стуле, подобно графине на светском приеме.

Но тут возникает небольшая сложность — позвоночник, видимо, начал искривляться в сторону моих скрюченных лежаний. Усилим воли приказываю спине немедленно вернуть позвонки в стройный ряд — не хватало ещё заработать сколиоз из-за всяких извращенцев.

И, наконец, встаю со своего места.

Величественно прошу студентов разойтись. Представляя себя в роли Моисея, раздвигающего волны.

Но, как бы не так.

Действительность сурова.

Получается у меня из рук вон плохо. И я зачем-то с определенной и завидной периодичностью наступаю на ноги старающихся пропустить меня бедолаг. В ответ получаю возмущенно-гневные взгляды, в которых явственно читаю, что они меня точно запомнят.

Краснею, тихо и спешно извиняюсь. Иду дальше, замечая, как впереди сидящие чуть ли не поднимают ноги на сидения, заблаговременно готовясь к встрече с моими кедами.

М-да. К сожалению, выход не триумфальный. Отнюдь.

К тому же все то время пока я пытаюсь покинуть ряд, настырно жжет лицо, потом плечо, потом снова лицо.

Некто снайперски прожигает меня глазами, намереваясь еще до личной встречи превратить первокурсницу в руины и пепелище. И я точно знаю, кем именно является этот небезразличный к моей скромной персоне индивид.

Оставив за спиной кровавый след на ногах возможных одноклассников, двигаюсь к сцене. Там меня уже ждут два не в меру счастливых первокурсника. Встаю рядом с ними и зачем-то — глаза нежданно ополоумели — кидаю быстрый взгляд на знакомого старшекурсника. Тут же ловлю на губах парня хищную улыбку, заставляющую сирену в моей голове истошно завопить: Эрор! Беги, Мила! Беги!

Идея у сирены, несомненно, здравая, но не подходящая под обстоятельства.

Одно дело — уносить ноги из полупустого книжного магазина, где тебя никто не знает, а другое — из битком набитой аудитории, в которой тебя вроде как хвалят за достигнутые успехи. И предоставляют уникальную возможность: начать обучение под руководством более опытного и грамотного старшекурсника.

Решено, немедленно успокаиваюсь!

Не факт, что попаду под черное крыло извращенца.

Как настроюсь сейчас на вон ту милостивую девушку и сразу же... сразу...

— Мы решили, что старшекурсники сами выберут себе подопечных, — сбивает мой астрало-контакт профессорша, — И первым выбор предоставляется сделать лучшему студенту третьего курса.

Все зачем-то снова начинают хлопать, а женщина широко улыбается и поворачивает голову к третьекурсникам:

— Ветров Дмитрий, прошу.

С замиранием сердца перевожу взгляд на парня с короткими русыми волосами, но тот и не думает двигаться с места.

Неужели лучший студент самого почитаемого вуза нашего города читает мангу для девятилетних девочек?

К чему катится наш мир?

Инопланетяне, вам определенно пора вмешаться в ход истории. Почему вы оставили человечество без присмотра? Разве не видите, к чему это привело?

— Но, возможно, Дима захочет уступить даме право выбора? — елеинным голосом продолжает профессор.

Да! — пробуждается внутри умирающая надежда.

Девушкам надо уступать! Конечно! Это всем известная истина!

А блондиночка, в свою очередь, обязательно выберет меня, ведь я ей так мило улыбаюсь.

— Девушкам, несомненно, следует уступать. — подходя к микрофону, произносит долбаный лучший студент. И следом одаривает аудиторию чарующей улыбкой.

Вот же хамелеон перевоплощений.

— Но Оксана слишком сильный соперник. Боюсь, она не оценит неравного подхода. Может оскорбиться, а я не хочу умалять ее заслуги из-за пола. — третьекурсница еще сильнее расправляет свои плечи и победно смотрит на парня. Согласно ему кивает.

И, кажется, я единственная в этой лектории осознаю, как он ловко обводит всех вокруг пальца. Извращенцы, они такие...

А вас, уважаемая девушка-блондинка, дурят.

Дурят самым наглым образом.

Неужели не понимаете?

Нет, не понимает. Только кокетливо поглядывает на вероломного старшекурсника.

Ветров тем временем, продолжая прикидываться положительным героем аниме, с легкостью обезоруживает всех своей опасной улыбкой и выносит свой темный приговор.

— Должен признать, для меня волнительна та роль, которая мне поручена. Это большая ответственность. Но обещаю приложить все усилия, чтобы не разочаровать ожидания доверенного мне первокурсника. — неужели и этот быстрый маньячный взгляд, брошенный в мою сторону, замечаю только я?

Уважаемая профессорша, будьте мудрее, не отдавайте меня в его руки, пожалуйста.

— Выделить кого-то из ребят для меня непосильная задача. Уверен, каждый из них доказал свою исключительность, набрав ошеломительное количество баллов при поступлении. Потому я решил отдаться воле случая. — по залу проносится некий то ли «ах», то ли мечтательный вздох, чью природу мне не понять.

Ожидаемо этот звук принадлежит женской половине присутствующих.

Как же просто одурачить девушек, аж обидно.

Хочется закатыть глаза, но я сдерживаюсь.

— Мое любимое число «три», — загадочно продолжает гад своим бархатным голосом.

Да ну, конечно! Не брешки, Брешинда! Если бы я стояла сто пятой в списке, твое любимое число, дай угадаю, было бы «сто пять»?

— Третьей, если не ошибаюсь, вышла к нам первокурсница Милана Рай? — придает лицу налет задумчивости и, прикинувшись несмышленищем, поворачивается в нашу сторону.

— Райская. — стараясь скрыть скрежет зубов, поправляю я.

— Чудесно! У нас появилась первая пара наставника и первокурсницы! Поздравляю Вас, Милана, — обрадованно произносит профессор Ронина. Подходит ко мне и чуть тише добавляет, — Вам посчастливилось получить в наставники лучшего студента! Не сомневаюсь, благодаря Диминой поддержке Вам будет намного легче освоить новые предметы.

— Приложу все усилия, Ирина Валерьевна, — тут же материализуется рядом извращенец, демонстрируя нам свой белозубый оскал. — Сделаю все, что в моих силах.

Женщина доверчиво и как бы, нисколько не сомневаясь в услышанном, кивает ему и говорит:

— Уверена в тебе, Дима.

Мне очень хочется ей возразить. Сказать, что я тоже уверена, но вовсе не в успехе данной кампании, а в том, как губительно она на меня повлияет. Но разве она послушает? Остается с грустью смотреть вслед удаляющейся обратно на трибуну профессорше.

Новоиспеченный адский наставник становится чуть позади меня. Через несколько минут ощущаю горячий шепот, проникающий сквозь ухо в каждую клеточку кожи и подгоняющий отряд мурашек на пробежку от коленок к затылку.

— Ну, ола, дорогуша. Вот мы и встретились снова. Не сомневаюсь, ты рада так же сильно, как и я.

Вот так за один день, а точнее, менее чем за час, мои мечты о светлом будущем и спокойной учебе прямо на глазах превратились из манящей конфеты в зловонную рухлядь. И я стала одной из трех самых обсуждаемых первокурсниц финансового потока, не предполагающей, что глицин не так эффективен, как мне бы того хотелось. Но об этом я узнаю позднее.

К тому же у меня, видимо, начала формироваться пагубная привычка к бегству. И ужасно то, что я серьезно подумываю вовсе не над тем, как бы перестать уносить ноги, а размышляю, как бы придать этим ногам ускорения.

*

Понедельник наваливается на плечи чугунно и резко, в облике строгого профессора Львова Игната Борисовича. Худощавый мужчина с цепким взглядом считает свой предмет — концепции современного естествознания — основой основ для любого уважающего себя студента.

До его лекции я даже представить себе не могла, что желание преподавателя донести свой материал до ушей слушателей может привести к полному иссушению последних. Из аудитории мы с Катей и остальными нашими однокурсниками выползаем полуживыми, как стайка бездушно выжатых лимонов.

Надежды о том, что за выходные все забудут о нежданно свалившейся на меня радости «осваиваюсь под крылом у злопамятного психопата», оказываются смехотворно-наивными. Даже переговоры с луной не помогли поубавить тональность окружающей восторженности.

— Как же тебе повезло! — вот и сейчас, вернув себе разговорную функцию, с восхищением произносит Катя, пока мы движемся по длинному коридору, соединяющему между собой два соседних корпуса.

И, к сожалению, так считает далеко не она одна. Многие придерживаются схожего с ней мнения.

Большей частью — это девушки.

А если еще честнее — они всем женским коллективом абсолютно уверены в том, что сверкающая звезда университета упала мне — счастливой и везучей сучке — прямо в руки. Они понятия не имеют, что гадский супостат не звезда, а грозная комета уничтожения, желающая спалить к имбирям мою спокойную жизнь.

Однокурсницы одна за другой подходят ко мне с горящими, как у вампиров, увидевших молодую кровь, глазами. Взволнованно шепчут, хихикают и визгливо восклицают: «Поздравляю!», «Круто», «Вот это Чума!».

Многие тут же представляются до седьмого колена и предлагают дружбу. Если не до гроба, то до конца учебы точно. Во всяком случае, подобный потенциал убедительно проскальзывает в их речи.

Катя милостиво разрешает им высказаться и огласить полный перечень услуг и возможностей, который я приобрету вместе с их дружбой. А затем умело дает отворот-поворот. Нравоучительно и громко обращается ко мне, ничуть не стесняясь быть услышанной:

— Сейчас все станут набиваться к тебе в подруги. Чтобы добраться хитрыми лапками до твоего красавчика наставника. К тому же, считай, ты теперь знаменита, а люди тяготеют к

слава имеющим.

— Я не имею ни славу, ни желание к ней тяготеть, — огорченно вздыхаю в ответ и вижу привлекающий мой мочевой пузырь значок туалета. — Мне надо заскочить в дамскую комнату.

— Давай, — кивает брюнетка, — Я подожду снаружи. Прослежу, чтобы тебя не склонили к принудительной дружбе, воспользовавшись биологическими потребностями.

Закатываю глаза и следую к нужной мне двери. Захожу внутрь и подхожу к умывальнику, желая вначале помыть руки. Но не успеваю включить воду, как дверь одной из кабинок открывается, а вышедшая студентка начинает тихо напевать известную мне песню. Пользуясь тем, что она увидит меня только когда подойдет к раковинам, я застываю. Непроизвольно улыбаюсь, откровенно наслаждаясь любимой песней в таком шикарном исполнении. У нее очень красивый голос. Глубокий, грудной. Именно о таком я всегда мечтала, но... чего нет, того нет... Сорока и то мелодичнее меня будет.

— Ой, — прикрывая рот ладонью, смущаясь говорит та, кто даст фору нашей местной поп-эстраде.

— Извини, пожалуйста. — подходит к соседней раковине, спешно открывает кран и начинает мыть руки.

— Это ты извини. Я честно признаюсь, что зачарованно подслушивала. Потому что ты просто потрясающе поешь!

— Да вовсе нет, — краснеет и мило улыбается, отчего у нее на щеке появляется ямочка.

Вот определенно самый кавайный¹ персонаж для аниме. Кажется, я нашла идеальный образ для героини...

— Я просто волнуюсь из-за начала учебы.... А когда волнуюсь, начинаю петь. Знаю, довольно странный способ для снятия стресса.

— А, по-моему, классный. А ты тоже на первом курсе?

— Да, — кивает. У нее темные зеркально-гладкие волосы и глаза, как у Джасмин из сказки. — Пиар, а ты?

— Финансы. — на этом месте мой мочевой посылает прямой сигнал в мозг, сообщая, что некоторым не стоит злоупотреблять позывами матушки природы. — Была рада встрече! — выключаю воду и быстро иду к кабинке.

— И я! — долетает до меня ее ответ. — Желаю отличной учебы!

Когда я выхожу из туалета, Катя ехидно сообщает, что волновалась, не унесло ли меня течением.

— Но раз ты в порядке, — весело улыбается девушка, — Предлагаю пойти и осмотреть здешнюю столовую. Если в ней есть булочки с вишней, то я намерена к ним тяготеть.

— О, в этом я, пожалуй, тебя поддержу! Обоюдное тяготение к вкусной выпечке достойное занятие для первокурсников!

Столовая оказывается просторной и чистой. Стены покрашены в светлый салатовый цвет, а никак не в мрачно-кирпичный, как было в моей школе. И вместо длинных рядов парт здесь стоят круглые белые столы, окруженные стульями с мягкими сидухами.

Но самое главное — это запах.

Никакого тебе амбре перегорелой каши с явственными нотками зеленого горошка и смелыми мазками кетчупа. Нет, здесь царствует приятный аромат свежей выпечки, плавно проникающий в ноздри и моментально активирующий слюноотделение.

Ассортимент булочек заставляет радостно улыбаться и предвкушать приятные обеденные часы. Мы с Катей пару минут рассматриваем в витрине сдобные совершенства с вишней, клубникой, маком, капустой и яблоками. Затем встаем в очередь и продолжаем делиться надеждами, которые возлагаем на ближайшие годы учебы.

Она, как и я, не выходец из богатой семьи, но ее родители подкопили для своего ребенка финансовую подушку, и Катя смогла поступить на платное отделение. Цель у моей подруги благородная — перевестись на бюджет и снять с родителей денежную нагрузку.

По изученным мной материалам, шанс довольно ничтожный. Проще, точнее, ни фига, конечно, не проще, поступить сразу на бесплатное отделение. Именно поэтому я к каждой олимпиаде, на которую меня посылали, готовилась, как к полету в космос без скафандра.

В этом вузе наравне с отличными оценками очень ценятся баллы, заработанные на городских конкурсах и оригинальные решения нестандартных задач. Но говорить об этом я Кате не стану. Еще подумает, что я в ней сомневаюсь, а ведь главное при постановке цели — это несокрушимая уверенность в успехе.

Вот я убеждена, что стану очень богатой и состоятельной женщиной, и мы будем счастливо жить с моими родными до ста лет. И никто меня в этом не переубедит! Даже извращенцу наставнику я не позволю вставлять мне палки в колеса.

— Привет! — раздается рядом женский голос.

Та самая старшекурсница из тройки лучших — Ольшанская, кажется — встает напротив нас с Катей. За ее спиной, смущенно улыбаясь, машет нам рукой выбранная ею первокурсница из второй группы. Они успели купить себе по кофе и аппетитной булочке.

— Привет, — отвечаю я, не зная, чего от меня ждут.

Вдруг она хочет поведать об извращенных пристрастиях моего наставника и посоветовать бежать из страны, предусмотрительно сменив паспорт и отпечатки пальцев?

— Я Оксана, а это Мая. Хотела сказать, что тоже собиралась тебя выбрать, но Дима опередил. Меня приятно удивило твое решение на олимпиаде по английскому языку. Может, ты помнишь. Та, где тема «сновидения»? Я столько смеялась, когда читала. Сама бы никогда не додумалась.

— Помню... Но... откуда ты знаешь? — удивленно уточняю, становясь пунцовой.

Да, я много времени провожу за учебой и делаю это вполне по понятным причинам. Только совсем не люблю оказываться достоянием общественности. Быть центром вселенной определенно не моя мечта. Быть богатой леди в закрытом, скрытом от чужих глаз, белоснежном люкс-особняке — моя.

— Ах, это, — девушка лукаво улыбается, — Нам заранее прислали ваши личные дела для ознакомления. Не волнуйся, ничего секретного в них нет. В основном ваши успехи в учебе, оценки, баллы. Совсем ничего криминального. — смешно морщит нос. — И еще раз поздравляю. Не сомневаюсь, что Дима будет хорошим наставником. Может, местами строгим, но, поверь, это только на пользу. А если понадобится какая-то помощь, не стесняйся, обращайся.

— Спасибо, большое. — немного заторможено киваю.

Оксана вместе с первокурсницей идут к выходу из столовой. А я лихорадочно думаю, что у *него* есть на меня целое досье.

Когда девушки покидают царство еды, Катя радостно сообщает:

— Ничего себе! Она тоже хотела тебя выбрать. И, по-моему, ее протеже несколько огорчилась, услышав об этом. А что за олимпиада такая?

— Да, обычная олимпиада. Мне в тот день сильно хотелось спать, — потому что я всю ночь до нее готовилась, — И, вроде как, это помогло мне стать несколько оригинальной. Считай просто повезло и...

Договорить я не успеваю, в столовую с гоготом входят несколько ребят и моментально приковывают к себе внимание всей очереди.

Два блондина и рыжий — это, если, как писал Чехов, придерживаться краткости. А если позволить себе чуть больше деталей, то — девушки бы ослепленно падали в ряд, чувственно вздыхая и прося немедленного единения. Высокие, статно сложенные, но чересчур уверенные в себе.

Я со скужающим видом отворачиваюсь.

Придурка Василия Кафтина хватало и в школе. Всесторонне недоразвитая личность, отличающаяся лишь эффектной внешностью и каким-то глубоко нездоровым самомнением. Но моих одноклассниц это нисколько не смущало.

— А здесь особая цитадель красавчиков! — увлеченно рассматривая вошедших, довольно шепчет мне однокурсница.

Парни тем временем идут к кассе, игнорируя какую бы то ни было очередь. Но это, кажется, никого не возмущает, кроме меня, так как их сразу безропотно пропускают делать заказ.

Ешки-крошки, что за пижонство?

И почему девушки, которых они задвинули в очереди, им улыбаются?

Таких наглых надо отправлять к дяде пчеловоду на сеансы акупунктуры.

— Так значит, у нашего Ветра появилась новая девочка? — ухмыляется один из ярких представителей арийской расы, — Не знаешь, как выглядит?

Катя при этих словах тут же пихает меня в бок, давая понять, что говорят они об известной нам личности.

И мое свирепое настроение вдруг резко переобувается, обеспокоенно падает к ногам и начинает биться в тревожных конвульсиях.

— Надеюсь, он выбрал себе самую смазливую крошку, — судя по сходству, второй блондин приходится первому, если не братом, то собратом по ринопластике, настолько

одинаковыми выглядят их идеально вычерченные носы. Словно художник не брезговал пользоваться линейкой, когда создавал шедевр.

— Не помните, он заказывал капучино? — нервно поворачивается к ним рыжий.

— Да, — из-за старательного подслушивания я упускаю момент, когда в столовую всплывает брюнетка с несколькими ярко-красными прядями. — Дима просил капучино, а мне возьмите латте.

— Конечно, Лер. — обходительно улыбается рыжий и возвращается к перечислению позиций своего заказа.

И когда мой мозг зачем-то уточняет: «а где же Эмма?», взгляд улавливает новую фигуру в дверях столовой.

Мистер возмездие собственной убийственной персоной.

Вселенная, я только раз задержала мытье пола, а ты сразу вот так...

Может, мы сможем как-то договориться, впишем новые пункты, и ты забереешь меня из рук этого извра...

— Твой наставник идет! — Катя, без сожаления, практически полностью убивает мою левую барабанную перепонку своим счастливым шепотом, пока я думаю, как стать метаморфом и моментально поменять обличие.

Но переживать приходится не долго. Он равнодушно проходит мимо нас и даже не смотрит в мою сторону. Останавливается около тех самых ребят, игнорирующих права очереди, и местами-красноволосая тут же обвивает его шею руками, одаривая далеко не невинным поцелуем.

Фу-у, прилюдный обмен слюной.

Мерзость.

Запирайтесь у себя в домах и творите содом хоть на максималках, к чему окружающих людей лишать аппетита. У меня аж потребность в пище скорчилась и скончалась.

— Ветер, а где твоя девочка, ты нас познакомишь? — скалится один из блондинов.

— Да я как-то не особо помню, как она выглядит. — усмехается тот в ответ. — Пойдемте уже на улицу. Кот, ты кофе мне взял?

— Да. Держи, все как ты заказывал.

*

Когда *местные звезды* уходят, мы с Катей, наконец, добираемся до возможности купить булочек. Однокурсница улыбается и пытается меня подбодрить. Хотя я совсем не понимаю с чего вдруг меня задела внезапная амнезия новоявленного наставника, в которую ни капли не верится.

— Не расстраивайся, Мил. Что если у него плохая память на лица? Давай я угощу тебя булочкой?

— А с меня тогда кофе! — согласно улыбаюсь. — И, поверь, я наоборот буду самой счастливой, если он не вспомнит мое лицо.

Может, он просто меня не заметил?

Почему-то эта мысль неприятна и заставляет хмуриться.

Да что со мной сегодня не так?

— Только знаешь, это очень странно, — задумчиво произносит Катя, когда, набрав по паре сдобных плюшек, мы занимаем один из круглых столиков возле окошка.

— Я обратила внимание, что он буравил острым взглядом твое место, пока ты искала под партой свою ручку в пятницу. Причем довольно серьезно буравил. Основательно, не

мигая.

— Стоять! — гроыхает голос, способный держать в холодном страхе ледники Арктики, а в свободные часы поколачивать неудобных — исключительно забавы ради.

Я вздрагиваю и понимаю, что выход в окно третьего этажа второго корпуса — совсем не тот выход, который хотелось бы сейчас найти. А потому, сжав пальцы в кулаки, останавливаюсь и стараюсь унять грохочущее сердце. Его удары отзываются в ушах. Все тело напрягается.

Сам же сказал, что не помнит, как я выгляжу... тогда зачем явился?

Неужели перенёс удачную операцию на мозге?

И за одну ночь успел оправиться?

И куда вдруг подевались все люди из этого коридора? Почему никого нет?

Он одним своим взглядом поубивал и испарил в воздухе лишних свидетелей?

Вот ничуть этому не удивлюсь.

Шаги за спиной приближаются не спеша. Мне даже в них слышится надменность и некая ленца. Ветров останавливается за моей спиной. Явственно ощущаю его дыхание над головой, отчего по позвоночнику начинают бегать мурашки.

А что если — убежать?

Ведь самое лучшее средство для ухода — ноги.

Чего, спрашивается, я встала, как напуганный заяц, смилившийся с участью оказаться в пасти волка?

Но осуществить свой очередной дерзкий побег не удастся. Чужие руки хватают за плечи и резко разворачивают меня к старшекурснику. Его ладони обжигают сквозь одежду. Нервно сглатываю и шумно втягиваю воздух.

Не давая мне ни секунды, чтобы опомниться, Ветров сурово уточняет:

— Ты почему пропустила свою первую официальную встречу с наставником? Если бы мы были героями аниме, то сейчас из его рта на меня бы дыхнул холодный воздух, от которого тело мигом бы превратилось в квадратный кусок льда. Затем грохнулось бы на пол и начало позорно отползать.

— А мы вроде встречались уже.

Я, конечно, его немного побаиваюсь. К тому же он вызывает внутри меня странное волнение. Но надо сразу дать понять, что таким тоном со мной общаться не стоит.

Папа с детства учил ни перед кем не показывать свой страх. А моя «игра в прятки» на приветственной лекции в прошлую пятницу была вовсе не демонстрацией испуга, а грамотной конспирацией в надежде избежать ненужную встречу с придурком. В конечном итоге — провальной, но всё же попытаться стоило.

— И помнишь, что я тебе обещал?

— Ад, — не успев прикусить язык, скрещиваю руки на груди.

Адреналин бьёт в крови. Понимаю, что теперь мне терять уже точно нечего, и с вызовом поднимаю подбородок.

Мой ответ определенно радует извращенца. В его глазах вспыхивает пугающий блеск, гипнотизирующий. А уголки губ поднимаются в довольной ухмылке.

Почему гадские придурки рождаются такими совершенными красавчиками?

Несправедливо.

Вселенная, давай этот вопрос тоже на досуге обговорим?

— Молодец, мелкая, помнишь. Только вот я по доброте душевной намеревался показать тебе всего один уровень адских развлечений. Но ты, судя по выходкам, нарываешься на многоуровневый аттракцион? — и такой тьмой наполняются его глаза, когда он хищно наклоняется в мою сторону, что оборонительная крепость внутри предательски дергается. И я отступаю на шаг назад.

— Это угроза? — зачем-то уточняю. Вряд ли его слова — завуалированное пожелание долгих лет счастья.

— Предупреждение. — снова приближается. — Так что лучше отвечай, почему не явилась в деканат, когда остальные два студента пришли даже раньше назначенного времени?

Ну и как здесь признаться, что я никак не могла выйти на нужной станции метро? Вначале из-за громилы, которому у входа было медом намазано, хотя выходить он, кажется, никогда не собирался — кольцевая для него, видимо, место веселых и нескончаемых покатушек. А потом бюст той женщины в черном платье, под которым был лифчик-пуля. Им решительно можно калечить прохожих, как физически, так и психически. Лучше бы она себе отдельный вагон — как метко посоветовал ей один из соседних мужчин — бронировала, честное слово.

Не желая озвучивать все это наставнику, я решила ограничиться фразой:

— Так получилось.

Ему она точно не понравилась, потому что явно повеяло еще большим холодом.

— В следующий раз пусть получается иначе. За неявку завтра останешься после занятий. Аудитория А51. Сколько у тебя пар мне известно. Опаздывать или сбежать я тебе не советую. Иначе будет хуже. Мне надо тебя протестировать, поэтому будь умницей. — опускает взгляд на тетрадь, которую держу в руке и нагло шепчет. — Пандочка.

А после неожиданно треплет меня по щеке, словно какого-то пухленького малыша. Я настолько обескуражена, что заторможено наблюдаю и не предпринимаю попыток стряхнуть с себя чужие руки. Самодовольно ухмыльнувшись, студент, наконец, удаляется.

Я же остаюсь стоять на месте. Напряженно перевариваю случившееся. Злая и красная, открываю и закрываю от возмущения рот и зачем-то яро вырываю из новой тетради чистые листы.

Пятый раз пытаюсь настроиться на лекцию и заставить уши вникать в ту смертную скуку, которую вещает Леонтий Александрович.

Ничего не выходит.

Его голос обладает уникальной способностью выбивать последние крохи из зачатков твоего интереса. Речь профессора лишена всякой интонации. Она льется четко по прямой серой линии и совершенно не намеревается завлекать встречающихся на ее пути студентов. Вот отталкивать или вызывать суицидальные мысли — это, пожалуйста. А еще склонять к вечному сну и порождать какое-то нездоровое желание биться головой об стенку.

Ну разве так рассказывают историю России?

Да Петр I за столь индифферентное отношение к предмету подарил бы волшебный пендель, доставляющий в европейские столицы без пересадок.

Вот Игорь Петрович в школе преподавал историю настолько захватывающе, что мы даже дышать громко боялись, как бы чего не пропустить.

А тут...

Р-разочарование.

П-полное.

Не производя лишнего шума, достаю из сумки свой маленький скетчбук, устраиваю его около тетради и начинаю рисовать. Нет смысла насиловать себя чужими нудными речами, неспособными влиться в сознание. Всё равно после подобной подачи материала придется всё учить самой.

Но, несмотря на катастрофическую монотонность, болотом разливающуюся по аудитории, мне отчаянно хочется, чтобы время замедлило свой ход. Приостановилось и не приближалось к окончанию учебного дня.

Так как после пар мне назначено адское randevu. В некоей пугающей Аудитории А51. С одним самоуверенным гадским старшекурсником.

Идти туда нет никакого желания.

Вдруг это его тайное логово, где он частенько практикует свои непотребства?

Пририсовываю кошачьи ушки к голове антагониста самодельной манги и удовлетворенно смотрю на получившееся изображение.

— А что ты рисуешь? — заинтересованно шепчет Катя, умело вытягивая шею в сторону моего рисунка.

— Врагов отечества. — серьезно поясняю, заблаговременно закрыв альбом от любопытных глаз подруги. — Помогает лучше усвоить новый материал.

— Да? Интересный какой подход, — задумчиво произносит однокурсница и начинает тут же рисовать цветочек на полях своей тетради.

Математический анализ следует сразу после истории.

Здесь тоже всё довольно плачевно.

Профессор хоть и заинтересован в своем предмете, но все детальные объяснения он проговаривает в редкие минуты, когда стоит к нам спиной и чертит сложные схемы на доске.

Ничего не имею против его интим-встреч с доской, только проблема в том, что мужчину банально не слышно. Едва он отворачивается, тут же убавляет звук своего голоса и

будто шепчет что-то себе под нос.

К тому же его довольно крупное телосложение не оставляет никакой возможности разглядеть, что и в какой последовательности он рисует.

Попытки переспросить Игната Львовича откровенно нервируют последнего, вызывая на лице профессора горестно-снисходительное выражение, сопровождаемое частыми саркастичными вопросами:

— Да что непонятного? Вот же все подробно нарисовано. Неужели нынче первокурсники такие... непонятливые.

— Мне кажется, он считает нас тупыми. — оскорбленным шепотом информирует меня подруга.

— Думаю, тебе не кажется. — разочарованно вздыхаю я.

Потрясающе. Нет слов.

И вот об этом месте я мечтала, надеясь, что здесь даже стены пылают знаниями?

Лучший вуз...

Ага...

Лучшие преподаватели...

Где...

Если так и дальше пойдет, я начну сильно сомневаться в смысле лекций как таковых...

— Говорят, он очень лоялен к тем, кто не пропускает его пары, — до моих ушей долетает шепот длинноволосой Тины, обращенный к двум её подружкам. — И даже склонен ставить автоматы.

Не то чтобы я намеревалась начать злостно пропускать занятия, но теперь в отсутствии пропусков появился хоть какой-то смысл.

*

К кабинету, в котором должно состояться первое занятие по английскому языку, я иду с тяжелым сердцем. А ещё с грузом скучных воспоминаний и мешком разочарования от предыдущих лекций. Катя, в отличие от меня, владеет магией нескончаемого позитива. Успевая улыбаться каким-то проходящим мимо нас старшекурсникам, подруга усиленно пихает меня в бок:

— Не ходи такой хмурой и чаще улыбайся. А то к нам никто не подойдет.

— А зачем кому-то к нам подходить? — недоумеваю, потирая пострадавшую сторону.

Пихается она знатно. Надо бы следить за ее руками и вовремя отступить на шаг. Иначе папа обеспокоится, откуда у дочери синяки.

— Чтобы познакомиться с двумя такими очаровашками, как мы, начать за нами бурно ухаживать и звать на страстные свидания.

— Ой, мне этого счастья не надо. — придав лицу еще большей угрюмости, заверяю я.

Но Катя хитро ухмыляется, оценивающе проходит по мне взглядом и выносит удовлетворяющий ее вердикт:

— Хотя, знаешь, ты и в угрюмом состоянии милашка. Прямо так и хочется потискать! Так что в любом случае нас ждёт феноменальный успех!

— Ага, как же. — настороженно отвечаю, пока мы входим в нужный кабинет, и философски поясняю. — В мои планы входит феноменальный успех в учебе.

— Свидааания, — томно шепчет в ответ подруга.

Аудитория довольно быстро заполняется однокурсниками. Все потихоньку рассаживаются по местам, достают тетради и ручки.

Я авансом готовлюсь страдать по Светлане Петровне и рисовать дальше новую мангу, как меня встречает приятный сюрприз.

Мисс Алёна — а именно так просит к ней обращаться наша молодая преподавательница — оказывается какой-то невероятной зажигалочкой. Она способна и весело проверить словарный запас каждого студента в группе и при этом интересно рассказать новый для усвоения материал.

Пара пролетает весело и чересчур стремительно, словно несколько ярких озорных минут. Первый раз с начала учебы мы всей группой блаженно улыбаемся, покидая аудиторию.

Я настолько переполнена впечатлениями, что забываю о договоренности. И лишь около самого выхода из университета вспоминаю о назначенном мне не воодушевляющем randevu.

Душевно прощаюсь с Катей. Неизвестно, когда еще увидимся после сегодняшнего. Но, в отличие от меня, она совершенно неверно расценивает ситуацию. Узнав куда, а главное, на встречу с кем я направляюсь, начинает оживлённо предлагать мне зеркало, расческу и новую помаду, которую она еще ни разу не использовала.

Максимум, на что я способна — это посмотреться в зеркало, чтобы убедиться, достаточно ли воинственно выгляжу. И не дергается ли предательски глаз? Потому как внутренне всё немного полыхает от волнения.

— Ты чудесно выглядишь! — не помогает подруга. — Очаровашка.

Расческа формата «мини-раскладушка», сразу мимо. Такой не проткешь врага.

А помада слишком яркого алого цвета, для боевого раскраса не подойдет.

Но ничего, я смогу постоять за себя.

Путь до дверей злосчастной аудитории видится мне безжалостным испытанием на прочность. словно я иду сквозь дремучий лес по одной-единственной тропинке, вокруг которой скалятся чудовища. Проверяют, не передумает ли красная шапочка, не смалодушничает ли. Не захочет ли убежать от главного злодея, извращенца серого волка.

А ведь мысль броситься со всех ног к выходу и мчаться, не оглядываясь, настырно тарабанит в голове азбукой Морзе.

Три точки, три тире, три точки.

SOS

Ну вот зачем я понадобилась этому типу, помешанному на детской манге? Причём конкретно так помешанному.

Тот его бешенный взгляд в книжном магазине я до сих пор отчётливо помню. Этот имбецил даже имел наглость мне пару раз присниться. Правда, немного в странном амплуа, но я всё списала на травматизацию мозга в связи с перенесенным стрессом.

Тропинка заканчивается, предательски грохот сердца усиливается, а язык готовится к мгновенной атаке. У меня вообще с ним проблемы с самого детства. Довольно серьезные. Называются: словесное недержание. Я иногда просто не могу держать рот закрытым и вовремя смолчать. Вот не могу и всё тут.

Не то чтобы я намеренно желаю чихвостить всех отклоняющихся от правила писать «ча-ща» с буквой «а», но контроль даётся мне с трудом.

Временами никак не даётся, как бы я себя не уговаривала. И как бы сильно потом не жалела, сто раз повторяя в голове излюбленную фразу: «Стоило вовремя заткнуться.»

Шумно втягиваю воздух. Недружелюбно смотрю на номер той самой аудитории А51. Высоко поднимаю подбородок, прокручиваю в голове любимую песню, и со словами:

— I'm ready for the fight and fate¹, — захожу внутрь.

Но стоит сделать один единственный шаг, как воздух разрезается пополам холодным вопросом:

— Чего так долго?

Мой наставник стоит напротив окна. спиной ко мне. И эта его долбанная спина слишком шикарно смотрится, обтянутая темной тканью, идеально сидящей на нем рубашки. На ногах черные джинсы.

Даю себе мысленную оплеуху при торможении глаз на заднице врага. Совсем сбрендила барышня.

Красавчик, то есть, я хотела сказать — придурок, начинает ме-е-е-едленно, ощутимо снобически, поворачиваться в мою сторону.

Тоже мне

сексуальный

слоумошнец в действии.

Оправдываться я, конечно, не собираюсь.

Главное, что пришла.

Но скрещивая руки на груди, зачем-то выдаю:

— Долго не могла найти нужную аудиторию.

— Топографическим кренинизмом страдаешь? — темная бровь по-царски поднимается.

Смотрит снисходительно и надменно.

— Ну, хотя бы обхожусь без извращений и не самоудовлетворяюсь с помощью образа светловолосого Ларалиэля. — прежде чем осознаю, как губительна для меня прозвучавшая фраза, извращенец оказывается рядом.

Успеваю только удивленно пикнуть, когда меня резко хватают, поднимают и сажают на стоящую рядом парту.

Гад самодовольно усмехается, крепко фиксируя обе мои руки своими гигантскими лапами, пока я тщетно пытаюсь вырваться. Мои яростные старания достойны восхищения, но отчаянно безуспешны.

Он настолько сильный, будто у него руки сделаны из камня. Определенно, тупого, но исключительно крепкого и не сдвигаемого.

Припечатав меня к столу, бесстыдно вклинивается между ног и нависает надо мной своей двухметровой фигурой. От такой откровенной наглости вдруг становится трудно дышать.

Внутренняя система выдает неожиданный сбой, и вместо крика: «Эрор!» — из нее клубится пар недоумения и вязкого смущения.

Ветров настолько близко, что я чувствую тепло его тела и ощущаю запах парфюма. Древесный аромат с ноткой цитрусовых резко бьет в нос, вызывая острое желание срочно закупиться грейпфрутами.

Обожаю грейпфруты! — зачем-то радостно напоминает ополоумевшее сознание. И я начинаю трясти головой, сопротивляясь уже не только старшекурснику, но и собственным идиотским и неподходящим в данную минуту мыслям.

— Пусти немедленно, придурок! — шиплю я, совершая роковую ошибку — встречаюсь с ним глазами.

Два куска льда превращаются в океан, волны ударяются о берег и зовут меня без промедления нырнуть в опасный капкан — не иначе. Они желают устроить мне родео с акулами, но осознание опасности не пугает...

Наоборот, что-то внутри возгорается от предчувствия неминуемого...

Сглатываю, понимая, что падаю напрямик в эту бездну.

Дима придвигается еще ближе, хотя нормы приличия и так уже непозволительно стерты. Взгляд спускается к губам.

— Хочу показать тебе те самые извращения, о которых ты мечтаешь, пандочка. — смысл слов, который звучит слегка хриплым голосом, доходит до заколдованной меня не сразу.

А вот когда доходит, я снова яро начинаю трясти головой, сбрасывая с себя проклятое наваждение.

— Если ты сейчас же меня не отпустишь, то я закричу!

— Кричи, — ухмыляется, — Не представляешь, как я хочу услышать твои крики. — от затаенного во фразе подтекста щеки без моего согласия решают сгореть в огне стыда.

Набираю в легкие побольше воздух. Получается слишком шумно, но иначе я рискую задохнуться навалившимися эмоциями. Стараясь звучать холодно, строго говорю:

— Я пришла сюда получать знания, Дмитрий. Чужие нездоровые наклонности меня не интересуют. Твои — тем более. Твои плохие манеры я сполна изучила в книжном, когда ты повел себя не по-мужски, не отдав мне мангу для девочек. Чуть было не разочаровалась во всем мужском роде. И на заметку, если я пожелаю испытать просвещение в какой-то узкой

области, где приветствуются крики, ты точно будешь последним, к кому я обращусь.

Да, возможно, я немного перегибаю палку, но надо же как-то утихомирить свою странную реакцию на его близость.

Отчетливо наблюдаю за тем, как лед превращается в полыхающее пламя. Приказываю себе не отворачиваться от сковывающего всё тело в колкие цепи взгляда.

Он меня сейчас точно убьет.

Не бояться, кнопка! Держаться! Держаться!

Физически ощущаю тягучие волны гнева, исходящие от парня. Они будто жалят кожу.

Убеждаю себя, что сильнее втягиваю носом кислород вовсе не для того чтобы лучше ощутить мужской аромат. Нет-нет, дело совсем не в этом. Конечно же, нет. Но надо будет постараться возненавидеть грейпфрут.

Чужие руки резко выпускают из плена, когда я этого уже и не жду.

Наставник — или лучше сказать «маньячелло?» — спешно отходит к окну, грубо и холодно озвучивая команды:

— Проходи и садись за вторую парту. Тебя ждёт лист с тестами. Правильные ответы можешь писать прямо на нем.

— А это обязательно? — все ещё не веря в капитуляцию врага и подозревая его в коварной многоходовочке, быстро опускаю ноги на пол. — У тебя же есть полное досье со всеми моими оценками и баллами.

— У тебя было тридцать минут, — голос, словно плетка, метко бьет манией величия.

Поворачивается в мою сторону и показательно смотрит на свои модные часы на руке:

— Осталось двадцать три.

— А ничего, что ты сам...? — начинаю заводиться, но извращенец полностью сменил свое обличье и смотрит на меня скучающе, разве что не зевает.

— Двадцать два.

Ругаясь про себя меткими выражениями бабы Риты, подхожу к парте, на которой лежит задание. И даже ручка с чистым листом бумаги приготовлена.

Хочется гордо отметить, что чужого добра мне не надо. Вдруг он предусмотрительно натер их ядом.

В голове снова звучит мелодия моей любимой песни «Iron»².

Взяв листок с заданиями, начинаю спешно их просматривать, упуская из виду перемещения наставника. Оттого вздрагиваю, когда он внезапной тенью подходит ко мне сзади, а затем в ухо прилетают слова:

— Если будут вопросы — задавай. — благородно одаривает ненужной подачкой. Ехидной такой подачкой.

— Мне некомфортно, когда мне дышат в затылок. — недовольно бурчу, не рискуя лишней раз поворачиваться и встречаться с ним взглядом. Хотя средний палец зудит от желания впечататься ему в переносицу

К счастью, моя просьба не отлетает от его ушей, и через пару минут фигура возмездия снова отходит к окну.

Что ж, приступим к задачкам.

²Строка из песни «Iron». Перевод: «Я готов к борьбе и судьбе»

«Iron» — песня группы Woodkid

Ветер

Смотрю на часы уже не в первый раз.

Если эта мелкая коза через пять минут не притащит свой упругий зад в аудиторию, завтра точно превращу ее жизнь в пекло. Будет извиваться и просить не останавливаться, когда я...

Мотаю головой, отгоняя ненужные мысли.

Как ей только удалось за одну встречу так прочно, непрошенным сорняком засесть в моей голове?

Помню с каким упрямством смотрела в глаза и как отчаянно не выпускала мангу из своих маленьких рук. Как нагло дерзила и как одуряюще приятно от нее пахло. Ваниль с корицей.

А этот её испуганный взгляд, когда зажал возле полок. Даже от воспоминания вставляет не слабо.

Не в моих правилах лапать незнакомых девушек, но она тогда сполна это заслужила. Как и все то, что я собираюсь с ней сделать.

Делаю глубокий вдох.

Если ты, моя Райская засранка, сейчас не появишься, обещаю, пожалеешь.

Как дурак искал ее в социальных сетях, понимая безнадежность и абсурдность занятия. Пустая трата времени. Ведь не знал ни имени, ни фамилии, ничего. Тупо открывал профили разных девушек и листал, нутром ощущая, что мы обязаны снова встретиться.

День ото дня попытки отыскать беглянку на просторах интернета проваливались, но я, словно одержимый, листал контакты и с кипящей внутри злостью старался найти нагло скрывающуюся от меня воришку.

Возвращался в тот магазин. Не один раз. Но мне ни разу не везло.

А потом в августе сообщили об этой теме с наставничеством.

Очевидное желание, которое вызвало успешно практикующееся несколько лет ноу-хау Киринова — блевать.

И я отказался.

Вежливо.

В своей годами выработанной манере пай-мальчика, так удачно действующей на преподавателей. Тем более, Киринову никогда нельзя отказывать без веской причины, но я ее нашел.

Меня единогласно обожали в школах, в которых я учился. И три года в стенах вуза я тоже умело завоевываю приз всех имеющих симпатий профессоров.

«Хренов темный Лис. — обычно ухмыляется Ник.»

Но помощница Киринова все равно прислала мне на почту письмо с тремя прикрепленными файлами и короткой запиской о неразглашении информации. Без сомнения, старик сам ее попросил направить эту информацию, на всякий случай.

Что-то дернуло открыть первый документ до отправки сообщения в корзину.

И именно первой шла анкета девушки с маленькой фотографией в правом верхнем углу. Серьезная пандочка смотрела на меня через монитор, а я так и остался с поднесенной ко рту чашкой чая, не веря в такой подарок судьбы.

Тем же вечером мы тусили с парнями в клубе и Кот сказал, что давно не видел меня таким довольным. Ник удивленно поднял брови, услышав об изменении решения в части наставничества, недоверчиво мазнул взглядом, но говорить ничего не стал.

Мне выпал шанс сполна преподать ей урок. Показать, как именно следует и как не следует обращаться с Дмитрием Ветровым.

И она тоже, несомненно, помнила меня, иначе зачем пряталась под столом.

Еле сдерживался, чтобы не подойти, не схватить и не помочь ей с возвращением в исходное положение.

Ты теперь от меня так просто не спрячешься, Райская Милана.

Даже не надейся.

Уступить выбор Оксане?

Ага, как же.

Ищите другого идиота.

Ольшанская только с виду миленькая блондиночка. Когда надо — прогрызет глотку неуютным и не то что не подавится — глазом не моргнет. А еще хорошего дня пожелает, бесстрастно наблюдая за кровотечениями врага. Она одно время усиленно — вижу цель, не вижу препятствий — подбивала к Нику клинья, но тот не поддался на ее провокации. Даже когда они оба были вдрызг пьяными на вечеринке Кота, он ничего лишнего себе не позволил. Только после того случая она от него отстала.

В голове снова мелькает образ в футболке с пандой и я, как дурак улыбаюсь.

Дверь скрипит, открываясь.

Сбрасываю с плеч веселость и строго озвучиваю вопрос, оборачиваясь на ту, что заставила себя ждать.

Узнав о встрече со мной, девушки бегут со всех ног и не стесняются своей радости.

Эта же входит медленной походкой гордой королевы, высоко подняв свой маленький курносый носик. И недовольно морщится, словно в аудитории не слабо так воняет. Судя по её лицу — первосортным говном.

А у меня от одного вида первокурсницы по телу заряд ударяет.

Раздражает не слабо.

Бьет по рецепторам.

В столовой я первым делом заметил именно её. Сам не понимаю, но она для меня будто сияет, как самая яркая звезда. Но показывать ребятам не захотел.

Хрен знает, что на меня нашло.

Не решил, как буду вести себя с мелкой при друзьях.

А если они ее тронуть захотят? Коту вообще плевать, на кого карабкаться, лишь бы было мягко и за что потискать. Эта мысль вызывает неконтролируемый гнев и пальцы сами сжимаются в кулаки.

Не собирался быть с ней грубым, но вызывающий блеск ее глаз и острый язычок вынудили меня к действиям.

Сам не понял, когда усадил на стол, зафиксировал руки и вклинился между ног.

Вел себя, как полный придурок с замашками озабоченного мудака.

Но точно не планировал идти дальше.

Хотелось немного разжечь в ней злость, которая так сильно заводит, назойливо отзываясь в паху.

В нос ударил сладкий райский запах.

И я почувствовал, как сбилось ее дыхание. Видел, как первогодка поплыла, смотря мне в глаза.

А затем она вмиг перевернулась и вылила на меня ушат первосортных помоев.

«Ты будешь последним, к кому я обращусь» — мы оба понимали, о чем именно Милка говорит.

Посмотрим.

Неприятно ей, понимаешь ли, когда я стою сзади.

Подожди, я еще около тебя обнаженной сзади встану.

Сама попросишь.

Задания я выбирал долго, они не простые. У пандочки, судя по пройденным олимпиадам, мозг неплохо шарит, но сейчас моей далеко не благородной целью является её полный провал. Нужен повод называть девушку свалившейся на мою голову бездарью и сокрушенно вздыхать. Ведь придется отрываться от собственных важных дел и устраивать с первокурсницей внеурочные занятия. Не могу же я бессердечно стоять в стороне, когда доверенная мне студентка так плохо справляется с легкими задачками.

Тридцать минут слишком мало для этих пяти задач. Собирался дать ей как минимум час. Но она вынудила скосить доброту наставника.

Удовлетворенно подхожу к ней, собираясь сказать, что время не резиновое и молить дать еще минут десять не имеет смысла. Она сама виновата, не стоило опаздывать. Но пандочка сразу протягивает листок, стоит оказаться рядом, и, хмурясь, произносит:

— Там в последнем задании у меня возникли сомнения. Поэтому я предположила два решения.

Усмехаюсь.

Как же, два.

Самомнение у тебя, мелочь, завидное.

Ее сотовый, лежащий на столе, начинает вопить мелодией из «Чип и Дейла». Успеваю заметить на экране надпись: «Папулечка», а рядом аж три сердечка. Если бы я одаривал эмоджинами контакт своего биологического родителя, они бы имели совершенно иной окрас. Да, три коричневых куска зловонного говна именно то, что подошло бы лучше всего.

Первогодка выхватывает сотовый и пунцовая нервно отвечает на звонок. Затем спешно берет сумку и говорит:

— Мне надо срочно домой. Пока. — выбегает прежде, чем я успеваю среагировать.

Лист с ее ответами я складываю несколько раз и кладу в карман брюк. Посмотрю решения дома. Вряд ли она меня удивит.

Семейный ужин проходит под звонкое треньканье сестры, рассказывающей о том, как незадачливая девочка Лида попыталась увести из-под носа Янки Андрея. Папу, судя по выражению лица, красочные откровения младшей дочери о безжалостной ликвидации вставших на пути обнаглевших конкуренток несколько смущают, а точнее — пугают. Он откашливается и как можно деликатнее пытается объяснить нашей местной вышибале, что таскать одноклассниц за волосы не достойное занятие для маленьких принцесс. А еще доказать, что бедный Андрей имеет право на собственный выбор.

Андрей, держись там. Мы с папой за тебя переживаем.

Мелкая шумно вздыхает, с нескрываемым разочарованием в своем родителе берет в руку стакан с компотом и делает пару неспешных глотков.

Я наслаждаюсь едой и с долей ехидства тайно за ними наблюдаю. Но сестра, кажется, решила переменить тему, не встретив восхищенных отзывов, и теперь с улыбкой снисошедшей царевны обращается ко мне:

— Милка, а как дела в твоём университете?

— Отлично. — коротко отвечаю, накладывая себе в тарелку еще гречки.

— Ты как-то суховато звучишь, — подозрительно щурится мелочь, — Прямо как эта курица.

Она у нас крайне придирчива к еде и никогда не будет молчать, если кто-то что-то пересолил или недоварил. Виноваты? Тогда будьте добры сесть и выслушать все о своих косяках, без цензуры.

Мы с папой — каемся, грешны — пару раз давали ей возможность приготовить легкие блюда. Надеялись отыграться и также иметь возможность высказаться — исключительно в целях воспитания — о ее способностях. Но не тут-то было. У сестры всё получалось идеально. Причем настолько, что теперь яичницу мы безоговорочно доверяем только Янке.

— Меня вместе с двумя другими первокурсниками выбрали в качестве лучших поступивших на курс и каждому дали наставника старшекурсника.

— Молодец, дочь, — искренне хвалит папа, — Ты у меня всегда умница!

— А разве наставники не отстающим полагаются? — невинно так уточняет мелочь, недовольно разрезая ножом куриную грудку.

— А ты разве не хотела пойти в кино на Звездного Принца? — сахарным голосом отвечаю я, и сестра широко улыбается.

Несмотря на наши мелкие стычки, мы друг друга обожаем и всегда понимаем с полутонув. Как, например, сейчас.

— Ты прекрасная дочь. — театрально кивает Янка, и только наш доверчивый папа ведется на эту ужасную игру. — И невозможно мозговитая. Мой личный айдол для подражания.

Я толкаю под столом коленку юной актрисы, и мы обе начинаем смеяться.

— А у меня для вас сюрприз! — внезапно заявляет отец, встает из-за стола и спешно удаляется в коридор.

До нас доносятся звуки его поисковых работ, затем емкое: «Ага».

Кивком головы и поднятыми бровями задаю молчаливый вопрос сестре, не в курсе ли она, что там за «ага» такое? Но она только удивленно пожимает плечами.

Папа в эту минуту возвращается, садится обратно на стул и торжественно кладет на стол синий конверт.

— Ты хочешь, чтобы мы платили за электричество? — испуганно предполагает мелочь, округляя свои большие глаза.

Наверняка догадка возникла вследствие их недавнего конфликта.

Отец снова застукал ее ночью за чтением манги и грозился перестать оплачивать счета за электричество. На мой взгляд, грозился он совершенно неубедительно. Но на сестру должный эффект, видимо, произвел.

— Тогда, — сдерживая улыбку, поддакиваю ее версии, — Эти счета по твою душу, Янка. Иди ищи работу.

— Но... но я еще маленькая девочка.

Папа, к сожалению, не дает мне возможности полностью насладиться тем, как вытягивается лицо сестры, и радостно заявляет:

— Это билеты в пансионат!

— А школа?

— А универ?

Одновременно выдаем мы с Яной.

Папа все так же тепло улыбается.

— Это всего на два дня. Поедем с вами в выходные, мои девочки. Я подумал, что мы уже давно втроем никуда не выбирались.

— Классно! — сняв с себя мучительное бремя счетов за электричество, радуется мелочь. — Пап, очень круто! — кидается на шею к отцу.

Тоже встаю с места, чтобы присоединиться к семейным объятиям.

Правда меня уже далеко не так сильно, как в детстве, прельщают всякие дома отдыха. Особенно, зная папу...

Когда Янка была еще совсем крохой, мы оставили ее с бабушкой и поехали вдвоем на три дня в «Атлас». Так вот, мой невероятно чистоплотный отец мучился ровно пол дня, а потом откуда-то нашел ведро и швабру и начал намывать полы нашего номера. Я думаю, та комната еще никогда не блестела чистотой, как в тот день, когда мы ее покидали. Не удивлюсь, если ему потом неоднократно поступали предложения о работе в клининг-сфере.

— Привет! — раздаётся сзади приятный мужской голос и я, чуть вздрогнув, резко оборачиваюсь.

Терпеть не могу, когда кто-то вот так неожиданно подходит ко мне со спины.

Непреднамеренно высказываю недовольство красноречивым взглядом.

— Извини, если напугал. — искренне улыбается в ответ парень.

Узнаю его, это один из той тройки лучших третьекурсников, которым раздавали первокурсников. Ему достался Семён Пчелкин из второй группы, очень умный юноша, но чересчур занудный.

Зубодробящий ботаникос — если использовать классификацию нашей классной руководительницы в школе. Меня она относила к редкому виду юловидных и трапециевидных. Пожалуйста, не просите разъяснить почему. Мозг Эллы Марковны понять дано не всем. Мне — в том числе.

— Ничего. — растягиваю губы в вежливой двухсекундной улыбке и снова поворачиваюсь к пустому столу библиотекаря.

Женщина со взглядом «меня-все-достали» уже минут десять как ушла за учебниками, но так и не вернулась. Заставляет немного беспокоиться.

Возможно ли, что она извлекает книги из волшебного шкафа, а тот, в свою очередь, отчаянно сопротивляется?

— Я Артем, — студент становится напротив и приветливо улыбаясь, протягивает руку.

Выглядит вполне дружелюбно и довольно симпатично. Короткие русые волосы, карие глаза, черты лица, как у юного аристократа — все четко выверенные, ровные и изящно-притягивающие.

Но вот улыбка все же содержит следы потаенного озорства. Точно таким взглядом одаривает младшая сестра, когда при папе нацепляет на себя роль паиньки ангелочка.

С этим тоже надо быть начеку, хотя сирена в голове не вопит отчаянно: «Эрор!», как, например, при виде наставника-извращенца.

— Милана. — отвечаю на пожатие.

— Знаю, — подаётся чуть вперёд и, склонив голову набок, сообщает, — Я хотел тебя выбрать с тех самых пор, как увидел фотографию. Но Ветров опередил.

— Фотографию? — недоуменно переспрашиваю.

Это что же получается...

У Димы тоже есть мое фото?

Страшно даже представить, что он мог с ней сделать. Надеюсь, не протыкал иголками глаза и не практиковал танцы-Вуду для манипулирования?

А ведь вчера у меня подозрительно долго болела голова.

Неужели теперь придется озадачиться вопросом поиска бабки для чистки ауры?

— Да, — подтверждает мои ужасные видения старшекурсник, — У каждой анкеты кандидата было маленькое фото.

— Надо выбирать кандидата не по фотографии, — чеканю поучительным тоном своей бабушки Риты, — А по знаниям.

— Ты, несомненно, права. — наклоняется ближе и отчего-то в его голосе проскальзывает хрипотца.

Библиотечным воздухом надышался? Не зря я сразу заметила, что здесь давно пыль не протирали, все же я папина дочка.

— Но, когда твоё фото увидел, ни минуты не сомневался, какая ты, должно быть, умница в любом вопросе.

И вроде ничего плохого не говорит, но прозвучавшие слова смущают.

— Вот и ваши учебники, Райская. — скучающе объявляет библиотекарьша, громыхая перед моим носом вавилонской башней тяжелых книг.

— Я уж думала, не высылать ли за вами спасательную бригаду, — очень тихо шепчу себе под нос, но слух Артема так же хорош, как и мое супер-зрение, потому что парень откровенно прыскает в кулак и начинает громко хохотать.

— Нестратов, ты что-то хотел? — к старшекурснику женщина, подвергшая в своё время волосы всей существующей на земле химии, обращается без скуки и тоски, которой не так давно щедро обсыпала меня.

— Да, Марья Петровна, только я сначала помогу прекрасной первокурснице донести учебники до нужного кабинета.

— Ты всегда такой джентльмен, Артем. — расплывается в улыбке. — Другим парням нужно брать с тебя пример.

— Ой, что Вы, Марья Петровна. Ничего особенного.

Пока эти двое фехтуют между собой любезностями и щедро одаривают друг друга комплиментами, я едва слышно благодарю за полученные учебники и намереваюсь втихаря вынести их из библиотеки без посторонней помощи. Но на середине пути Нестратов ловко перехватывает книги, и громко произносит:

— Веди, сударыня.

Мои заверения в наличии силушки богатырской не воспринимаются парнем всерьез. Вспоминаю слова Илонки о том, что девушка не должна отказываться от мужской помощи, и со вздохом, но при том достаточно милостиво, разрешаю нести учебники.

— Но ведь ты так и не взял книгу, за которой заходил? — спохватываюсь, когда мы уже идём с Артемом по коридору.

— Для меня сейчас важнее помочь тебе. — игриво подмигивает парень, заставляя улыбнуться.

— Мне все равно тащить их до дома.

— Если захочешь, я могу дотащить их с тобой. Мне не сложно.

Это мы сейчас флиртуем?

Или нет?

Я со слов подруги «отстающий динозавр в отношениях».

Скорее всего мне кажется, и старшекурсник просто проявляет вежливость. Не всем же вести себя, как демоническая лошадь возмездия.

Все ещё улыбаясь, отворачиваю голову от Артема, смотрю вперёд и....

Вот правду говорят, вспомнишь ...

Папа однажды попытался изменить версию известной фразы, которая бессознательно слетела с его губ при Янке, и умильно проговорил:

«Вспомнишь солнце, вот и лучик».

Но Янка только при отце делала вид, что «да, да, я именно так и поняла». Мелочь, стоило ей услышать бранные слова, вшивала их в свою матчасть нестираемыми кодами. Особенно удачно золотой фонд ругательств пополнялся, когда баба Рита, оставаясь у нас,

начинала смотреть по телевизору какой-нибудь отечественный сериал, в котором мерзкий абьюзер мучил героиню-ромашку.

Так вот сейчас никаким лучиком и близко не пахнет...

Ветров идет нам навстречу, окружённый своими арийскими соплеменниками. И пока он нас не видит, лихорадочно пытаюсь сообразить, как бы скрыться.

Вчера Дима, со слов однокурсниц, прямо-таки жаждал нашей с ним встречи. Но я никак не могла остаться после пар и даже отпросилась у преподавателя и убежала на пять минут раньше.

Будь у меня в руках книги, я бы смогла хоть как-то за ними спрятаться. Но кинуться на Артема и отобрать желанные учебники не лучший вариант, только вызову непонимающий взгляд Нестратова и спровоцирую лишний шум.

Никаких поворотов ни вправо ни влево не наблюдается. Прямой, как дорога обречённого висельника, коридор ведет к самой жуткой веревке и ещё бесплатно снабжает мылом.

Извращенец-наставник что-то говорит своим друзьям, довольный собой поворачивает голову в мою с Артемом сторону, и стоит ему нас заметить, тьма не раздумывая опускается на его плечи. Ветров за секунду перевоплощается, словно мужская версия Сейлор-Мун. Только не в защитника, а в карателя.

Вселенная, я на этих выходных исправно и со всем смирением драила в квартире полы, поэтому мне немного непонятно, чем я тебя гневлю. Давай как-нибудь сядем и спокойно все обговорим.

— Какие люди, — ухмыляется Артем, когда мы останавливаемся напротив компании старшекурсников.

Тьма слегка кивает в его сторону, продолжая испепелять меня взглядом. Причём с таким гневом, будто я книги не в библиотеке взяла, а с его любимой полки умыкнула, да ещё и провожатого себе выбрала из числа его личных фаворитов.

— Ты-ы... — только и выдает Ветров, а затем добавляет издевательски-ехидное. — Легкомысленная и ветреная первокурсница.

Меня обидой, словно кипятком, обжигает.

Да, мы не поделили однажды книгу.

Причём он, не по-мужски, не захотел уступить даме.

К тому же полапал меня в магазине — глупые сны сейчас не до вас!

Потом ещё и гонялся за мной.

Сам вызвался быть моим наставником!

А в аудитории А51 вел себя не только пугающе, но и местами непристойно. Поэтому с чего это вдруг именно я легкомысленная и ветреная, а не он — конченный придурок тысячелетия?

Мой единственный косяк в том, что я вчера не смогла пойти куда-то там, где, со слов однокурсниц, меня поджидал этот психованный индивид. Но у меня имеется уважительная причина. Надо было забрать Янку из художественной школы раньше обычного, поэтому сразу после пар я убежала встречать сестру.

— Что ты себе позволяешь, извращенец! — зло цежу сквозь зубы, упрямо подняв подбородок.

— А я смотрю, вы успели поладить. — кажется, Артема сцена нашего сердечного приветствия радует больше, чем меня или гадского наставника, потому что Дима одаривает моего провожатого уничижительным взглядом и говорит сухое:

— Как видишь. — а потом снова поворачивает голову на меня. — Почему ты рядом с ним? И что вы здесь делаете?

Главное, так требовательно спрашивает, словно я какой-то договор со злом не так давно в темной комнате подписала и сейчас упускала важные пункты, за которые следовала незамедлительная кара. Ремнём, половником и арктическим льдом.

— Мы с Милой решили поближе познакомиться. — опередив меня, отвечает Артем и широко улыбается.

— Поближе? — как недовольный змей, уточняет Ветров, покрываясь новым слоем плотного льда. Еще чуть-чуть и зашипит.

— Да. — поддакиваю, решив зачем-то поверить градус внутренних морозильных камер наставника.

Но в последний момент чувство самосохранения толкает сделать шаг к Артему. Он видится более безопасным персонажем. И более адекватным.

От Димы мое тщедушное отступление не скрывается и выражение его лица становится совершенно угрюмым.

Хотя, казалось бы, куда больше?

Я отчётливо вижу в глазах Ветрова темное штормовое предупреждение о малых шансах на спасение.

— Даже так значит. Интересно.

— Мне тоже очень интересно общаться с Миланой. — Артем в моем рейтинге продолжает накапливать очки бесстрашия.

Он, надеюсь, понимает, что мы не в компьютерной игре, и никакое предварительное сохранение нас не спасет?

Внутреннее чутье подсказывает, что он специально провоцирует Ветрова. Правда, я не понимаю зачем и каким именно образом.

— Что ж, придётся прервать ваше общение. Я как раз искал свою первогодку для обсуждения заданий. А тебя, Нестер, между прочим, ищет Киринов.

— Пиз... — мой провожатый вовремя замолкает, меняя лексически неудобное слово на более приемлемое для девичьих ушей. — Брешешь.

— Не вижу повода. — с этими словами мою руку властно хватают, и наставник почти впечатывает меня в свою стальную грудь.

— Бедная Лидка, — раздаётся голос одного из блондинов, — Бегаёт по третьему этажу его башни, словно прокаженная, и грозит пристрелить тебя, Тема, за игнор ее горячих сообщений.

— Сообщений? — Артем хватает все книги одной рукой, а второй спешно достает из кармана брюк сотовый телефон. Смотрит в экран и начинает хмуриться. Кажется, он действительно пропустил чьи-то важные позывные.

— Мил, извини, — нехотя произносит Нестратов, — Если Киринов меня ищет, надо срочно идти. — арийские великаны тут же оказываются около парня и забирают из его рук мои учебники.

— Всё в порядке. — говорю ему я. — В любом случае спасибо за помощь.

Когда фигура Артема полностью удаляется в конце коридора, Дима так и не выпускает мою ладонь из своей. А его друзья начинают с любопытством меня рассматривать. Двое из ларца, поделившие учебники и третий, полностью рыжий.

Когда Янка была маленькой, она вернулась как-то домой из садика и объявила, что теперь влюблена в оранжевого мальчика, чьи волосы похожи на апельсин, и долго упрячилась соглашаться с тем, что он не оранжевый, а рыжий.

— Какая она милашка. — подмигивает тот, в чьих руках лежат два тома книг по матанализу.

— Да, хорошенькую себе выбрал, — хмыкает откликающийся на имя «Кот».

Без комментариев обходится лишь старший из двух блондинов. Он только молча изучает и загадочно улыбается, склонив голову набок.

Не люблю смазливые типажи, но этот вопиюще идеален.

Думаю, его лицо прекрасно подойдет для...

— Заткнулись. — на корню задушив возможные новые комментарии, грозно выдает наставник. — Это Райская Милана Олеговна. — надо же, помнит полное имя и не коверкает. — Моя личная первогодка. Надеюсь, понятно?

— Да.

— Понятно.

— Чего ты сразу?

— На всякий случай, разъясню для особо одаренных. Трогать ее нельзя, если нет желания остаться без будущего потомства. Следить и ограждать от всяких мудил можно. Если рядом хмыря замечаете, то на место указываете. Не возбраняется особо обнаглевших потыкать несколько раз мордой в пустую миску и желательно, чтобы миска, в которую будете тыкать, была железной. И сразу же мне сообщаете.

— Типа Нестратова? — хмыкает Рыжий.

— Его в первую очередь. — громыхает предводитель Спарты.

Нет, нет. Нельзя его в этой повязке представлять.

Нельзя.

И венки на голову — вот вообще не из той оперы...

Стоп.

Минуточку.

Чего это он себе вообразил?

С каких пор командует?

И такие дебилские указания дает?

— Эй, я на такое не подписывалась. — гневно возмущаюсь, предпринимая очередную попытку отнять руку. — И Артем, между прочим, очень приятный молодой человек! Нечего его от меня отгонять.

— Приятный... — как-то странно произносит самый высокий блондин.

— Всегда четко с дамочками действует. — замечает представитель кошачьих.

— Будешь делать то, что я тебе скажу. — потянув сильнее на себя, псих сжимает мой локоть.

— Еще чего! Я на это не подписывалась! И намереваюсь вести полноценную студенческую жизнь!

— О, Райская первогодка я тебе такую полноценную жизнь обеспечу. Не переживай, пандочка. — с придыханием шепчет маньяк в самое ухо и что-то страшное сверкает в его льдиных глазах, подтверждая сказанные слова.

У него внешность красавчика, чтобы углы ужаса скрашивать?

А потом громче для своих додиков добавляет:

— У тебя мозги должны быть заняты одной только учебой! Поняла? Так что забудь о парнях! Ты сюда пришла знания получать или попой своей вилять? Не слышу, мелочь? Правильно, получать знания!

Я аж воздухом от наглости давлуюсь.

Совсем с головой не дружит?

Что он о себе возомнил?!

Глава 12

— Эй! — говорю я и нервно оборачиваюсь. Провожая взглядом удаляющуюся вместе с моими учебниками свиту извращенца.

Их главарь тащит меня куда-то в противоположную сторону, крепко удерживая за локоть.

— Веди себя смирно. — тоном практикующего убийцы недовольно выдает Ветров.

В конце коридора появляется третья фигура. Заметно уставшая профессорша в сером костюме и бледно-малиновых лоферах медленно вышагивает нам навстречу.

В следующую минуту я замечаю, как ее удивленный взгляд останавливается на наших маньяк-жертва руках.

Философски задумываюсь, не следует ли мне крикнуть: «Помогите!» — как вдруг губы женщины расплываются в блаженной улыбке.

Осознаю, что ее глаза сместились несколько выше. Пытаясь понять резкую перемену, поворачиваю голову на тирана-наставника.

У меня аж рот открывается.

Точнее — челюсть с грохотом летит вниз.

Один в один супер-пай-мальчик из аниме. У него будто вокруг головы звезды сверкают, а сам он блестит кавайностью¹ и благородным происхождением. Когда же он мило с ней здоровается, профессорша и вовсе млеет. В глазах женщины вместо радужки сияют розовые сердечки, честное слово.

Потрясенно смотрю вслед удаляющейся надежде на спасение, а затем оборачиваюсь на двуликого. Желая получше рассмотреть эти его темные способности по мгновенному перевоплощению из демонической лошади в славного пони, но тут же вздрагиваю, встретившись с двумя кусками арктического льда, которые прицельно смотрят на меня.

— Ай! — непроизвольно вскрикиваю.

— Чего вздрагиваешь, пандочка? — нагло ухмыляется старшекурсник.

— Ты снова страшный. — мое чистосердечное признание становится катализатором, призывающим разрушительный гнев, сверкнувший в голубых глазах.

Тьма начинает явственно проступать за мужской спиной.

Как же хочется сказать: «изыди», но вряд ли Ветров оценит мою попытку изгнать его демонов.

И чего он так злится?

Реально же местами пугает.

А становиться зайкой в юном возрасте не очень бы хотелось.

И это, между прочим, меня сейчас тащат не пойми куда, а не его.

— Скоро пара начнется. — ложь во спасение.

— Все твои сегодняшние пары давно закончились. — ложь во спасение множит штрафные очки.

— Ты мое расписание наизусть выучил? — на этом славном геройском вопросе, открывающем миру возможность слагать баллады о неумемной браваре Миланы Райской, меня заводят в пустую аудиторию.

Уточнение: в полутемную и пустую аудиторию.

И когда дверь за нами наглухо закрывается, по моей спине проходится табун нервных и

упитанных мурашек.

— Ты-ы... — с каким-то болезненным придыханием проговаривает извращенец. — Иногда слишком сильно меня нервируешь.

— Все взаимно. — тут же, не раздумывая ни секунды, киваю в ответ.

Взгляд Ветрова отчетливо виден даже в слабоосвещенном помещении. Непроглядно-темный, колыхающий и давящий тонной затаенного железа.

Он несомненно немного пугает. Но, несмотря на бешенный стук сердца, я гордо вскидываю подбородок. Нервно сгладываю и облизываю пересохшие губы.

Наставник шумно выдыхает, резко хватая мои руки и одним толчком припечатывает к стене. Совсем как тогда в книжном магазине.

Хищно усмехнувшись, скользит глазами по моим губам.

Мне же это не кажется?

— Говоришь, все взаимно? — с появившейся в голосе хрипотцой спрашивает Дима.

У меня по всему телу неожиданно снова начинают скакать мурашки. Не могу понять зачем сама зачарованно смотрю на его рот и чего ожидаю.

Что это за непонятное чувство, которое пытается отпихнуть страх в сторону?

Оно ласково обволакивает и убеждает: Ветров не причинит мне вреда.

Нет...

Он только...

— Да, все взаимно... — в каком-то странном трансе шепчу я.

И неожиданно дверь в аудиторию с грохотом открывается. Внутри заваливается хихикающая парочка, не замечающая ничего и никого вокруг себя.

Мы с гадским наставником прекращаем зрительный диалог и одновременно поворачиваемся в сторону новых посетителей.

Этот кабинет очевидно пользуется большим спросом среди студентов.

Парень притягивает к себе смеющуюся девушку и у них начинается чересчур — на мой неискушенный взгляд — стремительное поцелуйство.

Не считаю себя ханжой. Также не имею привычку выступать против, когда возлюбленные в агонии страсти прямо-таки едят друг друга и всячески добывают из тел своих избранников огонь. Но лицезреть вживую подобные моменты чужих игрищ никогда не привлекало и не привлекает.

Помню, как однажды в метро меня ожесточенно преследовала озабоченная пара, желающая наглядно и предметно продемонстрировать их душевный, и не только, подъем. Чуть не зонтом пришлось отбиваться. Потом всю ночь кошмары снились, в которых я от них убегала по всему поезду.

Поэтому мой возглас неодобрения: «Эу!» — вырывается как-то сам собой. А не потому что я ярый противник поцелуев, расхаживающий перед Кремлем с плакатом: «Товарищи! Держите свои губы в узде. Нет поцелуйному разврату.»

Парочка резко прекращает свои активные действия и поворачивается на нас.

Вопросительно так поворачиваются.

Несмотря на отсутствие освещения, ясно осознаю, что они не горят радушием обнаружить свидетелей их огня.

И тут же следом понимаю всю недвусмысленность нашей с Ветровым позы.

— Извините, что помешали. — недовольно откинув назад волосы, ехидно кидает нам отдававшаяся недавно во власть страсти. Цепко схватив молодого человека за руку,

направляется к выходу.

Но перед тем как покинуть место пламенных игр, звонко хлопает ладонью по выключателю.

— Ай-ай-ай, испортила людям такой приятный момент. — ухмыляется Ветров, пока я шурю, привыкая к яркому свету. — Вот зачем ты им помешала? Посмотрели бы, как бы далеко они зашли.

— Извращенец, — мне наконец удастся гневно вырвать руку из чужого захвата, — Зачем ты меня сюда притащил?

В голубых глазах снова вспыхивает нечто пугающее. Заставляет сделать шаг в сторону. Медленно ползем по стене влево, вдруг не заметит мой тактический ход.

Но он замечает. Насмешливо смотрит, а затем достает из кармана сложенный в несколько раз листок. Раскрывает бумагу и загибает свою нахальную бровь.

Вот интересно, если я начну ежедневно тренироваться перед зеркалом, у меня получится так же?

Внутренний голос уверенно подсказывает, что лет через восемьдесят, возможно, наступит смирение перед очевидным ответом «нет».

— Как ты сумела решить все задачи за такой короткий срок?! — недоверчиво озвучивает наставник. — Ты же не вундеркинд?

— Откуда ты знаешь? — с вызовом кидаю.

— Как? — гад явно не намеревается признать во мне гения. — Пандочка, я жду.

— Мозг генерировал ответы, а пальцы держали ручку, с помощью которой я их записывала на бумажку.

Значит один из предложенных вариантов к последней задаче был верным! Ликование спешно разгорается в душе, затмевая все остальные инстинкты. Особенно инстинкт самосохранения.

— Так какой правильный ответ на последнее задание? И не называй меня пандочкой!

— То есть, ты настолько уверена, что остальные задачи решила верно? Смогла воспользоваться телефоном и залезла в интернете, пока я не видел?

— Чего? — возмущенно выдыхаю, — Я не списывала! Просто я их до этого уже реша... ой.

Вот говорю же, не нашла меня еще книга с названием: «Умей вовремя заткнуться, Мила», «Дзен молчуна» или «Не сболтни лишнего, дурында.»

— Ах вот оно как! — пугающе тянет наставник, — И ничего мне не сказала?

— Так ты и не спрашивал?

Вполне себе весомый аргумент. Только ему он таковым не кажется. Совсем.

— За сокрытие важных сведений, — сверкнув глазами, шепчет любитель манги, — Будешь наказана, мелкая.

Кавай (японский термин) — японское слово, означающее «милый», «прелестный», «хорошенький», «славный», «маленький», «крошечный».

Уговаривая папу отпустить меня в клуб, пришлось со всей серьезностью поклясться на конституции в том, что:

На витрину порока — а именно так мой родитель величает места дискотек — я иду вместе со всей группой T1. И преследую только две цели: немного потанцевать и отметить поступление в престижный университет.

Ничье растление: ни собственное, ни чужое — не входит в мои планы.

Бежать с неожиданно подвернувшимся под руку и безумно в меня влюбившимся иностранцем в жаркую и манящую молодых дурочек Испанию — папе надо срочно перестать смотреть вместе с бабушками сериалы — тоже не собираюсь.

Шутка про притягательные билеты в руках незнакомца оказалась лишней. Так как она чуть не развернула меня обратно на пути к входной двери дома.

Мечтать о полуночи, как было у Золушки, мне, конечно, не приходится.

Отец категорически против «поздних танцулек» и требует вернуться не позже десяти вечера.

Как говорится: не перебираешь перловку с гречкой, так и нечего заикаться о столь пагубных временных отрезках.

Выпросить еще один час оказалось сложнее, чем сдать все вступительные экзамены в вуз. Даже мелкая попыталась встать на мою защиту, сказав:

— Пап, не переживай, Милка вряд ли станет общаться с идиотами.

Но это тоже обернулось плохим аргументом. Который не просто не помог, а еще и размножил число идиотов в голове нашего гипертрофированно-ответственного отца.

Судя по всему, абсолютно все личности, которых я теоретически могу встретить в клубе, стоят на опасно-низкой социальной ступени. И у всех у них одна жизнеутверждающая миссия на нашей планете — затащить Милку в самое пекло порока.

— Пап, пожалуйста, не переживай за меня.

В старших классах я наивно предполагала, что как только поступлю в вуз, с вечерними вылазками станет проще, а получается, наоборот.

— Там будут все мои однокурсницы. Все.

— Ладно, кноп. Но смотри мне! Сразу набери, если что-то будет не так. Я подъеду и встречу тебя около входа в этот твой Бирри. — говорит отец и подозрительно разглядывает мой пуританский наряд, пока я снимаю с крючка в прихожей кожаную куртку.

Я, конечно же, соглашаюсь и ангельски хлопаю ресницами.

Мои обтягивающие штаны и облегающий белый топ прикрывает свободная рубашка цвета шампанского. Она исчезнет с моего тела сразу же, как только я окажусь на танцполе, но папе об этом знать совершенно необязательно.

*

В «Berry» мы с Катей и еще несколькими девочками из группы входим с разными надеждами. Подруга, ничуть не стесняясь, нашептывает о своих грандиозных планах по поиску горячего парня. А Лика с Машей активно поддерживают ее стремления. Хихикают и уверяют, что здесь часто тусуются старшекурсники нашего вуза.

И вот этот факт заставляет меня непроизвольно нахмуриться и вполне целенаправленно напрячься.

Мои ожидания относительно сегодняшнего вечера никак не включают в себя адских лошадей, предпочитающих мангу для девочек. Они ориентированы исключительно на танцы, которые я обожаю с самого детства.

Этот высокогорный дитя прерий повел себя крайне странно в той злосчастно-популярной аудитории, узнав о моем более раннем знакомстве с его задачами. Вначале я четко уловила в льдиных глазах самые изощренные виды пыток, но оказалось, что с фантазией у Ветрова прискорбно туго.

Не придумал ничего лучше, как заваливать меня тонной заданий.

Всю неделю не давал спуска. Неожиданно появлялся и пугал, словно вылезал из задницы демона.

А в пятницу его сиятельство наставник всучил мне в руки распечатки новых задач, которые обещал с особой тщательностью проверить в понедельник, а также «несказанно расстроиться, если найдет ошибки». Даже гримасу состроил.

Да чтоб тебя перекосило, гад.

Кем он вообще себя возомнил?

Наставники помогать должны, а не ухудшать условия учебы студента.

Я всю первую половину дня субботы потратила на вникание в матанализ, окончательно осознав бессмысленность призрачной надежды на профессора, предпочитающего общение с доской. А вторую угробила на задачки от мистера извращенца.

Правда, должна признать, он умеет подбирать интересные задания. Я даже увлеклась.

Но к чему так много?

Легла после двенадцати, а перед глазами «х» с «у» прямо у меня на лбу чертили пентаграммы в честь Ветрова. Пыталась отмахиваться от них, бесполезно.

Может, он таким образом меня в секту свою посвящает?

Но не выйдет!

Я на такое не подписывалась!

На следующей неделе обязательно все ему выскажу.

Прямо в лицо его надменное кину листы с решениями и выскажу, что думаю!

Да, в своих фантазиях я крайне отчаянная и строптивая личность. Эдакая математическая женщина-кошка.

При входе в полутемное помещение, заполненное бьющейся ключом энергетикой танцующих, я пытаюсь настроить терминаторские глазные способности по сканированию пространства. Несколько раз нервно обвожу взглядом помещение, но извращенного наставника нигде не замечаю.

Стас, наш однокурсник и староста, встречает нас около бара с широкой улыбкой на загорелом лице. Галантно провожает к столу, за которым уже сидит большая часть группы Т1.

Ребята заказывают коктейли и спустя пару минут перед моим носом опускается клубничный Мохито. Я не отношу его к числу смертных грехов, которые перечисляла папе во время клятвы дочери, а потому с удовольствием чокаюсь вместе с остальными и тянусь к трубочке губами.

Спустя некоторое время однокурсницы — и почему я все еще надеюсь, что они однажды угомонятся? — начинают кидаться репликами по поводу моего гадски-красивого наставника. Не забывая приправлять свои расспросы восторженными вздохами.

Как и всю прошлую неделю в вузе они пытаются получить от меня некие тайные

знания. То спрашивают о его увлечениях, то о размере ноги, а список любимых продуктов Димы имеет все шансы приравнять меня в глазах девушек к Робин Гуду.

И я бы рада назвать им его тайную страсть — Принца Ларалиэле, но я же хорошая девочка. Которой нужны козырные тузы в рукаве.

А потому приходится натягивать на губы улыбку и вежливо отмахиваться.

Катя, моя боевая подруга, вовремя отражает чужое любопытство, непредвиденно вышагивающее в новые дали.

Теперь им уже номер его сотового подавай...

Зачем мне контакты преисподней, сплюньте!

Правда Катина помощь очень быстро идет на спад, когда на горизонте начинает активно маячить Стас. Черета легких переглядываний между ней и старостой с каждым витком становится длиннее. Переходит в некий немой диалог, а вскоре сменяется активной фазой и приобретает вполне определенные слова, смешки и туманные вопросы. Они незаметно оказываются рядом друг с другом, вежливо подталкивая меня спрыгнуть с лодки, как ненужный балласт. И заводят животрепещущий — меня не включающий — разговор.

Обид никаких я не испытываю. Наоборот, приятно видеть довольный румянец на Каткиных щеках. Потому предложение пойти потанцевать я шепчу просто из вежливости, а не из-за желания увести ее из-под носа коварного Стаса.

На самом деле мне хочется танцевать по двум причинам.

Первая: не хочу мешать чужой бурно зарождающейся романтике.

А вторая — однокурсницы замечают брешь в виде Кати и начинают выдавать свои вопросы с увеличенной скоростью.

Мохито, довольный собой, плещется в крови, уверяя снять наконец рубашку. Слушаюсь. Отдаю идеально-маскирующий плащ подруге. Та, стоит отметить, обращает на меня свой взгляд, удовлетворенно кивает и даже поднимает большой палец вверх. Это придает мне еще больше смелости. Поправляя волосы и выпрямляя спину, с гордым видом направляюсь покорять танцпол.

Ветер

Ярость горячей лавой распространяется по венам, стоит вспомнить картину, на которой Нестратов ошивается рядом с моей первогодкой. Сердце бешено грохочет за грудиной. Анализируя скверное прошлое, понимаю, что виноват во всем только я.

Называется, пришел с ребятами в клуб, желая расслабиться. А на деле — отшиваю мурлыкающих кошек в блестящих платьях, потому что всю неделю в голове сидит одна строптивая красная пандочка.

Ко мне на встречи опаздывает, нос свой мелкий задирает. Морщится, будто рядом умертвие новый парфюм тестирует, а рядом с Артемом чуть не за ручку идет, улыбается вся из себя довольная. И самое паршивое — к нему жметя при виде меня.

Хотела ад, мелочь?

Устрою.

А я ведь не собирался жестить. Думал лишь слегка обрисовать для тебя силуэты царства Аида.

Но ты так усиленно нарываешься. Еще и с задачами меня провела. Даже не пикнула, что большую часть уже решала.

Я, как полный дурак, пялился на листок с ее ответами, не веря своим глазам. Пытаюсь понять, как она успела за столь короткий срок выполнить все задания. И, возможно ли, что я стал наставником вундеркинда?

Оказалось, что нет.

Стал наставником одной мелкой райской обманщицы засранки.

Ничего.

Понравилось, как я тебя всю неделю заданиями заваливал?

Прочувствовала вкус задач?

Отлично.

Это, безусловно, самое тупое наказание, которое сгенерировал мой мозг, но, после того как я ее мысленно в той аудитории раздел, поставил в своем разогретом воображении в пару поз, а затем через призму собственной несвоевременной похоти увидел в ее уже вполне реальных глазах неподдельный страх, меня будто по голове ударило. Не слабо так.

Но надо было придумать что-то такое, чтобы не оставляло ей времени коситься в сторону Нестратова.

И почему он именно к ней прицепился.

Как не приду к Миле, где-то рядом ошивается.

Неужели так и не успокоился из-за той мерзкой истории.

— Тебя штырит от твоей первогодки, Дим, — ухмыляется Ник, развалившийся рядом со мной на диване вип-зоны.

Медленно поворачиваю в его сторону голову. Моментально убиваю взглядом. Но улыбка лучшего друга становится только шире.

— Это ты моему брату и Рыжему можешь набивать голову хероборой про наставническую хрень и твою репутацию. А я не глотаю брехучий дым, да и доширак к ушам не люблю прикладывать, ты же знаешь.

— Раздражает.

— И потому ты ее выбрал?

— Я ее выбирал исходя из присланных анкет участников. — повышаю голос, так как, несмотря на вип-зону второго этажа, музыка вдруг резко грохочет по ушам, добираясь до самого мозга.

— Ага, — нахально усмехается белобрысый. — А ее фоточку в анкете долго рассматривал? Правой рукой помогал себе определиться?

— Ник!

— Да я же не собираюсь трепаться. Успокойся, чего смотришь как потомок сатаны? — тянется к своему пиву и делает большой глоток. — Она же та девушка из книжного, которую ты материл почти все лето? Я прав, м? Ты рядом с ней буйным становишься, не ощущал? К тому же вряд ли все девушки для тебя вдруг стали «пандочками». Я как-то раньше не замечал твою чувственную заикленность на медведях. — иронично заканчивает свою тираду Ник.

Вливаю в рот остатки жгуче-зеленого энергетика и в очередной раз зло поворачиваюсь на того, с кем мы дружим с пятого класса. Блондин в темной толстовке расплывается в улыбке чеширского кота и начинает плавно водить плечами:

— Так и думал. Я поистине гениален. Маме хотя бы со мной повезло.

Красная шторка входа сдвигается влево и внутрь вваливается вторая часть нашей компании.

— Девушки такие трогательные создания, — с азартным блеском в глазах говорит Кот, опускаясь на полукруглый диван. — Так бы их трогал и трогал.

— Девушки, как печенки, — вторит ему младший из братьев Авериных, садясь в кресло. — Ломаются, пока не намокнут. — и оба начинают громко ржать.

— Если нас окружают одни идиоты, — философски произносит старший из Авериных, с трагизмом поворачиваясь на меня, — Значит, мы центральные.

— Иди в жопу, Николос! — не переставая смеяться, кидает ему Тоха, а Кот неожиданно замечает:

— Кстати, Ветер, там твоя первогодка на танцполе тусуется. Задницей улетно трясет, я тебе скажу!

— Моя первогодка? — заторможено повторяю я.

— Ну да, эта твоя сексуальная штучка, которая должна посвятить себя учебе во благо твоего эго и статуса, сейчас внизу ребят заводит. — кивает Тоха, уничтожая гренки, как шредер наконец встретивший белую бумагу. — А чего ты ее не завалишь тупыми заданиями? Пусть каждое утро приносит тебе кофе, например.

— И поцелуйчик, — хмыкает кот и сразу ловит мой недовольный взгляд. — Воздушный. — добавляет и тут же искренне интересуется. — Может, нам ее оттуда убрать? — К моей радости, никаких потаенных намеков в его предложении не имеется.

— Наставник сам должен преподать урок своей нерадивой ученице и наградить ее запоминающимся наказанием. — положив руку мне на плечо, как старец из порно-сказки, с серьезной миной выдает Ник.

По роже вижу, что придурок готов заржать, но сдерживается. Взглядом сообщаю, что убью его. Скорее всего в самое ближайшее время. Кивает, довольный собой.

— Иди. Мое благословение на плечах твоих.

Скидываю его руку и гневно встаю.

В пятницу я лично дал Миле стопку распечатанных задач, которым она должна

посвятить все выходные. И продублировал их по электронной почте.

Первогодке следовало сидеть до часа ночи и нервно думать над решениями.

А она задом своим пришла повилить?

Я не собирался страдать всякой ерундой и давать ей идиотские задания, вроде: «принеси кофе» и «начищай до блеска мои кроссы». Это же откровенный и унылый идиотизм.

Мои наказания будут касаться исключительно учебы. Согласен, тоже уныло, но зато действительно, раз я пока не уложил ее в горизонтальную плоскость. К тому же все задачи, которые я приготовил, помогают лучше усвоить матанализ. Проверено на собственной шкуре. Она будет меня ненавидеть, но, порешав их, спокойно сдаст предстоящий экзамен.

Возможно, Тоха тоже прав, и следует несколько пересмотреть свой подход.

Добавить в него пару исключений.

И для начала кто-то сейчас неслабо получит по своей слишком активной попе.

Закрыв глаза, я отдаюсь музыке. Именно она разливается по моим венам. Управляет телом, превращая его в один плавный раскачивающийся ритм.

Танцы всегда безотказно помогают снять напряжение, разгрузить захламленную голову и снизить уровень злости. К тому же они прекрасно заряжают позитивным настроением.

После успешной сдачи экзаменов или в перерывах между неустанными к ним подготовками я часто устраивала в своей комнате ритуальные пляски, которые сопровождалась скачками настроения у сестры. Обычно она либо радостно присоединяется, либо смешно кривит лицо и ноет, требуя прекратить нарушать ее сугубо личный уровень тишины.

Сейчас же меня настолько уносит в потоке музыки, что я не сразу ощущаю, как танцую уже не одна. Чье-то горячее тело недвусмысленно колышется сзади. Неспешно раскачивается в такт с моим.

Желание немедленно отойти от незнакомца, вдруг решившего нарушить чужие границы, не выстреливает в голове вопящей сиреной, так как этот некто не ведет себя словно кобель-неандерталец. А таких немало.

И не пытается всячески потереться об меня своими выпирающими чреслами.

Он действительно танцует.

Во всяком случае, начинается все именно так.

Слегка вздрагиваю, когда мужские пальцы опускаются на мое левое плечо, и подушечки пальцев нежно спускаются к локтю.

Все еще не предпринимаю попытки отстраниться.

Почему, сама точно не знаю.

Не понимаю.

Обычно я сразу подсказываю пристававшим популярным направлениям турпутевок.

Вторая ладонь незнакомца ложится на талию, вызывая всплеск нервных мурашек.

Хочу обернуться и посмотреть на него, но свет будто предугадывает мои желания и каждый раз гаснет в самую неподходящую минуту.

А главное, таинственный незнакомец молчит.

Никаких тебе: «Привет, цыпуля», «Потришь о мой кожаный хвостик» или «При виде тебя мои колокольчики запели». Наверное, парням, которые пытались однажды подкатить, вся эта пошлость казалась чем-то дико возбуждающим. Но во мне вызывала лишь стремительно подступающие рвотные позывы. Они обрушивались на них пожеланиями идти в лес и там под соснами играть до одури со своими хвостиками. А также вдоволь позвякивать колокольчиками.

Но этот другой. Он ведет себя иначе. Не грубо, не нагло. Касается слегка, без каких-либо резких и мерзких движений.

Если бы на танцполе существовал кодекс хороших манер, можно было бы смело зачислить его в отличники.

Не почувствовав явных угроз совращения, немного успокаиваюсь. Решаюсь позволить чужим рукам недолгое вторжение на поверхность моей кожи. Даже разрешаю несколько сблизить наше телесное общение.

Теперь мы плавно двигаемся, соприкасаясь телами. И каждое едва уловимое

соприкосновение вызывает внутри меня странное волнение. Всплески внутренних волн. Всполохи. Огни. Электрические заряды.

— Пять минут темноты! Поехали в полный транс! Ныржаем! — громко объявляет диджей и свет полностью гаснет.

Я много слышала про необычную фишку этого клуба. Каждый час или два — не помню точно — здесь объявляют пять минут полной темноты, прерываемой лишь вспышками ярких световых импульсов стробоскопов.

Можно было бы заподозрить идеальную атмосферу для расцвета грабежа, но за все время существования «Berry» никаких дел открыто не было. Да и место считается одним из самых популярных в городе.

Пальцы мужской руки на моей талии как бы невзначай перебираются на голую полоску живота и начинают нежно поглаживать кожу. Я немного теряюсь, но вместо того, чтобы скинуть с себя чужую ладонь, нервно прикусываю губу. Первый раз ощущаю подобного рода жгучие покалывания во всем теле.

Одновременно резко и при этом как-то плавно незнакомец полностью впечатывает меня в себя.

И я очень надеюсь, что мое поведение — это коварство алкоголя в крови, а не порочная натура, решившая себя проявить, так как безропотно откидываюсь на чужую твердую грудь, в то время как две сильные руки уверенно направляют мою горящую в захвате талию из стороны в сторону.

Ощущаю, как его нос зарывается мне в волосы.

Вдруг он страшный? — резко простреливает в голове мысль.

Вдруг в комплекте к потрясающему умелому танцору с огненными руками идет вурдалак-голова и кривые зebroидные зубы?

Буээ...

Нет, лучше думать, что он неопиcуемо хорош собой.

Предательская фантазия не успевает уйти в глупые зарисовки, как я ощущаю прикосновение губ к волосам.

Он только что поцеловал меня в волосы...

Поцеловал...

Почему я все еще его не отталкиваю?

Уверенно принимаю решение, что алкоголь следует исключить из моей жизни. Совершенно точно и желательно навсегда. Иначе почему мне все еще приятно с ним танцевать? Почему сердце так сильно бьется и по коже мчатся электрические заряды от каждого его поглаживания?

Папа меня убьет!

Веду себя как дочь с низкой социальной ответственностью.

Но и эта мысль не останавливает.

Я что же это, становлюсь падшей женщиной?

Падение нравственности вот так происходит? В темноте? С танцующими рядом незнакомцами?

Поворачиваю голову влево: то ли пытаюсь его разглядеть, то ли что-то сказать о своей неготовности перейти в ранг особ легкого поведения. Но он расценивает мой жест иначе, потому что в следующую секунду наше дыхание соприкасается.

Краска стыда покрывает всю поверхность моего тела. Благо вокруг темнота, иначе светилась бы сейчас, как маяк незадачливого аллергика.

Эрор!

Миг, стук сердца и моих губ касаются чужие губы. Вздрагиваю. От ударной волны шока раскрываю рот.

Он прижимает к себе чуть сильнее и мягко касается сначала нижней губы, потом верхней, а затем целует.

Аккуратно.

Деликатно.

Слегка, словно пробует.

Умом понимаю, что происходящее неправильно, но не смею пошевелиться. Не могу его оттолкнуть, будто пребываю в глубоком трансе.

И тут незнакомец одним махом теряет все накопленные очки прилежного этикета. Решительно меняет свои ориентиры и мгновенно переобувается в железный костюм плохих манер. Стремительно разворачивает меня к себе и впечатывается в губы совершенно диким поцелуем.

Это катастрофически аморально и аномально разрешать какому-то парню, чьего лица ты не видишь, вот так страстно целовать себя посреди темного танцпола и при этом испытывать то, что испытываю я...

А я готова сгореть со стыда, потому что сердце предательски грохочет во всем теле, в то время как сознание пребывает в наэлектризованной сладкой эйфории.

Это ужасно стыдно, но его вкус такой... вкусный... Тавтология, да, но иначе мой мозг, превратившийся в желе, не способен описать.

— Н-не надо... — мне наконец удается выдать из себя правильную фразу и немного оттолкнуть его от себя ладонями.

Незнакомец на секунду отстраняется. Замирает. А затем и вовсе отдаляется.

А я остаюсь стоять одна, оглушенная совсем не музыкой, беспощадно долбящей по ушам, а оглушенная случившимся. Оно давит в разы сильнее.

Чувствую противоречивую смесь эмоций в груди.

Конечно же, облегчение. Но вместе с тем и... разочарование?

Да, оказывается я извращенка каких еще поискать.

Куда делись все мои представления о приличном поведении?

Что это было?

Как я все это позволила?

Нельзя, нельзя, нельзя так доступно вести себя ни с одним парнем, а с незнакомцем в темноте тем более!

Неужели этот гадский наставник заразил меня воздушно-капельным путем?

И почему вообще я о нем сейчас думаю?

Почему его представляю?

Когда через пару минут приглушенный свет возвращается, я взволнованно кручу головой по сторонам, но понимаю, что рядом нет никого, кто бы походил своим ростом на убежавшего танцора.

На плечи наваливается склизкая и неприятная масса. Она вмещает в себя сразу несколько пунктов.

Это и обида на ситуацию.

И ярость на себя, так просто позволившую кому-то себя бесцеремонно трогать руками и губами. И огромная — с пизанскую башню — злость на придурка, свалившего сразу и даже не представившегося.

Разве так поступают?

Где его манеры?

Это же вопиюще невежливо, так страстно целовать, а потом исчезать.

Хотя теперь я могу с чистой совестью и без пощечин реальности фантазировать, что он был красавчиком.

Пахло от него очень приятно. Похоже на одеколон моего гадского наставника. От очередной мысли об этом выходе из ледяного замка снежной королевы зло трясую головой.

Ну уж нет!

Еще не хватало представлять себе этого!

Нет, и сны совсем не показывают истинные желания подсознания. Уверена, всякие дилетанты наполняют интернет своими псевдонаучными статьями, и я не намерена им верить!

Обнимая себя руками, поруганная сбежавшим тупицей, медленно прохожу мимо танцующих. Вот парочка обжимается, и никто среди них не сопротивляется, а о побеге тем более не помышляет.

Когда выхожу к бару, справа раздается знакомый голос.

— Привет, Мил. — оборачиваюсь и вижу Артема Нестратова.

— Привет.

— Как удачно мы сегодня встретились, — улыбается мне старшекурсник. — Шикарно выглядишь. Давай я возьму тебе чего-нибудь выпить?

— Спасибо, Артем, но не надо... — у меня слишком расшатанное состояние и все чего я сейчас хочу — поехать домой.

— Знаешь, — чуть хмурится парень. — Я тут подумал. Мне, наверное, следует тебе кое-что сказать. Так будет правильно. — он подходит ближе, уменьшая расстояние между нами.

В голове загорается лампочка.

Лучше бы оставаться мне подслеповатым кротом без всякой надежды на электричество...

Смотрю на рост Артема, на его руки...

Неужели?!

Стараюсь немного принюхаться. Надеюсь, он не заподозрит меня в отклоняющихся спецификациях.

Но...

Погодите-ка...

Вроде от него пахнет иначе...или я себя убеждаю?

— Хотя ладно, скажу в другой раз. — на лице парня появляется ухмылка, когда он смотрит мне за спину.

Оборачиваюсь и тут же вздрагиваю. Ветров может смело давать уроки глазного убийства и требовать двойную плату. Откуда только появился? Наверняка тут где-то спрятаны тайные ступеньки из самой преисподней, для самых топовых членов клуба.

Смотрит на меня в упор, кивает головой в сторону, а по его губам считываю повелительное:

— Отойдем.

Так как в своей манере скучающего сноба Дима никак не реагирует на Нестратова, виновато улыбаюсь Артему, пожимая плечами, и следую за наставником.

У меня нет сил сопротивляться. Нет сил послать его на марс и оттуда в эротическое межгалактическое. Нет сил ни на что, потому что я вдруг резко вымотана и слишком сильно расстроена. Недалекая эйфория выветрилась из головы вместе с коварством мохито, оставив след глухого и терпкого разочарования.

— Как долго собираешься здесь пробыть? — слегка наклоняясь ко мне, спрашивает Ветров, а я ловлю себя на том, что нюхаю и его. Непроизвольно. Жгуче краснею.

Потому что мне вдруг кажется...

Да нет, мне не кажется, просто я определенно идиотка-sapiens. Новый вид человека.

Обнимаю себя крепче руками.

— Уже собираюсь уходить. — считаю, на этом наш разговор окончен, но поклонник принца Ларалиэля удивляет.

— Хорошо. Забирай свои вещи, я тебя отвезу.

— Спасибо, но я доеду сама.

— Это был не вопрос.

Поднимаю глаза. Смотрит надменно и зло. Скрещивает руки на груди. Брови густые сводит. Интересно, он тайно посещает салоны «Для особо густых и кустистых»?

— Ладно. — согласно киваю. Нет никаких сил с ним спорить. — Сейчас заберу вещи и вернусь.

Стоит подойти к столу, за которым сидят однокурсники, как среди девушек активизируется нездоровое возбуждение. Удивленно окидываю взглядом группу. Дамы блаженно улыбаются, трогательно хлопают ресницами и резко сокращают количество застегнутых на одежде пуговиц, если таковые имеются.

Подхожу к Кате, забрать рубашку, сумку и куртку. И сообщить о намерении уехать, как она хватает меня за руку и приближая к себе, шепчет:

— Охренеть, какой у тебя крутой наставник!

— А? — удивленно оборачиваюсь.

Оказывается, тень вечного мрака шла все это время за мной следом.

Только вот сейчас он выглядит разительно иначе.

Даже моргаю пару раз, пытаюсь поверить собственным глазам.

Стоит и мило улыбается моим однокурсникам, аж две ямочки на щеках появляются. И какие же они милые. Он, словно сияющий герой из аниме, всегда приходящий на помощь непутевой героине. Чуть наклоняется к Оксане, что-то кивает на вопрос Тани и вдруг резко перехватывает мой изучающе-недоуменный взгляд.

Все, пшик, мираж рассеивается. Недолго праздник пони длился.

Я аж сквозь эту елейную улыбку четко различаю долетающую до меня плетку и кожей чувствую недовольное: «поторапливайся!».

— Хочешь, он и тебя довезет? — шепчу на ухо Кате возникшую в голове совершенно гениальную идею.

Подруга на минуту загорается жгучим интересом к прозвучавшему предложению. Поворачивается на Ветрова. Не могу стереть из головы сравнение с тем, как Абу в

мультфильме "Алладин" смотрел на золото, которое ему строго-настрого запрещалось трогать. Потом она оборачивается на Стаса, вежливо ожидающего ее возвращения, легко решает в голове задачу про синицу и адскую лошадь, а затем мотает головой.

— В другой раз. Но завтра утром ты в подробностях расскажешь мне, как он довез тебя до дома.

— Ожидаемо на трамвае. — сарказм наше все.

Но Катя в ответ только смеется:

— У него очень крутая машина!

— Откуда ты знаешь?

— Я никогда не упускаю из виду детали.

Быстро надеваю оверсайз рубашку и театрально закатываю глаза.

Машина наставника и правда оказывается красивой.

Не разбираюсь в марках автомобилей, но знак мерседеса отличить смогу.

Черная, как и душа ее владельца.

Когда Ветров открывает передо мной дверь, я немного теряюсь. Меня даже слегка настораживает этот жест. А затем мужской голос обрывает прохладу воздуха, повелевая:

— Садись.

Он точно считает меня своей собачкой. И, судя по нахально поднимающейся брови удивления, извращенец уверен, что дрессировал меня последние десять лет по самым безупречным канонам подчинения. Потому не понимает, отчего я мешкаю.

На плечи снова обрушивается неприятный ураган вопросов о незнакомце в темноте танцпола, которого я не ударила коленкой в пах. А удивительнее то, что я даже не задумалась над подобной перспективой для его колокольчиков. В меня, получается, ртом тыкались, а я... свои губы приоткрывала.

Стыдно.

Безумно стыдно признаться даже самой себе, но мне понравилось.

Ошалевшая.

Папа от меня откажется, если узнает. Или отошлет к матери-кукушке на Колыму.

Послушно опускаюсь на сидение. Вдыхаю, закрывая глаза. И ругаю себя.

В салоне вкусно пахнет. Мне наверняка не следует признавать тот факт, что я снова сравниваю с ароматом облапавшего меня похитителя поцелуя.

А ведь похоже...

От этой мысли сердце начинает бешеным механизмом грохотать в груди.

Да нет, ерунда, одеколон у парней вполне может быть одинаковым.

Лучше бы у Ветрова в салоне воняло тухлыми носками, честное слово. Что за невыносимый во всех смыслах человек.

А вдруг тот парень все же был лысым и внешне походил на орангутанга?

Нет, нет, так думать точно нельзя.

Буду внукам рассказывать, как от его Красоты все одноклассницы разом слепли и неистово вопить начинали. На этой фантазии зачем-то поворачиваюсь на Ветрова, занимающего водительское сидение.

Удивительно яркие глаза, ровный нос и чуть пухлые губы.

Нет, не стоит на него смотреть. И руки сравнивать тоже нет смысла. Этот бы точно не стал меня целовать.

О чем я только думаю?!

Лучше провернуться к окну.

Да, намного безопаснее.

— Пристегивайся!

О, пополнение в лексиконе команд.

— А ты настолько плохо водишь? — меланхолично уточняю.

Вообще-то я всегда двумя руками за безопасность, только Дима меня раздражает всеми фибрами души. Особенно бесят скулы. Будто не могли быть кривоваты и не вызывать желания прикоснуться к ним — чисто из праздного, конечно же, любопытства.

Издает какой-то скрипуче-рычащий звук. И я начинаю волноваться за целостность эмали его зубов. Затем резко перегибается через консоль, оказываясь неприлично близко. Меланхолия нервно покидает тело за долю секунды, уступая беспокойному напряжению, умело затягивающему в пути тахикардии.

Льдиновые глаза напротив проникают в душу. Пробираются в самые укромные уголки и внимательно исследуют. Кажется, я не дышу. Вытягивает ремень, перетягивает им мое туловище и гневно защелкивает, возвращаясь в исходное положение. Поправляет упавшую на лоб темную прядь волос. Завороженно пялюсь на придурка.

Неприятно осознаю, что снова непроизвольно вообразила тот момент с...

Да что со мной сегодня такое?!

Прополоснуть мозги в тазу с сарказмом не успеваю, голос наставника-извращенца вновь показывает свое доминирование над тишиной:

— Диктуй свой адрес. — протягивает навигатор.

Почему нельзя общаться, вынув из речи тонну чувства собственной важности?

Меня снова обнимает грусть из-за дурацкого случая в клубе, и я безропотно называю улицу, дом, и подъезд. Поворачиваюсь к окну.

Машина медленно выезжает с парковки на дорогу.

Нет, такой как он никогда не поцеловал бы такую как я. Тем более с той страстью. Радуюсь, что мы едем молча. Но моя радость длится недолго.

— У тебя все в порядке? — через несколько минут нашей беззвучной поездки спрашивает Ветров.

— А тебе не все равно?

— Я не задаю вопросы, если мне все равно. — он говорит без прежней напыщенности, и я заставляю себя снова посмотреть на него.

Серьезный. Немного злой, но мерещится участливым. Или я оглохла после клубной музыки и теперь искажаю звуки окружающих?

— Все нормально.

— По тебе не скажешь. Выглядишь подавленной.

— Спасибо за информацию, кэп.

Вот чего он, спрашивается, пристал?

И почему я настолько раздавлена случившимся.

Ну поцеловал меня некто неизвестный.

Будем считать, что он был очень красив. Ослепительно хорошо собой. Крышесносно обаятелен.

И не важно, что я мечтала о чем-то романтическом.

Зато необычно... таинственно... фантастично.

Да, самоубеждение дается мне тяжело.

Сама не ударила коленкой в пах.

И сама же слабо сопротивлялась.

И чего ожидала?

Что включают свет, а напротив окажется... не важно!

Как можно так трусливо сбегать с места преступления?

— Я жду.

— Где тут кнопка «молчаливый водитель»?

— Первогодка, не борзей, иначе высажу!

— Да и пожалуйста.

Ему идея видится рациональной. Он действительно резко меняет маршрут, о чем сообщает голос томной Веры — навигатора. Сворачивает в какой-то двор, паркуется, а потом глушит мотор.

Вот же больной придурок. Сам вызвался отвезти, а сейчас ещё бросит непонятно где. Честно говоря, вокруг темно и оттого немного тревожно. Пытаюсь открыть дверь, но получаю удивлённое:

— Ты что делаешь?

— Ты разве не высадить меня вздумал?

— А тебе приключений на твою активную попу на танцполе не хватило? Снова на поиски решила пойти? Смотрю, ты увлеклась?

— Так ты видел?

Стыд превращается в огромного монстра, собирающегося с аппетитом сожрать мою тушку. А до этого покрыть тело красными пятнами позора.

— Только видел, как ты с кем-то активно терлась. А после пяти минут ночи ты уже стояла одна.

— И ничего я не терлась. Он сам подошёл.

— Выходит, не отталкивала? — ехидно уточняет мистер гадство.

Вот как же сильно мне хочется эту его густую бровь пальцем выровнять. И как интересно у него получается так грациозно выгибать только одну. Да еще и хищно усмехаться. Одним словом — Придурок с большой буквы.

— Я просто танцевала.

— Раз просто танцевала, почему грустишь, пандочка?

Но вместо ответа на его вопрос, я восклицаю:

— А ты хорошо разглядел, как выглядел тот парень? Сможешь описать? Ты его узнал? — чересчур эмоционально спрашиваю, бездумно кидаясь к нему. Но ремень безопасности стоит на страже порядка и удерживает мою бурю, активно транслируя: «деточка, твое поведение одно сплошное рука-лицо».

— Так сильно понравился?

— Нет. — вспыхиваю и отворачиваюсь.

— Тогда какой смысл описывать. — едва уловимая странность мелькает в его интонации и тут же исчезает.

— Для меня есть смысл.

— Почему?

— Не важно!

— Панда! — кажется, господин снова гневается. — Нечего малышам по клубам ходить! И жопой трясти! А если уж потрясла, то, будь добра, расскажи старшим о своем потряхивающем новые просторы походе!

И вот тут меня действительно начинает трясти. От злости и всей этой дурацкой ситуации. Вот чего он прицепился в самом деле?! Мне сейчас и без него тошно и досадно! И, наверное, поэтому язык с обидой выдает.

— Ты достал меня! Достал! Какой-то придурок нагло украл мой первый поцелуй, а потом взял и смылся! Понимаешь?! Просто испарился! Как некультурное привидение! Теперь ты доволен?!

Он пару раз странно моргает, смотря на меня во все глаза. Диму неожиданное

признание удивляет не меньше меня. Или даже больше. Выглядит действительно шокированным.

— Вот же... — тихо ругается и отворачивается.

Минуту нас обоих проникновенно поглощает тишина, а затем наставник снова практикуется в мастерстве ярости.

— Еще скажи, что в клуб первый раз пошла? В этом своем коротеньком топике и узких джинсах нафига тряслась?! Какого хера вообще поперлась? Думаешь, зачем пять минут темноты в Berry существуют? Там не только целуются, если ты не знала?! — орет на меня неожиданно. — Он может и дальше пошел бы! Он может хотел! — у него в глазах такая тьма вспыхивает, что я краснею и выкрикиваю:

— Извращенец! — а затем пытаюсь повернуть голову на все сто восемьдесят градусов, убеждая свой днк в наличии совьего гена, чтобы он не видел моего лица.

В сознании тем временем разворачивается массовое самоистязание сразу по нескольким пунктам: почему сказала, зачем, и, главное, кому!

Кому?!

Адскому наставнику!

Сегодня особенный день. Он называется: докажи себе, Мила, какая ты кругосветная тупица.

И как мне теперь ему в глаза смотреть? Он же додикам своим расскажет, и они начнут надо мной ржать и стебаться.

Нервно стараюсь открыть дверь, и так и эдак, но ничего не выходит, а затем слышу гневное:

— Прекрати!

Мы оба тяжело и зло дышим.

Я могу понять — у меня драма века, а у него что за истерика?

Манга для девочек сказывается?

Вот Янка тоже нервно ждет продолжения о приключениях Ларалиэля и на всех бросается. Может, стоит их познакомить? Пусть друг на друга срываются. Мне кругом будет один плюс.

Через пару минут мотор вновь начинает рычать.

Но мой наставник ничего не говорит всю оставшуюся дорогу.

Вообще ничего.

А я, вероятно, скоро сверну себе шею.

И зачем только согласилась с ним ехать, балда.

Когда подъезжаем к дому, он зачем-то паркуется, а затем поворачивается ко мне.

— Пандочка. — слышу, как шумно выдыхает. — Что будешь делать?

— В смысле?

— Предположим, я его найду и приведу к тебе. Что будешь делать? — смотрит так, словно в самую душу проникает.

— Дам пощечину и скажу, что он невоспитанный дурак.

— И все? — хмурит брови, на секунду задумывается, а затем похабно ухмыляется. — Тебе, может, понравилось?

— Хватит меня допрашивать! — заливаюсь румянцем. — Ты такой же извращенец, как и тот с танцпола! Вы бы точно поладили! — к счастью дверь подается с первой попытки. — Но спасибо, что подвез.

Выпрыгнув из машины, я бегом несусь к своему подъезду.

Глава 17

— А вот это тоже купишь? — сестра тычет мне в лицо своим розовым телефоном, ни грамма не заботясь о зрении родного брата, и удовлетворенно кивает, получая желаемое согласие.

Встаю с корточек, выключаю плиту. Беру сковородку за деревянную ручку и начинаю силиконовой ложкой выкладывать яичницу с помидорами на разложенные на столе тарелки. Стоит мне закончить, как мелкая сразу же оказывается рядом.

— Наклонись-ка, — повелевает командным тоном, и я выполняю просьбу, красноречиво добавляя во взгляд недовольства.

Она сразу просчитывает появившиеся изменения, и тут же меняет политику поведения:

— А вот это? — смотрит нежно, хлопает длинными ресничками, совсем как спустившийся с неба маленький ангелочек.

Я давно признал, что рядом с ней обречен на вечный проигрыш. И она тоже об этом прекрасно осведомлена. Ловит, удовлетворяющую ее принцешество информацию, а затем без зазрений совести вновь направляет экран своего телефона к моим глазам, практически припечатывая его к носу.

Косоглазие, привет тебе.

— Не хочешь помочь мне с завтраком? — шутливо интересуюсь я.

Телефон лениво отодвигается от моего лица, а вместе с ним исчезает и маска благожелательности.

— Димочка, — идеально пародирует маму, — Ты же сам прекрасно справляешься. Зачем вмешивать в эти бытовые процессы нашу принцессу?

Но все же берет со столешницы салфетки и начинает раскладывать их на столе возле тарелок.

— А что будешь делать, когда встретишь своего принца? И он, например, захочет поесть.

Поворачивает голову и смотрит, как на неандертальца. Глубоко и жалостливо вздыхает. Оценивает, все ли отделы мозга у меня функционируют.

— У меня будет домработница. И повар. — твердо заявляет мелочь и плюхается на один из стульев с мягкой спинкой.

— Как вкусно пахнет. — мама появляется в дверях и с умилением смотрит на нас.

— Обычная яичница с помидорами, мам. — заявляет сестра, но вовремя припоминая свой нехилый список запросов, ележно добавляет. — Но она изумительна.

На середине нашего семейного субботнего завтрака, Лиза будничным тоном, без какой-либо задней мысли, уточняет:

— Тебе снова дала Павлиния?

По счастью, ни я ни мать не жуем в эту неожиданную минуту, способную даже воздух заставить застрять в горле.

Мама прекрасно держит лицо. Только пару раз усиленно моргает. Беря кусочек сыра, тактично уточняет:

— Что ты имеешь в виду, доченька?

Мелочь, чье воспитание не позволяет говорить с набитым ртом, дожевывает помидорку, запивает персиковым соком и лишь потом соизволит продолжить.

— Два года назад Дима точно также утром накрывал на стол и готовил. А потом, когда к нам в гости пришел Ник, я слышала, как он говорил брату, что Павлиния ему что-то там дала. Ник тогда сказал, тебя от этого не слабо колбасит.

— Но Димочка ведь часто нам готовит. — с приклеенной пластмассовой улыбкой уверяет мама.

— Да, — задумчиво соглашается мелкая, — Но без наушников в ушах и без этого довольного выражения на лице.

Когда моя младшая сестра успела потеснить Шерлока?

— Получается, мы чего-то не знаем... — переметнувшись во вражеский лагерь и приняв подходящий по размеру костюм Ватсона, вторым, но уже осознанным троллем поворачивается на меня мать.

Маску милейшества у дочери одолжила, тогда как в глазах отчетливо скачут ехидные смешки.

— Тебе, сыночек, Павлиния...

— Мы с этой девушкой давно не общаемся. — резче чем хотелось, отвечаю я. Мама даже не подозревает о ком говорит и от этого совсем тошно. Она тогда переживала за меня. За меня...

Горечь застревает в горле.

— О! — мелочь отправляет в рот оливку и выдает новую мысль из своей гениальной головы, — Может тогда тебе Ник дал? Раз не эта...

Мамины губы начинают трястись и саму ее начинает неслабо потрясывать от сдерживаемого смеха. Она, в отличие от уставившейся на меня первым репортёром мелкой, отчаянно старается унять все более настырные приступы хохота. Мне бы очень хотелось поддержать ее смех, но все что выходит, это кривая улыбка и мерзкое чувство, разливающееся внутри.

*

— Как ты мог нас бросить? — Кот смотрит глазами кота из Шрека.

Он прогуливал универ два дня. А сейчас объявился и с самого утра закатывает мне сцены брошенной девы-девушечки, которую наспех поимели. Она, бедняжка, так и не кончила и теперь, не без основания, возмущена произошедшим.

Мое молчание и полный игнор еще больше задевают друга, уверенного, что если мы приехали на моей машине, то и уехать все обязательно должны на ней же. Существование в мире такси и общественного транспорта для него в эту минуту неведомы.

Козлы брата исподтишка наблюдают за трагедией Кота и тихо, но откровенно ржут. Все знают: стоит мне повысить голос, он ту же заткнется. Но сегодня не хочется ни на кого орать.

Стараясь унять внутреннее нетерпение, жду окончания второй пары. Смогу наконец пойти и увидеть свою первую парочку.

Я не стал ее пытаться в понедельник по поводу решения задач. Вскользь просмотрел отданные мне листы. Ожидаемо почти все ответы были правильными. Без лишних перегибов немного ее похвалил. Лицо пандочки в тот момент было непередаваемо прекрасным, даже ротик от удивления открыла. На беду моей ширинки.

Она определенно права, называя наставника извращенцем, так как мне понадобилось менее секунды в своем порочном воображении, чтобы полностью ее....

— Тебе еще и смешно. — буркает в край обиженный кот.

У меня еще и встает — думаю я.

А с Котом я, конечно, сам виноват.

Стоило несколько раз отвезти и завезти всех обратно на моей малышке, как у рыжего похоже сформировалась неверная привычка. И теперь он активно хочет зачислить друга в свои водительские папики, отыгрывая роль обиженной мальвины. Только забывает, что я никакой не Пиннокио, а Карабас Барабас.

Ник, у которого в нашей компании одновременно две роли — стебучего подстрекателя и хитрожопого парламентаря всея Руси — кажется, взял на себя сегодня первую. Стоит нам встретиться взглядами, хмыкает и лыбу давит.

В глазах считываю вопрос.

Слишком очевидно заливает.

И когда я хмуро отворачиваюсь, слышу довольный гогот.

— Я с ней не сплю. — зло выдаю, когда вторая пара наконец заканчивается, и мы, немного оторвавшись от Кота и Тохи, выходим из здания первого корпуса.

— Потому и ржу. Но это смех искренней радости, — глумливо проговаривает мой лучший друг и с ехидной улыбкой добавляет, — Мистер танцор-диско.

— Танцами у нас ты увлекаешься, — не премину подколоть его тем фактом, что в танцевальный кружок в школе ходил именно он, да и в клубах редко упустит случай задом своим потрясти. — А сегодня с утра меня слишком часто раздражаешь.

— Попей травяных капелек. Моей бабуле прописали недавно. Ядреная херобора, могу тебе отсыпать. И не смотри с такой страстью. Переметнутся на другую сторону ты меня не заставишь. Я только по девочкам, Ветер, сам знаешь. — нарывается гад. — Не зря же говорят, береги брюки сзади, а юбку спереди.

До первого корпуса мы добегаем.

Ник самоубийственно ржет. Прибавляя скорость, пытается продлить свои деньки. Я догоняю, уверяя всем своим видом — его попытки тщетны.

Понятно, драться с другом не собираюсь, но приструнить его немного стоит и ощутимо попинать тоже.

Правда, когда мы, удивляя окружающих своими спринтерскими способностями, влетаем друг за другом в здание третье корпуса, все на что оба способны — тупо поржать.

Первогодку свою вижу, когда она буквально вылетает из правого коридора и чуть не врезается в меня на полном ходу. Приходится ловить ее. И как бы невзначай сразу устанавливаю тесный контакт. У меня на нее грандиозные планы. От ее сладкого запаха, бьющего резко в нос, в паху нить начинается.

Поднимает на меня глаза. И только сейчас я замечаю, какая ярость плещется в шоколадных омутах, с ног сбивает. Меня же дико заводит.

Какой придурок посмел ее обидеть?

Только собираюсь что-то сказать, как она, неприязненно морщится, отталкивается от моей груди и терпко припечатывает:

— Не трогай меня, Ветров! Ты мне противен! — вырывается и убегает.

Первая мысль, возникающая в голове: какого хрена?

Вторая — как она поняла?

Бл***

Третья — Догнать!

Почему ее постоянно надо догонять?

Но только мои ноги думают тронуться в очередной забег, как на плечо ложится рука друга.

— Давай без резких движений, Ветер.

Знаю. Головой прекрасно понимаю, что повела себя глупо, словно ребенок. Но я оказалась совершенно не готова ко встрече с ним, после того, как Нестратов рассказал эту мерзкую историю.

Их межличностные разборки абсолютно не должны меня волновать. Не мое это, конечно, дело. Личная жизнь на то и личная, что не касается других.

Но почему тогда на душе так неприятно и гадко?

Отчего меня решительно выбили из колеи чужие шашни и лживые клятвы?

После всех этих дней знакомства, в течение которых он постоянно норовил неожиданно появиться, как самый настоящий черт из табакерки — к тому же затаскивал в пустые аудитории и всячески измывался — я ожидала от человека высоких моральных стандартов?

Может, еще и рассчитывала на исключительно хорошее поведение?

Идиотка.

Подумаешь, вызвался проводить и последующие пару дней вел себя на редкость адекватно.

И что? Я сразу начала его черный плащ в хлорке замачивать?

Просто...

После того, как извращенец довез меня до дома, он уехал далеко не сразу. Признаюсь, когда заходила в тот день в подъезд, то один раз быстро обернулась. А войдя в квартиру, в которой отец самоотверженно бдел приход старшей дочери, зачем-то первым делом поплелась не руки мыть, а глазеть из окна кухни на улицу. И провожать взглядом дорогую черную иномарку.

Несмотря на злость из-за мешка заданий, которыми Ветров меня наградил и на то, что отчитывал в салоне автомобиля, как нерадивого колобка, вызывающе отплясывающего перед лисой, мне стало казаться, что ему было не все равно, и он чуточку за меня переживал.

Уже лежа в постели, я сто раз прокрутила в голове сцену поцелуя и сто пятьдесят два раза разговор с Димой в машине.

Да, местами он демонстрировал участие в лучших традициях сноба, но все же был встревожен... Встревожен из-за меня.

Эта мысль вызывала на губах глупую улыбку, которую я прятала под одеялом.

Загадала, что, если он своим приближенным арийцам и втесавшимся в нордические ряды котам не расскажет мою темную тайну танцпола, я даже согласна чуть-чуть изменить о наставнике свое мнение.

И ведь не рассказал.

Во всяком случае никто из его свиты даже троллинг-словом не обмолвился.

Мы с Катей стояли возле автомата с кофе. Подруга, начав изоощренный допрос, пыталась уже не первый день выведать из меня новые детали о поездке. Её любопытство тянуло на целую научную работу на тему: «Как Милка добралась до дома с Ветровым».

Судя по недовольным замечаниям, мои ответы не дотягивали до высшего бала, позорно зарабатывая один только неуд.

По итогу мне все же удалось заполучить шаткую тройку и перевести разговор в не менее интересное для однокурсницы русло, затронув имя нашего старосты Стаса Смольного.

Катя загадочно улыбнулась и приоткрылась на личном примере продемонстрировать,

как именно должны выглядеть захватывающие рассказы о парнях, но тут за спиной раздался знакомый голос.

Нестратов одарил нас обеих чарующим взглядом и томно обратившись к Кате, попросил у нее разрешения украсть меня на несколько минут.

*

— Я не собирался тебе ничего рассказывать, — хмуро отвернувшись проговорил Артем. — Но не могу так поступить и промолчать.

«Эрор!» завопило встревоженной сиреной в висках.

Неужели все-таки я целовалась с ним?

Он, конечно, симпатичный, но ничего не могу поделать с удушающим внутренности чувством разочарованием.

— Ты хорошая девушка, Мил. И должна знать, что из себя представляет твой наставник, которого здесь хвалят чуть ли не на каждом углу.

С самой нашей первой встречи Дима немного пугал меня. Вызывал странные мурашки и непонятный трепет во всем теле. За выходные мое мнение о Ветрове немножко улучшилось, а теперь вот снова упало на адское дно.

Не ожидала, что он окажется настолько фундаментальным козлом.

Чтоб с настоящими рогами и мерзкой линиялой бородкой.

Обе первые пары никак не могла себя заставить сосредоточиться на лекциях. Мысли так или иначе возвращались к рассказу Нестратова.

— Если ты мне не веришь, спроси об этой истории у Ветра. — горько усмехнулся парень, когда я попыталась уточнить, ничего ли он не путает. Хотя, разве такое можно напутать.

Катя со Стасом задержались после занятия в аудитории. Не стала им мешать и тихо вышла, не отвлекая подругу от флирта. А затем помчалась со всех ног на английский, налетев по пути на своего наставника.

Зачем выпалила все, что думаю?

Не знаю.

Не сдержалась.

Не готова была видеть его лицо. И врезаться в него тоже была не готова.

Слухи о том, что ребята из его компании меняют девочек чуть ли не каждую неделю, здесь ни для кого не секрет. Но зачем поступать подобным образом с другом, когда вокруг и так полно доступного пустоцвета — баба Рита именно так именуется доступных девушек.

— Мил, — говорит Стас, подойдя на перемене. — Чуть не забыл сказать, тебе надо зайти после пар к Киринову. У вас какая-то встреча с наставниками у него намечается. Просили тебе передать.

— Ага, спасибо. — отвечаю с кривой улыбкой на губах, а сама думаю, что лучше бы он забыл мне об этом сообщить.

*

Открываю дверь в кабинет Киринова и вхожу внутрь под бешенный грохот сердца. Преодолеваю нешуточное сопротивление ног.

Кабинет декана внушительных размеров. В центре стоит длинный прямоугольный стол, слева — несколько книжных шкафов, плотно заставленных толстыми серыми папками, справа — небольшой диванчик.

Во главе стола сидит сам Киринов. Мужчина напоминает удачливого бизнесмена в годах, решившего на старости лет поделиться опытом с молодежью.

Он хмуро о чем-то разговаривает, придерживая сотовый телефон возле уха. При моем появлении поднимает глаза, приветственно улыбается и рукой указывает на место подле того, от чьего взгляда у меня уже минутой нещадно жжет переносицу.

Оксана с ее первогодкой тоже здесь, сидят напротив Ветрова. Девушки приветливо кивают, и я сразу отвечаю им взаимностью. Когда же, стараясь не производить лишнего шума, опускаюсь на злосчастный стул рядом со своим наставником, жжение перемещается и концентрируется на щеке.

У него в глаза вставлены газовые горелки?

Не выдерживаю и со всей бурлящей во мне эмоцией отвращения поворачиваюсь на него.

Не ошибаюсь.

Смотрит в упор. В обычном режиме снобического безразличия, который, насколько я заметила, он выключает при преподавателях. Чтобы не палить свой истинный адовый ларек.

Может, Киринов исключение из правил?

Или он свою улыбку охмурения только на женщинах практикует?

Через пару минут в кабинет заходят Нестратов с Семеном.

Когда все занимают свои места, профессор заканчивает телефонную беседу, недовольно откладывая андроид на гладкую поверхность стола. Затем, ловко стряхнув с себя дурное настроение, с широкой улыбкой обращается к нам.

Я уже говорила, что Киринов мне не нравится?

Не лично, конечно. Так-то он производит впечатление грамотного и знающего свою работу мужичка. Но его задумки и гениальные идеи абсолютно не находят отклика в моей душе, желающей спокойно обучаться в стенах вуза.

Желательно без наставников и презентаций.

А у профессора, видимо, то самое неназываемое искрит от идей.

Новая феноменальная мысль посетила недавно чертоги разума, и он решил немедленно воплотить свои фантазии в жизнь.

Как выясняется, ежегодно, где-то в середине осени, в здании университета устраивается форум. В нем, помимо студентов нашего вуза, принимают участие также абитуриенты из пяти других престижных университетов города. По сложившейся традиции на подобных мероприятиях выступают с докладами лучшие ученики.

Из числа третьекурсников — самые достойные кандидаты в ораторские виртуозы, сидят сейчас в кабинете. И вот насчет этих троих умников профессора и осенило.

Но яблоко, если ему на голову и падало, то было определенно протухшим.

Иначе зачем к эти троим приплетать прикрепленных к ним первокурсников?

Однако профессор увлеченно полагает, что совместная работа над проектом является для меня и двух других претендентов в рабы бесценной и полезной рыбой-удачей, щедро заплывшей в руки.

Несомненно, основной удар берет на себя наставник. Вся ответственность за итоговую работу ляжет на его плечи. Но теперь у него — к его большой и светлой радости — появляется бесплатный слуга, который должен во всем помогать.

Семен, также, как и я, не сразу проникается свалившимся на голову счастьем. Он задается самым логичным вопросом: «Зачем нам, первокурсникам эта дополнительная нагрузка?» И, уже в отличие от меня, тихонько откашливается в кулак. А затем открывает рот и вслух высказывает непонимание.

Продельывает он это в исключительно культурной форме пресмыкающегося перед великим умом. Стеснительно и робко намекая на настигнувшие его душу сомнения.

Мой язык готов поддержать студента из третьей группы и даже слегка дергается. Только вот единственное, что мне удастся сказать — это глухое и ошеломленное: «Ооо». Так как именно в этот момент рука гадского наставника неожиданно опускается под столом на мою коленку и ощутимо сжимается.

Кожа в том месте мгновенно начинает гореть. И это несмотря на плотную ткань джинсов. А готовые еще совсем недавно выпорхнуть уверенными птицами слова тонут в накрывшей их волне удивления. А затем и вовсе немеют, припечатанные сверху парусником возмущения.

Резко поворачиваю голову на Ветрова. Демонстративно тараню взглядом острые скулы. Но гадский супостат остается безразличен к моей разгневанной персоне. Не подает никаких признаков раскаяния.

Он, как примерный и лучший ученик этого вуза — и зачем я только выбрала именно этот университет! — демонстрирует сильную заинтересованность идеей Киринова.

Профессор между тем одним немногословным предложением выбивает из бедного Семена весь пыл сомнения. И гордые плечи студента пораженчески сползают вниз. Бедолага.

Артем, кажется, тоже не рад порывистости своего первокурсника. Хоть и старается, как и всегда, выглядеть улыбчивым и довольным жизнью. Встречаясь со мной взглядом, едва заметно кивает. Но что-то мне подсказывает, что Семен и от него получит взбучку. Только чуть позже. И скорее всего она будет наполнена более многословными выражениями.

Бесшумно опускаю руку на чужую ладонь, стараясь отодрать от себя лапу извращенца.

Но она железная.

Чугунная.

Тупая.

Ни одно мое усилие не венчается успехом. Даже попытка поочередно отлепить стальные пальцы, и та, мигом проваливается.

И когда я, скрипя сердцем, решаю признать поражение, хватническая и охамевшая рука вдруг отпускает коленку. Затем резко хватает мою руку, соединяет наши пальцы в замок и снова опускается на поруганное правое колено.

Внутри меня начинает твориться хаос. Все искрит и бешено кружится.

Не могу успеть за эмоциями, которые калейдоскопом сменяются в теле.

Сердце грохочет и пытается проломить грудную клетку.

Уверена, это все из-за бурлящего праведного гнева и нездоровой горячности его конечностей.

Интересно, а тело Димы такое же горячее, как и рука?

Это еще что за мысли...

Мила!

Чувствую, что краснею.

Но не могу же я вслух крикнуть: «отпусти!». Или начать усиленно дрыгать рукой под столом, надеясь вырваться.

Если он освободит мою ладонь и быстро уберет свою, у окружающих может сложиться мнение, будто в меня кто-то вселился. Кто-то определенно буйный. А изгнать из себя нечисть я смогла, лишь причинив себе боль. Точнее, как следует ударив свою руку об стол.

Вариант такой себе, провальный.

Прослыть практикующей публичное садо-мазо еще только на первом курсе не сильно прельщает.

Но продолжать спокойно дышать никак не получается.

Из-за охватившего гнева, воздух слишком шумно втягивается в нос и выходит сопровождаемый резкими звуками.

Кажется, Киринов замечает мою кислородную проблему и вскользь поворачивает на меня голову.

Пытаюсь улыбнуться.

Чувствую, выходит крипово.

А что еще остается делать?

В эту минуту извращенец тоже поворачивается на меня. Вот же двуличный кусок баранины. Участливо, гад, улыбается. Словно он ангел с печенками и заботочкой, но черти в его льдиных глазах чересчур очевидны. Отплясывают ламбаду на вечеринке фривольности.

Если взглядом можно транслировать средний палец, то именно этим я сейчас активно занимаюсь. Только его вечеринку это еще больше раззадоривает.

Гад отпускает мою руку только по окончании встречи, когда Киринов повторно озвучивает темы докладов.

Покинув аудиторию, расходимся с ребятами.

Все, чего мне хочется — это отойти как можно подальше от наглого придурка. Я зла на свои глупые, ничем не обоснованные реакции. И особенно на то, что моя коленка все еще зудит.

Он действительно ужасен.

А я еще и сомневалась в рассказе Нестратова!

Надо поскорее увеличить расстояние между нами и...

Но уйти мне не удастся. Ветров подходит ближе. В своей излюбленной варварской манере хватает меня за локоть и уводит к дальнему окну.

— Киринов считает себя продвинутым стариком, воображая будто общается со студентами на одной тусовочной волне. — строго говорит Дима. — И все с ним может сложиться отлично, пока ему не перечишь. Особенно не рекомендуется выступать со своими умными возражениями, если, помимо вас двоих, в комнате присутствует кто-то еще. Заподозришь идеи гения в недостаточной оригинальности или предложишь что-то взамен, считай сама взяла лопату и начала копать себе глубокую яму. Старика можно увести с темы, но действовать следует тонко. Деликатно. И точно не в первый день, когда он оглашает пришедшую к нему мысль. Необходимо заранее просчитать все возможные ходы. Хорошенько их взвесить и только после начинать кампанию. Первогод Нестратова сильно рисковал. Не думаешь же ты, что им самая хреновая тема просто так досталась? Неужели не заметила, как лицо Артема посерело, тогда как Оксана превратилась в ясное солнышко?

— Но...

— Не спорь. Ты тоже собиралась бессмысленно сигать в пропасть. И меня бы за собой потащила. Можешь не благодарить, что вовремя тебя тормознул.

— Представь, не собиралась. И у тебя слишком странные методы торможения. — высвободив локоть, зло цежу я.

— Действенные. — холодом запечатывает он. А затем, нахмурившись, выдает свою очередную сухую команду. — Спрашивай.

Удивленно поднимаю на него глаза и глупо хлопаю ресницами.

Он еще больше хмуриться.

— Вряд ли люди без всякого повода становятся тебе противны. Наверняка на то имеются причины? — бровь выгибается и лед чужих глаз впивается в меня пытливыми иглами. — А раз имеются. Спрашивай.

Нервно сглатываю и шумно вдыхаю.

Я не собиралась обсуждать с ним эту историю. Правда, не собиралась. Но мой вечно спешащий и не интересующийся моими хотелками язык считает иначе.

— Ты спал с девушкой Артема?

На долю секунды мне кажется, что по бесстрастному лицу Ветрова пробегает искра изумления. А затем он резко зарастает колючим трескучим морозом. Молния ударяет в льдиных глазах. На губах вырисовывается едкая ухмылка.

— Да. — звучит оглушающий ответ.

И все эмоции сходят с его лица.

Оно непроницаемо, жестко и холодно.

Я даже теряюсь от его короткого согласия.

Чего я ожидала?

Удивления? Подлинного раскаяния? Или все же надеялась, что Артем окажется банальным завистливым обманщиком....

— Спрашивай. — говорит Ветров.

Он не отворачивает глаза, не краснеет, не чувствует, кажется, никакой за собой вины.

Мне не остается ничего, как задать следующий вопрос.

— И вы на тот момент были друзьями?

Дима снова ухмыляется. С особой прожигающей злостью, в которой я ощущаю терпкую

горечь.

— Да.

Делаю шаг в сторону.

Почему я такая дура?

Почему после всего, что я о нем и так знала, я надеялась на другие ответы?

Он же с самой первой встречи вел себя, как самый настоящий придурок без манер. Тогда почему я ожидала, что он хоть как-то оправдается. И почему тело скованно горьким разочарованием.

— Спрашивай. — у него пластинку заело?

— Все что надо, я уже спросила. — обнимаю себя руками. — Ты даже хуже, чем я думала. Мне противно иметь такого наставника, как ты. Лучше уж вообще без наставника и этой дурацкой программы.

— Ты больше ничего не хочешь узнать? У тебя есть три вопроса. Два ты потратила.

— Мне достаточно двух, чтобы все понять.

— Дело твое. — он скучающе осматривает пустой коридор. — Из программы наставник-первокурсник можно выйти. Обратись к помощнице Киринова. Если возникнут трудности, скажи, и я сам решу вопрос с деканом. — делает шаг, но, остановившись, добавляет. — Радуйся, мой личный адский аттракцион на тебя более не распространяется. — и сказав это, он уходит.

А я остаюсь одна.

Опустошенная ответами, равнодушием и холодом.

Почему-то больно от осознания факта, что мой гадский наставник спал с девушкой своего друга и никак это не отрицал. А мое желание разорвать нашу наставник-подчиненная связь воспринял более чем спокойно. И главное, сам отказался впредь портить мою жизнь.

Это же здорово.

Да, точно... здорово.

Именно то, чего я так хотела.

Глава 19

— Ты все выходные будешь зависать на моей даче? — Ник досадливо кривится, отбирая у меня холодную бутылку пива, которую я только что достал из холодильника.

— Тебе же нравится проводить со мной время.

— Не тогда, когда ты уничтожаешь весь мой запас пива за раз и долбишься без перерыва в приставку с моим младшим братом.

— Не ревнуй, скряга. — бутылка снова оказывается в моей руке. — И где обед? Мы с Тохой уже час ждем.

— Я вам не хозяйюшка. — зло выдает друг, но при этом подходит к плите и проверяет что-то в кастрюле.

Надеюсь, это не суп. Они даются ему на редкость отвратительно. Ими смело можно пытаться заключённых и вызывать непрекращающуюся недельную диарею.

— Ты среди нас самый смазливый, — широко улыбается его младший брат, появляясь на кухне.

Сразу подходит к холодильнику и с надеждой открывает дверцу. Это уже пятый поход за один час. Как и все предыдущие он зависает около открытой двери на долгую минуту грусти, затем недовольно мычит:

— Даже пожрать нечего, — отходит немного в сторону и с надеждой смотрит на старшего.

Судя по ответному взгляду Ника, он в скором времени начнет нас открыто и душевно мочить половником.

— Почему мама не захотела с нами остаться? — риторический вопрос вылетает из голодного рта Тохы. Сам он тоскливой оголодавшей лужей расплзается на кухонном столе, предпринимая тщетные попытки достать из пачки чипсов последние крошки.

Мы все прекрасно знаем, почему тетя Дина не захотела с нами остаться. И уехала почти сразу же, как только три наши славные головы возникли в дверях дома.

Если она рядом — мы постоянно хотим жрать. Беспрерывно. Так как готовит она божественно.

— И почему мы не тусим на твоей даче, как обычно? — этот вопрос уже адресован мне.

На моей даче есть верная помощница Ната. Она и убирает, и готовит. Не так зачётно, как тетя Дина, но все же.

— Тоха замолкни и не ной. — отвечает Ник и награждает младшего родственника ощутимым подзатыльником. — Давай лучше сгоняй в магаз и купи нам продуктов. Как раз к твоему приходу у нас все будет готово.

— А чего сразу я? — лужа немедленно ошетиливается, — Вы меня второй раз туда посылаете.

— Мы тестируем с Ветром новый бизнес проект по доставке еды. — без тени шутки выдает его брат, — Если еще пару раз пройдешь тест-драйв, возьмем к нам в фирму курьером.

— Пошел ты, Николос, — кривится в сторону нашего повара, а затем с грустью повторно заглядывает в пачку, откуда ему, видимо, пустота показывает средний палец.

Достаю из кармана деньги и кладу перед ним пять косарей. Ник хмурится, давая понять, что у засранца еще с предыдущих походов должна была остаться сдача.

— А вот Рыжий сейчас с кем-то трахается. — мечтательно выдает Тоха.

— Хватит трахать нам мозг! — рывкает на него старший. — Иди в гребанный магазин и купи жрачки!

— Вот же душила... — деньги быстро исчезают в руках Антона.

Встает, оттряхивается от крошек, показывает брату реальный фак и гордо удаляется с кухни.

— Не забудь про пиво! — кричу я в след. — Твоему брату жалко своих запасов.

— Он редкостный душила! — светлая голова снова появляется в дверном проеме, но Ник метко кидается в него овощными ошметками, и поверженный картофельной кожурой Тоха исчезает вновь.

— Надеюсь, это не твой диарейный суп? — ехидно озвучиваю свои опасения, когда мы остаемся одни.

— Надейся. — не остается в долгу наш сегодняшний хозяйюшка. — А я надеялся ты с первогодкой нормально поговоришь. Артем же ей свою правду мира рассказал. Левобережную. Про сук в той песне не поется.

— Ник. — делаю очередной глоток холодного пива, транслируя, что тема закрыта.

— Ведешь себя, как редкостный дебил. — он со мной не согласен, — Поражаюсь, как можно быть одновременно лучшим студентом и полным дуриком, когда дело касается девушек.

— Заглохни.

— Дал ей право на три вопроса и надеялся она в мудрость Сократа с тобой сыграет? Когда ей в красках рассказали, как ты свой член в теле чужой девушки полировал? Безвозмездно и счастливо.

— Давай без анатомических подробностей.

— А это без подробностей. — хмыкает Ник, садясь напротив меня. — Хотя, признаю, мне третий день безумно хочется трахаться. Аж член зудит. Еще немного и я наберу «Лиде шикарный рот». Останавливает только страх. Каждый раз боюсь, как бы чего не прокусила. Знаешь, как в том ролике про первый минет, когда мужик орет: «не грызи, не грызи, говорю!».

Запрокинув голову назад, начинаю смеяться.

— Зачем мне об этом рассказываешь? Как мне теперь спать с тобой под одной крышей и не опасаться?

— Фу, — морщится мой друг. — Даже не надейся. Ты не в моем вкусе, с твоими то волосатыми ногами.

— Но дверь я все равно запру.

— А может девочкам позвоним? — Ник на миг загорается надеждой. Резко встает, но тут же садится обратно. Некая неприятная мысль подкрадывается в его радужные грезы, в которых обитают полуголые нимфы, и блондин хмурится, — Нет, после них весь дом придется драить. А на вас с Тохой никаких надежд.

— Потерпи неделю. Этот с ней там только на этих выхах зависает.

Биологический родственник захотел провести время со своей новой супругой именно на той даче, которую он якобы оставил нам с мамой.

Ну не мудака.

Ник резко сбрасывает шутливый тон и становится серьезным. Изучающе смотрит на меня. Я прекрасно улавливаю его дружескую поддержку и немой вопрос, и я ему очень

благодарен.

— У меня все отлично. Иди лучше проверь, чтоб твоя стряпня не пригорела.

Поднимаюсь со стула и подхожу к окну. Смотрю, как ветер колышет листья деревьев.

Делаю глоток пива.

Ты даже хуже, чем я думала... Ты мне противен...

Сегодня я не заморачиваясь.

Вливаю в себя алкоголь, но он не помогает сделать ее голос теплее.

Напротив, с каждым новым глотком я отчетливее ощущаю исходящую от пандочки неприязнь.

— Эванеско. — дружелюбно произносит Николай Аверин, обращаясь к Стасу, с которым мы сидим на диванчиках, расположенных возле входа в первый корпус, и ждем Катю.

Подруга твердо и уверенно показала себя приверженцем вечно опаздывающих рядов. Потому я и староста нашей группы не питаем иллюзий. Понимаем, что ждать нам еще минут десять или пятнадцать.

Сегодня четверг и мой, уже почти бывший наставник, ни разу не обратил свой льдинистый взор в сторону своей первогодки. С того самого разговора, который у нас с ним состоялся в прошлую пятницу, я стала для Димы невидимой.

Мы пересекались несколько раз в коридорах, и хотела бы я сказать, что мое сердце не начинало стремительно биться, а глаза пару раз предательски не скользили по его лицу. Сама не знаю, почему это со мной происходило.

Но это все не важно, потому так как на меня Ветров не обращал внимания. Ни разу. От слова «совсем».

Оттого появление рядом с нами лучшего друга извращенца и второго по популярности парня в универе — на третьем месте рейтинга красуется младший брат Николая — заставило меня удивиться.

— Что? — Стас, судя по озадаченному выражению лица, не понимает, что именно ему говорят. — Это на испанском?

— Ваше поколение совсем не читает высокую литературу. — артистично вздыхает блондин.

— Это заклинание из Гарри Поттера, — шепчу я старосте.

— А! — расплывается в улыбке непосвященный в мир волшебства и Хогвартса. — И что оно означает?

— Эммм... — озадаченно тяну я и, пытаясь несколько уменьшить грубость третьекурсника, говорю, — Наверное, он просит тебя куда-то пойти вместе с ним.

Но Аверин ни в чьей помощи не нуждается.

— Исчезни! — очаровательно улыбаясь и нисколько не стесняясь задеть чьи-то чувства, озвучивает дословный перевод красавчик ариец.

Но, на мой вкус, он слишком слащавый. Хотя, о чем я, вон те две девушки сейчас шею себе свернут, пока косятся на Аверина.

— Ты сейчас точно не на своем месте.

— Я вообще-то тут сижу. — ежится Стас.

— Ааа... — блондин прикладывает палец к губам, артистично задумывается и философски заявляет, — Значит, твое место на совещании старост у Маркиной сейчас пустует?

— Блин! — громко вскрикивает одnogруппник. — Совещание старост! — нервно вскакивает и спешно исчезает в коридоре.

— Видишь, я владею магией, первогодка. — доверительно обращается ко мне, Аверин, занимая место Стаса.

— Разве совещания старост должно пройти не на следующей неделе?

— Пробежки по утрам полезны, — ничуть не смутившись, улыбается Николай.

— У меня скоро пара начнется. Думаю, мне тоже лучше пойти.

— Что ты делаешь сегодня после пар? — удивление на моем лице говорит само за себя. — Я бы хотел с тобой встретиться. Вдвоем.

— Тебя Ветров послал? — очевидное объяснение слетает с языка. — Передай ему, что помощница Киринова в отпуске на этой неделе. Но на следующей я обязательно улажу вопрос с его наставничеством и...

— Ветер не знает о нашей нынешней встрече. И будет лучше, если не узнает о предстоящей вечерней. — он немного морщится. — Хотя бы до ее завершения. После можешь говорить. Не хочу быть предан анафеме преждевременно.

— Я ничего не понимаю.

— Все просто. — Аверин за секунду становится совершенно серьезным.

И должна признать, именно в эту минуту его красота сияет каким-то новым уровнем совершенства линий. Все же интересно, его нос результат хирургии или нет? И почему у парней может быть настолько идеальная кожа. Несправедливость какая-то.

— Я не люблю, когда моих друзей обливают чужой грязью. Если хочешь узнать настоящую историю о похождениях девушки Нестратова, буду сегодня после пар ждать тебя в Вафле.

— Но...

— Лучше не разглядывай меня слишком долго. Чревато влюбленностью. — снова вернув себе ухмылку, подмигивает ариец.

— Ты не в моем вкусе. — совершенно искренне фыркаю я в ответ.

Вот не надо мои мысли о ринопластике видоизменять в любование.

— Все вы вначале так говорите. — вставая с места, самоуверенно кидает парень. — До встречи, избранница волосатых ног. — последние слова произносит очень тихо, но до моих ушей они все же долетают.

В компании извращенца все ребята больные на голову?

Или он себе друзей по тесту на неадекватность выбирает?

И правда ли Аверин хочет мне что-то рассказать или это все проделки гадского наставника?

Но почему-то я абсолютно уверена, что я пойду на эту встречу.

Да, точно пойду.

— Тебе некая Лошадь Возмездия звонит, — ухмыляется Аверин и не стесняясь заглядывает в мой сотовый телефон, который я опрометчиво оставила на столе, удалившись в дамскую комнату.

— Кто это, Мил? — в глазах Ника плавают внушительный интерес, размером с двухэтажный теплоход.

Как ни странно, с одним из друзей Ветрова оказалось на редкость легко общаться. Я не успела заметить, как пролетел целый час, в течение которого мне была рассказана несколько иная история о девушке Нестратова. Или, лучше сказать, о близкой подруге моего наставника.

Должна признать, мадамочка специфическая.

И теперь я испытываю стыд перед той самой Лошадью, которая, не переставая мне сейчас названивает.

— Смотреть в чужой телефон некрасиво! — заявляю поучительно, опускаясь обратно на свое место и отбирая из любопытных лап телефон.

— Согласен, — с хитринками, спрятанными в уголках губ, кивает Николай, — Отвратительно. Вопиюще. Бесстыже. Непростительно. Дерзко. Но я не мог остаться равнодушным, увидев, что за абонент тебе наяривает. У меня тоже есть пара интересных контактов, — хмыкает парень, — Но, чтобы Лошадь, да к тому же Возмездия. Хотяяя, знал я одну Галю...она называла себя Огнемет.

Номер сотового телефона Ветрова появился в списке моих контактов совсем недавно. Уверена, в этом виноваты однокурсницы, сглазившие меня в клубе своими нескончаемыми вопросами. Так как позднее в тот же день (или ночь?), после того, как Дима довез меня до дома, телефон завибрировал, оповестив о входящем сообщении. В нем лаконично говорилось: «Это Ветров. Запиши мой номер. Отвечать незамедлительно.»

Ну и... пришлось сохранить контакт.

И захотелось побыть чуточку оригинальной.

Смотрю на телефон и не понимаю, стоит ли принять звонок.

И что мне ему сказать?

Но подумать как следует не успеваю.

Дверь кафе Waffel, которое студенты ласково называют Вафлей, резко и стремительно открывается. С громким хлопком. На пороге появляется мой ненаглядный извращенец наставник.

Прямо сцена из аниме, когда разгневанный герой в бешенстве куда-то врывается. Свет во всем здании начинает нервно мигать, создавая нужную атмосферу. А за его спиной грохочут вспышки молнии, готовые вмиг поджарить антагонистов и просто не вовремя подвернувшихся под руку обывателей.

Этих самых не вовремя подвернувшихся вошедший герой целенаправленно ищет своими горящими адским возмездием глазами. Внимательно сканирует пространство. Находит нас с Ником взглядом и застывает. Ухмыляется одним единственным уголком губ, но и этого достаточно, чтобы начать паниковать и нервно икать.

Кара близится. Идет она медленными, обманчиво легкими шагами. И она, конечно, по мою душу. Друг-то ему кушак гадостей на голову не выливал.

Мой соучастник по преступлению тем временем снова заглядывает в мой телефон. Озаряется абсолютно ненужным и не выгодным для меня в эту минуту пониманием. Многозначительно тычет в экран указательным пальцем, потом этим самым длинным пальцем показывает на своего друга, отодвигающего от уха темную модель андроида, и одними глазами, подтверждая свою догадку, весело интересуется, верно ли он все понял?

При этом улыбка его определенно готова разорвать рот.

Ничего забавного не вижу.

И однозначно ему не отвечаю.

Мычу нечто маловразумительное.

Если он сейчас при Ветрове озвучит каким прозвищем наградила его моя бурная фантазия, мне точно придется просить политического убежища у внеземной расы.

— Ты почему трубки не берешь, первогодка? — своим заносчивым вопросом Ветров подтверждает догадки Аверина.

Мне, кажется, кабзда.

Не понимаю. Он всю неделю меня в упор не видел. Тогда почему сейчас требует ответов на звонки и так разгневанно прожигает глазами?

Остановившись над нашими с Ником головами в позе неминуемого и того самого возмездия, уверенно ожидает немедленного пояснения. Причем такого пояснения, которое бы полностью удовлетворило его извращенную и суровую натуру.

— Надеюсь, не помешаю вашей сладкой парочке, если здесь присяду?

Неясно к чему спрашивает, если, не дождавшись ответа, все равно садится.

— Несмотря на то что наш с Милкой разговор носит довольно личный характер, — зачем-то с придыханием отвечает ариец и подмигивает мне, — *Мы* все же готовы подпустить тебя к нашему тесному огоньку.

— Неужели? — голос сообщает о том, что лимитированный гарнитур подарочного набора пыток полностью укомплектован и готов к использованию, — *Вы* такие зайки...

— *Мы* такие, — кивает блондин, придвигаясь ближе ко мне. Затем, слегка приобняв меня за плечо, шепчет в самое ухо. — Очень похож, Мил. Точное попадание. Я теперь подумываю и у себя его переименовать. Обещаю тебя не сдавать. — последняя фраза отпускает натянутый во мне спусковой курок напряжения.

Немного расслабляюсь и, не сумев сдержаться, прыскаю в ладонь.

— Ник, — говорю, стараясь сдержать смех. — Ты...

— Надо же, — резко перебивает Ветров, — Как быстро поладили.

Он точно готовится нас поочередно превращать в пащтет.

— *Ник, Милка...* а всего час прошел.

От тона его голоса, вздрагиваю. Пытаюсь убрать руку арийца. Не хочу, чтобы из-за меня и ему досталось. Наверняка извращенцу не нравится, что его друг с наглой первогодкой общается, посмеившей его обзывать и вознамерившейся отказаться от его благодатного наставничества.

Но как мне перед ним извиниться?

Или хотя бы сказать, что, в виду открывшейся истории, лично я виноватым его не считаю. Не знаю, почему Нестратов все на Ветрова свалил, когда эта девица та еще нимфа вольных взглядов.

Как тонко намекнуть, что буду не против, если он останется моим наставником.

Он, конечно, временами пугает, но...

Недавно я тайно ходила на Осенний Листопад — дурацкое название марафона, на котором старшекурсники выступают с докладами, затрагивающими глобальные мировые темы и вопросы.

Мне кажется, туда половина девушек зашла просто поглазеть на парней. И хоть мой вывод основан исключительно на количестве нервных вздохов представительниц слабого пола, я все же считаю его абсолютно верным.

Сама я туда направилась исключительно для пополнения собственного чемодана знаний и даже приуныла, выслушивая этих уникамов.

Публичные выступления — не моя сильная сторона. Все что они привносят в мою жизнь — это гипергидроз¹ и стойкое желание стать невидимой.

Все выступающие на Листопаде были очень хороши. Не в том плане, что один другого краше, хоть и попадались красавчики, а в плане знаний своей темы. А когда на сцену поднялся мой наставник, это был, простите за откровение, полный отрыв башки.

У него, ясное дело, большие трудности с тяготением к мангам для маленьких девочек, но в остальном мозг его блистательно прекрасен. И манера подать себя и способность донести до окружающих непростой материал — уровень «Платина». Там вся аудитория на него пялилась, как Абу² на золото.

И как ни прискорбно, я тоже.

Но я вовсе не из-за его высокого роста или широких плеч, на которых удачно сидела черная водолазка. И не из-за острых скул или льдинисто-морозных глаз, способных лишить воли. Вот вообще нет. Только из-за отличного владения сложным материалом. Да.

А сейчас смотрю на него и понимаю, что мне неловко остаться с ним наедине. Я, быть может, и виновата из-за преждевременных выводов, но сейчас не готова ничего ему говорить. Не знаю, как именно сделать все правильно. И грамотно выстроить диалог.

Замечаю, как Аверин начинает поглядывать на часы, и сама не понимаю, как спрашиваю у него:

— Ты же не собираешься сейчас уходить?

Ник почему-то теряется немного от прозвучавшего вопроса. Скользит непонятым взглядом по лицу своего друга и лишь затем поворачивает голову на меня, улыбается и отвечает:

— Нет, конечно. Я тебя сюда позвал. Значит, вместе мы и уйдем. — и снова поворачивается на третьего участника посиделок.

А у того сейчас произойдет активация того самого комплекта убийцы. Они с Авериным пугающе долго смотрят друг на друга. Не моргают. Потом Дима кидает взгляд на меня. Усмехается. Холодно и колко. Я кожей ощущаю.

— Значит, правду говорят. У вас тут свидание?

Чего?

Откуда такой вывод?

Он совсем больной?

И кто это так говорит?

Аверин резко становится серьезным. Как тогда. У него особая способность по перевоплощению.

— Раз ты задаешь этот нелепый вопрос. — чувствую, Ник тоже учился управлять ледоколом. Они видимо вместе посещали кружок вечного льда, а там на почве общих интересов и сдружились. — То, да.

Чего?

Мне не слышалось?

Рано я признала Ника нормальным...преждевременно.

Только думаю возмутиться, как наставник встает. Резко. Почти отшвыривает от себя стул и идет к выходу.

Знаю — он извращенец с километровым комплексом наполеона и печалью хозяина, так и не нашедшего свою верную собачку. Еще с багажом психопатичности, которая часто проскальзывает между строк. Но, чтобы так. Это мне внове.

Удивленно поворачиваю голову на Аверина. Блондин, вернув себе шутливое выражение лица, наблюдает за удаляющейся спиной своего друга.

— Не обращай внимания, Мил. У Ветра всегда предельно остро протекает пмс. — несмотря на улыбку, где-то на дне его медово-карих глаз я улавливаю напряжение.

*

Домой возвращаюсь в расстроенных чувствах.

Получается, одна только мысль, что я могу нравиться его другу вызывает в нем резкое неприятие.

Какая же я все-таки идиотка. Несмотря на гнусную историю, которую поведал Нестратов, я через пару дней все равно, даже несмотря на признание Ветра, пыталась найти ему хоть какое-то оправдание. И зачем-то не переставая думала о нем. Об этом глупом извращенном наставнике.

А он...

Взбесился, решив, что Ник пошел со мной на свидание.

Дурак. Бревно. Полено.

Ник настоящий друг. Не смог терпеть, чтобы о его друге дурные слухи распространяли, вот и позвал меня на встречу.

А вот Нестратов удивил.

Зачем рассказал эту мерзкую историю?

И, главное, открыл только часть правды.

Ник считает, чтобы подпортить баллы Ветру.

Как выяснилось, откажись я от наставника, это бы сильно подпортило баллы Димы, а они для него тоже важны. Потому что.... Шокирующее открытие — наставник, как и я, учится на бюджетной основе!

О его богатом отце не знает в универе только ленивый. И некоторые злые языки утверждают, что «слава» Димы — продукт финансов папочки. Ну, как известно, желающие цедить яд найдутся всегда, даже если ты ангел с крыльями. Все равно кому-то да не угодишь.

*

Стоит закрыть за собой дверь нашей квартиры, как навстречу горной козой выскакивает радостная сестра. Она вся светится, словно тестирует батарейки энерджайзер. Щеки красные. Приделалась в любимую кофту. Но сегодня не 23 июля — день ее рождения.

— Мила! — вопит мелкая. — Ты не представляешь, кто сейчас у нас в гостях!

— Ты Костю своего связала и обманом в дом притащила? — снимая кроссовки с ног, пытаюсь шутить.

Вроде так зовут ее недавно-признанного нового мужа.

Янка качает головой. В дверях комнаты за ее спиной появляется женская фигура.

Мое тело вмиг превращается в глыбу потрясенного камня, не способного сдвинуться с места.

У нормального ребенка при встрече с женщиной его породившей, должно бултыхать внутри радостное: «Мама! Мамулечка! Ма!».

Именно этот набор, скорее всего, активирован сейчас в голове мелкой, которая радостно подпрыгивает на одной ноге. Она всегда таким образом доносит высшую степень своего воодушевления.

У меня же одно глухое: «Зачем она пришла...» — наполняющее легкие тревогой.

Новые шаги. За спиной женщины, бросившей нас однажды без всяких отягощающих совесть мыслей, я вижу своего отца. И то, что читаю в его глазах приносит мне новую порцию чистейшего неприятия к гостье. Потому что в глазах папы я отчетливо считываю страх.

— Ты меня теперь совсем не любишь? — Ник шумно приземляется на диван. Придвигается ближе ко мне и, умело прикидываясь огорченной Алёшенькой, пытается посмотреть в глаза.

Вчера я повел себя резче, чем бы того хотелось. Не спорю.

Ни одна девушка не сможет встать между мной и моим лучшим другом.

Но почему-то стоило только увидеть, как мило первогодка с ним щебетала, а потом еще и испугалась, что Ник вдруг покинет ее раньше времени, меня будто с моста кинули вниз в ледяную реку. Потом еще по ребрам дубинами прошлись.

Артем не зря меня ненавидит. Я трахал его девушку. Да, думал, что они уже давно расстались, но... Если бы *она* стала моей, а потом с ней бы переспал Ник, неужели я бы не захотел расчистить ему рожу?

Однозначно, захотел бы.

Меня от одной подобной мысли бросает в котел ярости.

Прав Нестратов, считающий Ветрова полным мудаком.

Я именно такой и есть.

— Твоя дама без тебя скучает, — не поднимая глаз от сотового, говорю я. — Ты же ныл, что хочешь трахаться. Так давай, иди.

Тот, кто на прошлых выходных жаловался мне на зуд в штанах, сегодня отшивает уже вторую красотку, льнущую к нему с вполне конкретными предложениями.

Мой биологический родитель со своей молодой женой, наконец, свалил с нашей дачи. И с тех пор я уже три раза вызывал клининговую службу, несмотря на уязвленные взгляды Наты, уверяющие в ее компетентности.

Не спорю, убирается девушка хорошо. Но мне важно, чтобы ни единого волоска или запаха этих двоих не было в этом доме. Ни единого.

— Она слишком активно хочет мне дать, — скучающе заявляет Аверин. — И мое желание взять безотрадно меркнет. Я, конечно догадывался, что она такая, но не думал, что настолько. — и задумчиво продолжает. — Хочется чего-то менее доступного. Чтобы и нежное, и в то же время немного колючее.

По голосу улавливаю — говорит о ком-то конкретном.

Ник довольно легко относится к сексу. У него у единственного из нашей компании даже был как-то тройничок с близняшками. Хотя, кто кого уговаривал — вопрос открытый.

Но если его кто-то реально цепляет — все. Ник не остановится, пока не получит желаемого. Доказано.

Он два года встречался в старших классах с Леной Костиной. Ни разу ей не изменил и даже флирта с другими себе не позволил. Она же вечно закатывала ему скандалы — по поводу и без. Потом сама переспала с каким-то вожатым из летнего лагеря. Дерьмово они тогда расстались. Она долго уверяла Ника, что все вышло случайно и любит она исключительно его. Но он ни разу с тех пор не взглянул в ее сторону.

— Где, блядь, презервативы? — Кот прерывает наш зрительный диалог, требуя от меня немедленной информации.

Хорошо хоть не со спущенными штанами прибежал.

— Наверху. В ванной комнате. В нижнем ящике посмотри, — отвечаю и сразу

становлюсь неинтересным.

Рыжий мчит обратно к лестнице на всех поднятых порах.

Возвращаюсь к своим мыслям.

Всю неделю Ник откровенно травил вопросами о первогодке. Задрал своими подозрениями о моем непростом к ней отношении. Довел до того, что я ляпнул, что мне настолько похер, что он сам может начать с ней мутить.

Ну не верил я, что у него и правда имеются на нее виды. Думал, меня изводит. А потом охренел, когда Тоха сказал о встрече Ника и Милы в кафе.

Мне друг даже словом об этом не обмолвился.

А у них оказывается свидание. Гребанная романтика. Стоит вспомнить, как кровь вновь начинает бурлить.

После того, как пандочка узнала про историю с Ивлиной, стала нос от меня воротить каждый раз как увидит. А на следующей неделе из отпуска выйдет помощница Киринова и... Я лишусь баллов.

Отстойно. Но хрен с ними. У меня большой разрыв с Нестратовым, на позицию второго вряд ли упаду, но все равно надо придумать, как заработать дополнительные.

— Так найди и трахай. — отвечаю Нику.

— А я уже нашел. Но хочу быть уверен, что не огорчу тебя. — друг наклоняет голову набок и хитро смотрит в глаза, — Ты же не расстроишься, если я залезу в тусики к одной нежной первогодке? — у меня от одного этого предложения сносит крышу. Но он и не думает останавливаться. — Ты не думай, у меня все серьезно. Хочу ухаживать за ней, радовать и предложить встречаться. Ну а дальше получу доступ к самому прелестному телу. Обещаю, сделаю все на высшем уровне, чтобы ей понравилось. И знаешь, я абсолютно уверен, что она девственница.

Еще немного и я разобью к херам телефон, который держу в руке. Точнее, разобью его об наглую морду лучшего друга.

— Верить в меня? Думаешь, у меня охерено получится? И, кстати, давай я уговорю Милку оставить тебя своим наставником? Будешь старательно помогать ей с учебой, а я буду утешать мою девушку в постели. Ты же не будешь с Милкой слишком строгим? Не особо на нее срывайся, ладно? Хотелось бы, чтобы она ходила счастливая, а не затюканная. А как мне порадовать мою девушку, я тоже придумаю.

Это его «моя девушка» — перебор для моего внутреннего раскола. Встаю и иду на кухню.

Он мой лучший друг.

Повторяю, это Ник.

Мой лучший друг. Самый лучший друг. Друг.

И, бл***, ему нравится моя первогодка. Моя. И он хочет сделать ее своей.

— Так ты не против? — незамутнённо уточняет Аверин, возникнув рядом.

— Да, бл***, что ты до меня докопался? — сам не осознаю, как хватаю Ника, дергаю к холодильнику и начинаю давить на его горло локтем.

Он никак не пытается вырваться. Намеренно ближе к себе сдвигает мой локоть и нагло улыбается. Словно хитрый лис.

— Э, вы чего? — похоже, мой крик был громче, чем я рассчитывал и привлек незапланированных свидетелей.

Тоха стоит в дверях и удивленно пялиться на нас.

— Съебись. — глухо выдает своему брату тот, кого я держу в захвате. — У нас брачные игры.

— Точно все нормально? — мнется мелкий.

— Сколько тебе повторять, что третий всегда лишний. И этот третий — ты.

— Пошел в жопу, Николос. — зло выдает младший Аверин. — Придуши его, Ветер. Я тебя никому не сдам. — и удаляется с кухни.

— Говорил же, она тебе нравится, придурок. — довольный собой, ухмыляется мой друг. — Только посмотри, как ты сразу завелся.

— Ну, ты урод. — отвечаю, отпуская его и отходя в сторону.

— Не урод, а умелый психологический манипулятор. Ты вот считаешь, что ты в нашей тусовке главный? — говорит Ник, поправляя свою прическу, а затем садится за барный стол.

Ловит мой нетерпеливый взгляд.

— Так и продолжай думать. Не буду разубеждать. Но с хрена ли ты меня пытаешься убедить, что девчонка тебе не нравится? Ты ее из клуба вытащил и домой отвез в детское время. Заметь, к ней домой поехал. Если кого-то рядом с ней видишь, у тебя дым из ушей валит. Каждую свободную минуту в универе придумываешь поводы, чтобы пойти и на ее нервах поиграть. А сегодня вот убить меня пытался за мысленные посягательства. Меня! Любовь свою настоящую. Из-за бабы... Тьфу. Но главное, смотришь ты на нее плотоядно. Будто сожрать готовишься. Целиком и полностью. Я бы на месте Милки после таких зрительных моментов тоже относился к тебе с долей опасения. Только она, уверен, считает, что ты ее не пожираешь, а убиваешь глазами. Ведь ты ведешь себя рядом с ней, как настоящий психопат. Справки не хватает для полноты образа.

— Нормально я себя с ней веду.

— Неее, — мотает головой Ник, — Нормально ты вел себя с Ивлиной, пока эта сука тебя не сломала. Ты же столько лет был в нее влюблен. И цветы для нее собирал и в глаза просящей собакой посматривал и рюкзак ее таскал. И первую валентинку сам для нее рисовал. Был когда-то романтичным и милым мальчиком. Забыл? А я хорошо все помню.

— Пошел ты.

— Правда она такая. — никак не понимает, — Ну, обманула она вас обоих. Ну, трахнул ты ее разок. А сейчас она трахается с... — хмурится, не договаривает. — Не у всех девушек на лбу светиться надпись, как у Ивлиной: «Сука первого сорта. Стаж начисляется с рождения»

И я, как последний кретин, хочу ему возразить. До сих пор хочу. Потому что Валю я раньше никогда не видел сукой. Красивой, эффектной и одновременно милой и манящей — да. С самого первого дня нашего знакомства, когда мы с ней были детьми. И до того, как она растоптала меня.

— На тебя девушки сами вешаются. Ты привык, Ветер. Ты их трахаешь и забываешь. Потому что Валенция тебя и Нестратова скосила. Тебя, друг, сильнее всего. И мы оба знаем почему.

— Ивлинка давно в прошлом. — по глазам вижу, он не совсем с этим согласен, учитывая некоторые детали. — Зачем снова вспоминать эту грязь?

— Затем. Вы после той истории оба как резко упали в интеллекте, так там на дне до сих

пор и остались. — берет со стола бутылку пива и подносит ко рту. — Ваши успехи в учебе не в счет. У вас, наверное, извилины на учение и на женщин в разных полушариях.

— Я сейчас реально тебе врежу.

— Только по носу не бей. Девочки по нему тащатся. Одна предложила отсосать, если поделюсь контактом хихурга.

— А мне кажется, он немного кривоват.

— Когда кажется, надо ноги брить. Короче, хватит пугать Милку. Хоть раз нормально с ней поговори и убери эти свои тупые командные замашки.

— Это, наоборот, заводит женщин.

— Это тебе надзирательница из женской колонии сказала? Часто, смотрю, консультируешься по скайпу. Или лично заезжаешь?

— Не тебе меня учить, как обращаться с девушкой.

— Очень спорное изречение. Но ок, ладно. Думаю, сейчас не лучшее время, чтобы подавлять самолюбие лучшего друга. Я как-никак личность в высшей степени благородная. — хмыкает Ник. — Подождем, когда остынешь.

— Кстати, ты вчера вроде собирался встретиться с Ариной, но Тоха сказал, что по итогу ходил в клуб с другой девушкой? — внезапно вспоминаю интересную новость, которую полностью затмила пелена ревности, — И не впустил его с утра в квартиру.

— Все верно. И что дальше? — смешливость с него за секунду сходит. — Вам лишь бы по-бабски посплетничать. Удачно языки почесали? Понравилось?

Раз пошел в атаку, значит, не хочет рассказывать.

Антону он тоже ничего не объяснил. Тоха в своей манере горе-шпиона пытался парочку подкараулить, но и тут облажался.

— А чего нас не взял?

— Вы мне не детки-конфетки. Ты, знаешь ли, когда со своей первогодкой один сваливаешь, тоже не присылаешь смску с геолокацией и смайлами «плачу-сучаю».

— Я ее знаю?

— Отвали.

— Может, я смогу быть полезным?

— Когда со своей личной жизнью разберешься, тогда и предлагай онлайн-консультации. Мне советы по командному голосу и мастерству подчинения не нужны. Девушка хочет видеть рядом с собой защитника, а не тирана.

Папа неспешно ведет машину, а я никак не могу придумать достойную или хотя бы интересную тему для разговора. Как назло, мысли, словно взбунтовавшиеся сверчки, раз за разом рассыпаются в разные стороны. И, несмотря на мое внутреннее негодование, не желают выстроиться в послушный ряд.

Шумный город остался позади. За окном проплывают стройные ряды могучих деревьев. Желтый уверенно вырывается вперед и подавляет зелёный цвет лета.

Осенние месяцы часто привносят с собой оттенки меланхоличности. Но в этот раз я, вроде как, давала себе обет не поддаваться хандре и непреклонно оставаться веселой. Только порой на выбранном пути возникают препятствия. Они появляются неожиданно, в образе давно бросившей матери, в чьем сердце неожиданно вспыхнуло напоминание о детях.

Она сидела в своём брендовом платье на нашем старом диване. Весь её образ безжалостно контрастировал с обстановкой квартиры, вызывая в голове нелепые вопросы — правда ли мама когда-то жила здесь с нами?

Может, я это всё придумала?

Может, ее никогда и не было с нами?

Разве могла эта женщина, в чьих ушах сверкают бриллиантовые серьги, а на пальцы нанизаны золотые кольца, чья кожа словно ластиться светом от ежедневного ухода косметологов и дорогущих кремов, когда-то быть такой же простой, как мы?

Это были недостойны мысли.

Странные.

Они злили меня.

Но злило ещё и то, что я произвольно, всем сердцем того не желая, но все же восхищалась тем, как прекрасно она выглядит.

На ней будто отсутствовали какие-либо изъяны. Она была идеальной. Эта женщина. И она была моей матерью.

Но замороженное любование сталкивалось со стеной гнева, когда неприятное прозрение начинало царапать внутри острыми когтями. На фоне этой дорого одетой и ухоженной незнакомки мой отец выглядел невзрачно и... жалко.

По выражению его лица я понимала, что всегда умный и рассудительный папа вдруг потерялся. Лишился своей силы. И не знает, как себя вести.

Он не выставил ее за дверь и даже не побрызгал антисептиком на вещи, с которыми она успела соприкоснуться. Мало ли скольких горилл она повстречала на своем пути к золотой жизни.

Но я знала, почему он так поступил.

И дело было не в том, что папа у нас личность достаточно мягкая. А при умелом использовании просительных глаз еще и легко продавливаемая. Дело было в том, кто сидела около мамы и смотрела на неё с нескрываемым обожанием. Прямо-таки всепоглощающим. Бьющим меня в самое сердце.

Я никогда не говорила Янке о том, почему мама ушла. Папа со своей историей о Колыме был абсолютно не убедителен, но моя проницательная в остальных вопросах сестра, не задумываясь проглатывала ложь и верила, что мама уехала спасать и врачевать.

Без диплома врача — ага.

Когда эта женщина изъявила наглое желание забрать к себе на выходные детей — то есть, нас с сестрой — я ответила моментальным отказом. Тут же. Произнесла «нет» быстрее скорости света. А мелкая замялась и просительно повернулась на папу.

Тогда у нас с ним состоялся короткий разговор на кухне.

— Просто не разрешай ей идти с этой женщиной. И всё. Пап.

— Янка нуждается в матери, кноп.

— Нам прекрасно живется втроём, и в лишних людях мы не нуждаемся.

— Дочь, — понуро вздохнул папа, — Она ещё маленькая.

— Папа, запрети ей.

Но разве меня кто послушает?

И мелкая предпочла провести выходные не с нами. Мелкая предпочла гулящую мать и её очередную гориллу.

Я злилась на сестру. Первый раз в жизни, наверное. Даже специально ушла в продуктовый магазин за хлебом, чтобы не начать вдруг кричать.

Меня бесило все.

Особенно эта женщина. Шлялась неизвестно где столько времени, а сейчас, как ни в чем не бывало, пришла и вся из себя идеальная сидела в гостинной на нашем потертом диване.

Меня почти до слез раздражало желание дотронуться до неё. Дотронуться хотя бы один крохотный раз. Снова ощутить, как она гладит меня по голове.

Почему так сильно хотелось, чтобы она попыталась, сама захотела обнять?

Но я никому не смогу в этом признаться. Никогда. Смогу только тихо проплакать ночью в своей комнате. Но только после того, как заранее удостоверюсь, что мелкая крепко спит, а папа перешел в до-минор своего храпа.

Озвучить желание крепко-крепко ее обнять не смогу никогда. Потому что этим я предаю нас с папой. И потому что головой понимаю, она нам чужой человек.

Предатель.

Не заслуживает того, чтобы дотрагиваться до меня, даже если до сих пор мне иногда снится, как она читает со мной перед сном книжку.

В детстве я наивно полагала, что это наша с ней любимая книжка. И думала, что мама любила меня. Я не предполагала, что однажды она нас бросит.

А теперь ради нее, нас бросила моя маленькая сестра.

В ту минуту меня это страшно злило. Словно нас с папой снова предали. И предала та, ради кого мы из кожи вон лезли. Делали практически всё.

Папа оказался мудрее меня. Хотя иногда я подозревала обратное. Особенно, когда дело касалось настроек его телефона и смены пароля почты.

— Наша Янка очень умная девочка. — сказал он мне, зайдя вечером в мою комнату. — Но она ещё ребёнок, Милка. Она маленькая девочка. Если тебе восемнадцать, то твоей сестре всего девять лет, Кнопуть. Неужели ты считаешь ее взрослой, когда она серьезно мечтает встретить однажды этого своего принца Лэралиаля?

— Ларалиэля, пап. — улыбнулась я. — Ты же знаешь, как правильно. Зачем каждый раз коверкаешь имя бедолаги. Он тебе тоже нравится, между прочим.

— Дурацкое имя, — махнул рукой папа, присев на край кровати.

Пару минут мы молчали, а затем он спросил:

— Думаешь, они найдут сокровища? Или Брэг помешает? — а это он про злодея из

книжки.

Автор серии умудрялась закончить каждую свою книгу на самом интригующем моменте и заставить поклонников волноваться. Выхода следующей части мы ждали всей семьей. Но это никак не мешало нам с папой на пару троллить Янку.

— У Борга, конечно, есть шипастые осьминоги, но я верю в Его Высочество. Он умен, отважен и у него потрясающие друзья. — улыбнувшись, я приблизилась к отцу и крепко его обняла.

Ветер

Появление Леры меня удручает. В своем коротеньком платье она как бы невзначай опускается на подлокотник дивана, на котором я сижу.

Эта девушка оказалась менее понятливой, чем все мои предыдущие короткие недельные увлечения.

Причем я с самого начала ее активного со мной флирта огласил возможный формат нашего взаимодействия.

Ничего не значащий секс, который, как она уверяла, ее полностью устраивал и не пугал.

Мы встречались, хорошо проводили ночь и расставались без взаимных ожиданий.

Этот формат я практиковал уже не первый год. Девочки сами лезли в штаны и моя холодность их не отталкивала. В глазах почти каждой я читал одну и ту же цель — маниакальную идею влюбить меня в себя за неделю.

Только они каким-то образом умудрялись за короткий срок убить во мне всякий интерес и желание, готовые даже на более раскованные вещи, чем я желал.

С Лерой мы неплохо развлекались во время прошлогодней сессии. И вроде я ясно дал понять, что на этом все.

Летом она как-то раз писала. Тогда с Эммой все было закончено, и я откликнулся на ее приглашение выгулять своего младшего.

Но к чему сейчас частые показательные объятия и поцелуи при встречах, не понимаю.

На прошлой неделе резче чем хотелось бы сказал, чтобы она ко мне не лезла и перестала изображать перед моими друзьями роль моей девушки. Ушла обиженной, но вроде смысл слов до нее, наконец-то, дошел.

Или я ошибся?

— Привет, сладкий. — женская рука игриво проходится по моему плечу.

Сжимаю зубы. Точно ошибся. Задаюсь вопросом, как глубоко должно быть закопано ее самоуважение? И сама ли она втаптывала его в землю или ей все же кто-то помогал?

Ловлю взгляд Ника напротив и злюсь еще больше.

Он метко выдает: «А я предупреждал».

Этот сканер человеческих личностей остановил меня у выхода в клуб, когда я первый раз собирался неплохо провести время вместе с Лерой.

«Вот с этой я бы вообще ничего не советовал. — уверенно сказал в тот день мой друг, — У нее взгляд папахивает сталкеризмом с примесью шизо-маньячества. Лучше замути с той второй блондинкой.»

Но я его тогда не послушал, как и однажды до этого.

Убираю женскую руку, которая опустилась к моим пальцам и зачем-то их поглаживает.

— Мы вроде все с тобой обсудили. — негромко говорю я.

В ответ она недовольно поджимает губы, транслируя полное понимание того, о чем идет речь.

— Ты всегда целуешь меня со страстью, — шепчет неугомонная и наклоняется уже для объятия.

— Тебе кажется. — отодвигаюсь и снова утыкаюсь в телефон.

Но Пивоварова слеплена из непрогибаемого теста. Она придвигается еще ближе.

Опускает пальцы на мою коленку и томно улыбается, намереваясь беззастенчиво идти дальше.

Она серьёзно думает, что если прилюдно дотронется до моего члена, то я растаю?

Хрен с ней. Придется отбросить хорошие манеры. А ведь я этого не хотел.

— Похотливые ручки не знают скуки. — прилетает неожиданная реплика от моего друга, и девушка на миг тушует.

Кстати, за все время, что я ее трахал, она не упускала возможности сказать о Нике какую-нибудь гадость.

И она не первая девушка, которая сжеживает на него яд. Он же никогда не позволяет себе грубость с девушками. Но при этом никогда не стесняется в шутливой форме говорить им в лоб все, что о них думает.

— Что?

— Я вот считаю, что порядочная девушка скорее даст, чем возьмет, — с серьезным видом произносит Ник, обращаясь к ребятам, — Вы как считаете?

Тоха с Котом, как и всегда, начинают громко ржать.

— А у тебя никто брать не хочет? — кидается в атаку Лера.

Зря. Он ей не по зубам. Но Ник только загадочно улыбается.

— Лер, — миролюбиво произносит он, — Ты симпатичная девушка с шикарными ногами. Нафига тебе сдался Ветров? Лучше бы ручки свои на ком другом применила. Вон бедный Бойцов волочится за тобой со слюнями. Если потеряешь его волшебную лампочку, все сразу встанет как надо. И темная комнатка немедленно заполнится светом.

— Пошел ты, Аверин, со своими тупыми советами! — кидается в Ника Лера, а следом тут же прилетает и мне, — А твоя первогодка, Димочка, по ходу активно трет лампу Нестратова! Он ее второй день с автобусной остановки забирает и домой отвозит. Говорят, неплохо она берет его помощь!

Гневно поднимается с места и яростно цокая каблуками уходит.

Провожая ее взглядом, а затем зло поворачиваюсь на ребят.

— Херь какую-то прогнала, — кривится Кот. — Никто ничего такого про твою первогодку не говорит. Я бы знал.

— Ты не поручал за ней следить! — обиженно оправдывается Тоха, — Но, может, ее свиданка с Ником была так ужасна, что она пошла к Нестеру стирать с себя перенесенный ужас. — шутка видится ему смешной, и он расплывается в дурацкой улыбке, а потом получает от брата смачный пинок и слова:

— Сколько раз тебе повторять, это была не свиданка.

Да я уже и сам знаю, что у них с Милой не было никакого свидания. Догадался, что Ник рассказал про нашу с Нестратовым и Ивлиной историю. Понимание пришло сразу после того, как Пандочка прислала мне недавно сообщение на телефон.

— Что *именно* ты ей рассказал? — хмуро спросил тогда у Ника.

— До тебя наконец-то дошло, — хмыкнул мой сводник. — А я надеялся дольше будешь тупить. — посмотрел на меня, вздохнул и миротворчески поднял руки. — Только по верхам прошелся, исключительно про вас троих. Ничего про до и после не говорил.

Вжавшись в сидение и умоляя ремень безопасности меня спасти, я наблюдаю за хмурым лицом Ветрова, которое с каждой секундой пугает все сильнее, а скорость машины никак не снижается.

Я даже не поняла на что так запросто подписалась, когда взбешенный супостат, в чьих глазах мелькали огненные вспышки, вдруг встретил меня на выходе из университета. Сухо поздоровался и в приказном порядке — его горячо любимом — велел идти за ним.

Зачем-то кивнула и расправила плечи в позе «мне совершенно не страшно». Попрощалась с Катей и пошла за поджидающим в положении «кипящее нетерпение, линчую-без-промедления» наставником.

Подруга загадочно подмигивала. Улыбалась. Обрадованно демонстрировала большие пальцы обеих рук.

Вот она совсем не умеет считывать окружающую действительность. С таким же успехом могла отдать меня в руки психопата. А затем пообещать не брать телефон, если я буду настойчиво ей названивать.

Вначале я подумала, что Ветров хочет обсудить со мной смску, которую получил от меня пару дней назад. Ведь я не придумала ничего лучше, как послать короткое и незатейливое сообщение.

Миля: Привет. Если ты не против, то можешь и дальше оставаться моим наставником.

Знаю, пахивает повелительно-благородным склонением. Но я переписывала раз сто пятьдесят! Потом мне надоело, я психанула, взбесилась сама на себя и отправила вот это.

Затем ходила кругами по своей комнате, нервно покусывая нижнюю губу и сжимая в руках телефон, пока не получила ответное сообщение. Лаконичное.

Лошадь Возмездия: ОК.

И если «Ок» — это не так уж и плохо, то «Ок с точкой» — это, определенно, не добрый знак. Но писать «я передумала» или «ошиблась номером» было поздно.

А теперь я сижу в чужой машине. Вжимаюсь спиной в сидение и понимаю, что гонки никогда не станут моей страстью.

Когда разбогатею, у меня обязательно будет личный водитель по имени Светозар. Нет, не молодой красавчик с кубиками, которые аж через рубашку просвечивают, а взрослый мужчина с большим (просто-таки колоссальным) водительским стажем, никогда не превышающий скорость. Но кубики, конечно, не возбраняются, а вполне могут идти бонусом. И седая ухоженная борода тоже.

— Почему иногда ты так сильно выводишь меня из себя? — хмуро произносит наставник, кидая в меня недобрый взгляд.

Чего?

Да я близко к нему не подходила в последнее время.

Когда бы я успела?

Или это он решил высказаться еще с того раза?

— Ты меня тоже, знаешь ли, часто выводишь из себя! — не задумываясь, бросаю в ответ.

Зачем тогда «ок» писал?

Знала же, что ок с точкой не к добру.

Вот как чувствовала.

— Но это не значит, что я хочу убиться с тобой на высокой скорости.

— А с Артемом хотела бы? — усмехается психованный наставник. — После вчерашнего в облаках летаешь?

— Ты, о чем?

— О чем? Весь универ уже знает, как он тебя домой отвозит и говорят... — морозный взгляд «арктический лед» прямиком врезается мне в лоб. — Ты его в гости приглашаешь...

— Чего?

Как вообще такое возможно? Нестратов и правда пару раз останавливал свою машину около автобусной остановки и предлагал отвезти до дома, но...

— Артем, как настоящий джентльмен, — специально подчеркиваю последнее слово, — Действительно предлагал подвезти меня до дома, но я всегда отказывалась.

Не оправдываюсь, просто не хочу, чтобы он думал не пойми что. Тем более, с Нестратовым после того, как я полностью узнала ту историю совершенно нет никакого желания общаться.

— А кто и что говорит, меня не касается!

— То есть ты с ним не спала?

Он меня совсем не слушал?

Считает, я отдаюсь людям на автобусных остановках?

Хотя, кто его знает, может он сам такое часто практикует, вот и от других подобное непотребство ожидает. Только поражает меня даже не это, а его взгляд, когда он задает вопрос. Не злой, не психованный, а будто затравленный. Словно ему совсем не все равно...

Машина резко останавливается, и ремень приходит мне на помощь, иначе я бы сейчас с ветерком вылетела в лобовое стекло. А вот водителя, кажется, никак не трогают ни быстрая скорость, ни резкое торможение.

Особое свойство извращенцев? Надо не забыть погуглить свою догадку.

— Отвечай! — вновь возвращает голосу былую властность.

— Ты совсем больной? Я же уже объяснила! И потом с какой стати мне с ним спать? И вообще, какое твое дело с кем я сплю?

— Никакого! — гневно выдает Дмитрий — гроза дорог и моей, скорее всего порядком пошатнувшейся, нервной системы.

— Но ты под моей протекцией. Сама написала мне, что хочешь, чтобы я продолжал быть твоим наставником. Значит, я продолжаю. — хочется возразить, что текст нагло исковеркан, — А значит, любая тень на тебе ложится также и на меня!

Какое интересное умозаключение...

— То есть, — задумчиво тяну я, — Если бы я, чисто гипотетически, переспала с Артемом, из этого бы следовало, что и ты с ним тоже...? Раз, если тень на меня, то и на тебя... — но безумный взгляд, которым Ветров меня прожигает, заставляет мой нахальный рот заткнуться.

Спустя несколько неловких секунд повисших в салоне, я неуверенно тянусь к ремню безопасности.

— Спасибо, конечно, за экстремальную поездку. За незабываемые ощущения и убийство нервных клеток. Но можно я пойду.

Зачем только предложила ему продолжить практиковать со мной наставничество. Неужели я латентная мазохиста?

— Сидеть.

Да что у него за набор команд? Стоять. Сидеть. Еще немного и начнет мне «апорт» кричать.

Шумно выдыхает, а затем вдруг наклоняет на бок голову, искренне улыбается, как аниме-идол, и совершенно миролюбивым голосом предлагает:

— Давай поедим где-нибудь? Я приглашаю. Обещаю потом отвезти тебя домой.

У меня от такого резкого перевоплощения рот удивленно раскрывается. Даже неугомонный язык теряется и не находит, что сказать.

Вот же больной извращенец на мою голову.

Меню кафе Littoo я изучаю с особой тщательностью. Не менее двух раз прохожусь по всем позициям. Фотографии сделаны на славу, и мой желудок скоро прорвется к глазам, умоляя наградить его вкусняшкой. С самого утра в нем побывала одна лишь овсянка с медом и пару глотков чая. А в обед я так и не успела дойти до столовой, так как имела глупость подойти к профессору с вопросом.

Одарив меня цистерной снисхождения, преподаватель все же соизволил ответить непонятливой студентке, на корню убив всякую надежду понять хоть что-то на его последующих лекциях.

Некоторые люди, несомненно, одарены гениальным мозгом, но всесторонне обделены каким бы то ни было навыком преподавания.

На вопрос, можно ли написать прекрасные учебники, но при этом бездарно не уметь донести материал понятным языком, я теперь с уверенностью могу яростно кивать и отвечать — можно! Еще как! Ого-го!

— Ты выбрала? — тактично уточняет Ветров.

В голосе ни одного намека на командный тон.

Мягко стелет... — проносится предостерегающая мысль в голове.

Возникшая рядом официантка нетерпеливо косится на меня. Она третий раз подходит к нашему столику, кидает на извращенца влажный взгляд соблазнения и тут же бросается в мою сторону недовольством, когда я прошу дать мне еще пару минут.

Я честно пыталась его уговорить и пойти в другое кафе.

Но разве можно спорить с этим снобом?

Он пугающе искренне пожал плечами и сказал, что это место самое ближайшее и нормальное из известных ему в округе. И вот тут наши понятия о мире давали трещину, расходясь в разные стороны, как в море корабли.

Для меня чашка кофе за пятьсот рублей — это не норма. Это гораздо выше нормы. А о ценнике блюд я вообще молчу.

Папа каждую неделю дает мне карманные деньги, и я всегда стараюсь их тратить по минимуму. Честно говоря, давно хочу и пару раз пыталась устроиться на подработку, но отец каждый раз категорически против этой идеи. Мы однажды даже чуть было не поругались. Он тогда сказал, что может быть когда-нибудь разрешит, но только это когда-нибудь обязательно начнется только с третьего курса.

— Если тебе мало тех денег, которые я даю, тогда я буду давать больше. — щедро произнес папа, но я-то понимала, что для него означает это «больше». Как-никак, сумма его зарплаты мне известна. И за расходную часть семейного бюджета негласно отвечаю именно я.

Временами он может устало у меня поинтересоваться, сколько денег осталось на его карте.

— Мне вполне хватает! Дело совсем не в этом! А в банальном желании стать более самостоятельной, пап. — к счастью, вру я намного убедительнее отца.

Но не говорить же сейчас Ветрову о моем расписанном заранее бюджете на неделю?

— Мне всегда сложно сделать выбор в новом месте, — тихо бормочу я, надеясь, что извращенец мне поверит, — Потому я и просила пойти в другое...

Однако договорить не успеваю. Наставник подозрительно щурится, затем задумчиво кивает и начинает быстро перечислять наименования блюд, одаривая при этом официантку одной из своих кавайных улыбочек:

— Нам, пожалуйста, два салата: цезарь и салат с копченой уткой. Еще ризотто с белыми грибами и пасту карбонара. А пить мы будем... — тут вдруг обеспокоенно поворачивается ко мне, — Совсем забыл уточнить, у тебя ни на что нет аллергии? — и, получив мое уверенное «нет», успокоившись, добавляет — Еще арбузно-базиликовый лимонад и два капучино. Один с мишкой.

— Конечно. — девушка подобострастно кивает и удаляется, стреляя в него глазками.

Я бы на его месте купила себе пуленепробиваемый жилет. На всякий случай. А то мало ли что.

— Взял разные салаты и блюда. Здесь все вкусно. Просто возьмешь себе, что больше понравится. На выбор десерта не стал претендовать. Сама определишься.

То есть... он всей этой вереницей блюд собрался ублажать не только свой адский огонь, но и приплел туда мой бьющийся в голодных конвульсиях желудок?

А раз так, то я должна буду платить не за один кофе, который скромно собиралась заказать и пить маленькими глотками, но и за все остальное...

Мои глаза напуганными тушканчиками снова скачут по меню, которое все еще лежит передо мной на столе. Мозг спешно калькулирует итоговую сумму. От возникшего в голове числа сердце ухает к ногам, но затем несколько приходит в себя, когда я делю итоговый счет на двоих.

Неприятно, конечно, но я могу себе позволить немного шикануть. Убеждаюсь в этом еще больше, когда перед нами ставят тарелки с едой. Желудок, успевший окончательно захватить в заложники мозг, требует его немедленно удовлетворить, но я медлю.

— Ты сегодня не обедала, а растущий организм нуждается в своевременном подкреплении. — с этими словами Ветров придвигает ко мне обе тарелки с салатами.

Удивленно поднимаю на него глаза.

— Для той, кто обедала, ты выглядишь слишком голодной, Пандочка.

Вспыхиваю.

Это на что это он намекает?

Аккуратно прикладываю пальцы к губам. Проверяю. Вроде слюной не капаю. Жест привлекает внимание наставника, и его глаза двумя льдинами опускаются к моему рту. В ту же секунду мне за шкуру словно угли кидают. Спешно, не глядя, притягиваю к себе один из салатов и тихо говорю:

— Приятного аппетита, Дима.

— Приятного, Милана. — его голос коварным образом умеет менять тональность, обрастать неожиданной бархатистостью и приветливо скользить по коже.

Я ем, смотря прямо перед собой. Прямо в центр своей тарелки. Изучаю листья салата со столь живым интересом, будто от этого зависит насколько хорошо они переварятся в моем организме.

Совершенно не ожидаю от Ветрова вопросов по поводу учебы, и отвечаю вначале по инерции. А еще потому, что у него обычно манера такая — командно-повелительная.

Только вот на середине своего рассказа, когда выбираю карбонару и чуть не пишу от наслаждения, отправляя в рот макаронину в сливочном соусе, осознаю и замечаю полное отсутствие в его голосе ноток подчинения. Да и плетка нигде не свистит своими

хвостиками.

Ветров настолько участливо интересуется занятиями, что я, должно быть, уже больше десяти минут без зазрения совести жалуясь на провальную попытку выудить у Игната Львовича хоть какое-то подобие нормального объяснения.

И тут мой суровый наставник начинает громко смеяться. Искренне, заразительно, а еще — опасно. Потому что я, словно кисейная дурочка, понимаю, что подвигаю.

Он даст фору любому герою моих любимых аниме. Отчетливо вижу свет вокруг его головы, а от ямочек на его щеках будто звездочки выстреливают. А эти его большие и сильные ладони с длинными пальцами, как у пианиста-аристократа, когда же он прикрывает ими свой чувственный рот...

— Ты чего перестала есть?

Кажется, меня чуть было не застукали на месте позорного преступления. Снова утыкаюсь в тарелку. Чуть ли не носом прикасаюсь.

— Не люблю спешить с пастой. Надо распробовать вкус, — рука-лицо, что за чушь я несусь?

И что это был за момент помутнения сознания?

Это все еще мой гадский наставник. Быть может он видоизменяется в моменты поедания пищи — не зря в это время организм чувствует себя расслабленным. Вот и он так — когда я ем, я олененок-няшка, а как перестану, то грозные рога водружу обратно на прежнее место.

— Понравилась здесь кухня? — интересуется, применяя свою коварно-дурманящую улыбку.

— Да. — киваю и тянусь к лимонаду.

Официантка ставит перед нами две кружки капучино, в одной из которых плавает зефирный мишка.

— Какая милота! — не удерживаюсь от восклицания и ловлю довольный взгляд Димы.

— Так и думал, что тебе понравится. — улыбается, придвигая ко мне кружку. — Закажешь десерт?

— Нет. — резко отвечаю и мотаю для убедительности головой. Слишком дорого, спасибо. — Уже наелась.

— Может, возьмешь его с собой?

— Нет-нет, — уверенно обрываю предложение, — У меня дома есть сырники, я их сама лепила.

— Я бы попробовал. — неожиданно говорит Дима, придвигаясь ближе ко мне, и хитро смотрит в глаза.

— В смысле? — не понимаю, он что не пробовал никогда сырников?

— Угостишь? — нахально интересуется.

— Еще не хватало! Я для тебя таскать сырники в универ не собираюсь! — на меня его близость ненормально действует.

Начинаю нервно ерзать на стуле, а он снова смеется. Говорю же, нельзя терять бдительность.

— Да-а... будет нелегко.

— Это ты о чем?

Поправляет свои темные волосы и вздыхает.

— С Игнаем Львовичем, говорю, будет не легко, но я по доброте душевной готов сам с

тобой заниматься его предметом.

— Не надо. Я не просила. Множественно благодарю и стойко воздерживаюсь.

— А я не спрашиваю. — здратути, приехали, снова мы в рядах непрошибаемых полководцев.

Чересчур улыбчивая официантка кладет рядом с нами счет.

Тянусь к сумке, мысленно прощаясь с деньгами, но вздрагиваю, ощущая, как холод снова умело втесался в голос Ветрова:

— Ты что делаешь? — хмуро спрашивает Дима, наблюдая, как я достаю кошелек. Ответить не успеваю, получая резкое. — Убери.

Я не поддерживаю феминисток, вопящих что мужчина не должен открывать перед женщинами дверь и будто счет дама всегда должна оплачивать сама. Считаю, они таким образом портят мало-мальски оставшиеся рыцарские черты в современных реалиях. Но когда мной вот так беспардонно пытаются командовать, я чуть ли не феминисткой с плакатом себя ощущаю.

— Я вполне могу заплатить за себя сама. — уверенным голос женщины, покорившей не одну финансовую вершину, вещаю я, и что-то дергает добавить, — Тем более мы же не на свидании.

— Ах вот так... — Ветров ухмыляется и самонадеянно выдает, — Хорошо. Тогда, считай, что это было наше первое свидание.

— Чего? — мои щеки становятся фанатками маков, а он, широко улыбаясь, прикладывает свою карту к пин-паду, который подносит к нему официантка.

*

— Сходим еще раз на свидание на неделе? — невозможно самонадеянно спрашивает наставник, останавливая свою машину около моего подъезда.

Мои глаза широко раскрываются. Он издевается надо мной? Наверняка есть подвох.

— Твоя команда пиарщиков решила сменить название «адского аттракциона» на «свидание»?

Дима удивленно пару раз моргает, а потом, запрокинув голову назад, начинает громко смеяться.

— Твой смех подтверждает мою правоту! Полностью! Так что адиос! — выскакиваю из машины и быстро несусь к своему подъезду.

— Кноп, привет. — раздаётся папин голос из гостиной, и я застываю в прихожей, словно вор, неуверенный в ту ли квартиру он проник. — Ты чего сегодня поздно? — мой родитель своими вопросами вносит ещё большую смуту в мою и без того переполненную мыслями голову.

— У моего наставника возникли некие новые идеи, — очень-очень странные идеи, думаю я, — Пришлось немного задержаться.

И я, кстати, совсем не поздно. Стрелка часов только подходит к шести, потому непонятно к чему сейчас вопиющая клевета?

Ой, погодите-ка, это же значит...

Я с Ветровым больше двух часов вдвоем провела!

И к тому же он эту поездку-убийство-нервных-клеток с последующим пиром для желудка назвал свиданием!

Эрор!

Система даёт явный сбой!

— Ты отстаешь и не можешь усвоить материал? — мелкая выходит из кухни с клубничным мороженым в руках. — Потому остаешься на продленку?

— Какое это по счету мороженое? — вопросом на вопрос отвечаю я, и саркастичный философ, тушуясь, возвращается на кухню.

Иду в ванную комнату и там с какой-то особой тщательностью мою руки холодной водой и прикладываю пальцы к горящим щекам.

Он же шутил по поводу свидания?

И по поводу «повторить свидание» тоже говорил не всерьёз?

Я посчитала самым правильным напоследок кинуть в него уничижающий взгляд. Приятнее думать, что взгляд был именно таким, да... А не ошеломленно-потрясенным.

— Ты вся красная. — в дверь ванной проникает личико сестры. — Тебя пытали?

— Типа того. — задумчиво отвечаю я, вспоминая карбонару.

— Отстой. Провести одиннадцать лет в школе, чтобы потом ещё мучиться в университете. — она многострадально смотрит на раковину, а затем невинно добавляет, — Думаю, я могу стать хорошей художницей. Рисовать красивые картины и продавать. И тогда мне совсем не обязательно идти в универ.

— А я думаю, ты прекрасно сможешь совмещать посещение вуза и свое красивое творчество, — нравоучительно обрываю поползновения сестры сбросить с себя всякий гранит наук. — Я собираюсь принять душ. Выйди, пожалуйста.

На самом деле мне очень хочется остаться одной. И ещё двести восемьдесят восемь раз подумать о том, что говорил Ветров.

Мой наставник, несомненно, много раз и довольно успешно подтверждал свой статус извращенца, но в кафе с ним оказалось так...комфортно. И его слова как-то странно на меня повлияли. Вот неожиданно странно...

А ещё, когда он смеется, он такой...совсем не пугающий, а наоборот... словно вокруг его головы собираются солнечные блики.

Раздеваюсь, кидаю вещи в стиральную машинку и захожу в душевую кабинку.

Стереть Димин искренний смех из своих воспоминаний оказывается непроходимым

квестом. Я будто не стираю, а ищу предлог закрыть глаза и представить его снова, втайне упиваясь очередным повтором, вызывающим на моих губах предательскую улыбку.

Выхожу, обмотанная в свое махровое розовое полотенце, и иду к себе в комнату.

— Дочь, ты голодна? — интересуется папа. — Я сварил макароны.

— Нет, пап, спасибо. Я успела поесть. — карбонара снова напоминает о себе. И когда я успела стать ее преданной фанаткой, не понимаю.

Оказавшись в комнате, падаю спиной на кровать и закрываю глаза. Через несколько минут слышу, как дверь тихонечко открывается, и второй человек в нашей семье, не способный передвигаться бесшумно, пробирается ко мне.

— Нужна помощь с уроками? — обычно эта анти-шпионская-походка символизирует намерение сестры выпросить у меня решение трудных задач.

— Нет. Дело в другом. — робкий голос Янки заставляет напрячься.

Открываю веки и поворачиваясь на бок, опираюсь головой на ладонь и с интересом смотрю на мелкую.

— Ты можешь, пожалуйста, выполнить одну мою просьбу. Она малюсенькая крошка-крохотулечка. На мизинчиках обещаешь?

— Сначала просьба, потом выдвижение условий.

— Ну, пожалуйста, Милка, — надувает губы сестра, — Только один разочек. Пожаааалуйста.

— Что-то купить? — прикидываю сколько у меня осталось денег.

— Нет...

— Гулять с тобой и твоими подругами я точно не пойду, — меня однажды взяли в качестве «крутизны» и мне хватило на две жизни вперед.

— Да нет же, — спешно отмахивается Янка, словно в тот раз жертва не оправдала и ее надежды тоже.

— Тогда что?

— Пожалуйста-пожалуйста пойдем вместе со мной на день рождения маминого друга. — мой рот широко раскрывается, — Пожалуйста! В следующие выходные мама снова меня заберет. Они уже договорились с папой, — спешно тараторит мелочь, — Но мне одной там будет некомфортно. Пожалуйста, пожалуйста. Денис Александрович хороший. Он обещал нам купить все необходимое, и платья, и туфли, и сумочки. И про тебя он много спрашивал.

Меня будто холодной водой обливают, в которой затаились острые иглы. Они вонзаются в кожу без сожаления и печали.

Она же такая умная...

Она же должна все понимать...

Разве не очевидно, каково будет папе?

Тогда почему она все это говорит...

Почему...

Разве мы мало для нее делаем...

Тело покрывается льдом.

— Выйди! — это первый раз, когда я действительно повышаю голос на свою младшую сестру.

Она даже вздрагивает. И удивленно распахивает свои бездонные глаза. Но ярость с такой силой обрушивается на меня, что я не могу ее контролировать. — Немедленно выйди

из моей комнаты и не смей впредь заходить с такими просьбами! Не смей, поняла?!

Янка вскакивает с места и уязвленно цепляется за меня своим взглядом. Вижу, как в уголках ее глаз собираются слезы. В сердце тут же ударяет чувство вины.

— Я обиделась! — обиженно кричит мелочь, прежде чем выбежать и громко хлопнуть дверью.

Не проходит и пяти минут, как в комнату заходит взволнованный папа. Непонимающе смотрит на меня и сообщает, что мелочь заперлась в своей комнате, предусмотрительно проинформировав его о моих резких преобразованиях в злую ведьму Фифи. Это истерично неудовлетворенный по жизни персонаж из историй о принце Ларалиэле. Вот так за один день из самой близкой подруги главной героини можно перебраться в каракатицу.

Вместо ответа, раздраженно задаю вопрос:

— Зачем ты снова разрешаешь маме забрать свою дочь на все выходные неизвестно куда?

— Кноп... — устало выдыхает отец.

— Что «кноп»? Разве нормально, что твоя жена бросила тебя с двумя детьми, чтобы ее заднице было весело, а сейчас приперлась, как ни в чем не бывало, и строит из себя любящую мамашу? Зачем ты этой лицемерной женщине...

— Милана! — папа тоже редко повышает на меня голос. Но похоже, сегодня день удивительных исключений. — Когда успокоишься, тогда и поговорим.

Он, в отличие от Яны, выходя из комнаты, не хлопает дверью.

В нашей квартире воцаряется тишина. Поразительная и давящая.

Переодеваюсь в домашнюю одежду и снова ложусь на кровать. Какое-то время пытаюсь читать лекции, но, убив на это два часа, понимаю, что занятие совершенно бесполезно. Мне не удастся вникнуть ни в одну строчку.

Опускаю тетрадь на голову, надеюсь, что знания проникнут в меня новым, неопробованным ранее способом — благодаря соприкосновению лба с записями.

Только чуда не происходит и вместо расширения сознания, я неожиданно начинаю плакать.

Убираю с лица конспекты, стираю с глаз слезы, а телефон рядом сообщает о входящем сообщении.

На миг вспыхиваю, замечая от кого пришло письмо, поворачиваюсь на живот и открываю мессенджер.

Лошадь Возмездия: Чем занимаешься, Пандочка?

Не знаю зачем, но решаю в шутку написать: Плачу горячими слезами...

И даже роняю из рук телефон, получая его молниеносный ответ.

Лошадь Возмездия: Что-то случилось? Сейчас подъеду. Выходи через полчаса.

Спешно набираю: Да я пошутила. Все нормально.

Лошадь Возмездия: а я — нет. Выехал. Не люблю ждать.

Совсем больной, думаю я, вскакивая с места с колотящимся в груди сердцем.

И почему я вдруг улыбаюсь?

Чувствую себя глупой малолеткой, пока пишу наставнику, что не смогу выйти. Ожидаемо получаю от него знак вопроса. Целых три знака вопроса. С горящими от стыда щеками сообщаю, что наказана и потому мне нельзя покидать квартиру. Ветров интересуется может ли что-нибудь сделать для меня, но я спешно уверяю, что у меня все отлично и ничего не надо. И снова получаю «ОК» с точкой.

От папы я такой подставы, конечно, не ожидала. А послушаться его совесть как-то не позволила. Гордо подняв подбородок, я выпрямила спину и прошла в свою комнату снова переодеваться в домашнюю одежду. Не то чтобы мне очень сильно хотелось увидеться с наставником, но отчего-то все же немного хотелось.

Да и мысль о том, что он уже там на улице и ждет меня внизу около подъезда, а я поидиотски не могу спуститься к нему — расстраивала. Это, наверняка, эффект карбонары. Коварная оказалась паста.

Через час после томных лежаний на кровати с гудящей в голове назойливой мыслью, что я повела себя ужасно и была резковата с Янкой, встаю и иду на кухню. Пока хмуро завариваю себе чай, слышу за спиной звук шагов. Мелкая — различаю сразу.

— Будешь чай? — аккуратно спрашиваю я и медленно оборачиваюсь.

Сестра садится на один из стульев и осторожно поглядывает в мою сторону. Оценивает градус бурлящей во мне агрессии. Осознание, что ее глаза опухли и покраснели не из-за кого-то постороннего, а из-за меня, неприятно царапает изнутри.

— Сделаю с лимоном, как ты любишь.

Янка неторопливо кивает, и я тянусь к холодильнику. Открываю белую дверцу и достаю с верхней полки желтого представителя цитрусовых.

Когда заканчиваю со специальным ритуалом растирания лимона в кашу, раздается тоненький голосок:

— Я на тебя не сержусь.

Повисает пауза, а следом появляется нерешительный вопрос:

— А ты на меня?

Качаю головой и снова оборачиваюсь, как раз в тот момент, когда Янка вскакивает с места и взволнованно несется ко мне. Оставляю чашки и чуть наклоняюсь вниз, чтобы обняться с врезающейся в меня на радостях сестрой.

Мелочь начинает спешно тараторить:

— Если ты не хочешь, я тоже могу не идти. Мне этот праздник не очень-то и нужен. — и тише добавляет. — Знаешь, я просто чуть-чуть скучала по маме и потому... но я не хочу, чтобы ты злилась. Милка, пожалуйста-пожалуйста только не злись на меня...

— Я не злюсь. — уверяю сестру, еще крепче прижимая к себе.

— Я для тебя все еще лучшая сестра? — деловито уточняет, немного отодвигаясь и с интересом посматривая в мои глаза, чтобы я точно не могла утаить от нее истину.

— Самая лучшая, — спешу заверить, и она снова радостно жметесь ко мне.

— Я очень тебя люблю, Мил.

— И я тебя.

Обе оборачиваемся на папину фигуру, наблюдающую за нами из дверей кухни.

— Помирились? — широко улыбается отец. — Вот и славно.

— Да, — возвращая себе царственный тон, сообщает мелочь. — Мила сегодня ответственна за чай. Пап, тебе тоже сделать?

— Давайте попьем, что ли. Торт еще оставался. Дочь, достань из холодильника.

— Мил, сделай папе тоже чай, пожалуйста. — повелевает Янка и уверенно двигается к холодильнику. — А я займусь тортиком.

— Пап, хватит покупать пирожные и торты. Вам обоим их нельзя. Мелкой стоматолог запретил, а про себя ты и сам все знаешь...

— Папа взрослый и самостоятельный мужчина, который может сам решить, что ему можно, а что нельзя. И папа умнее всяких стоматологов. — это она так хитро добывает себе разрешение на большой кусок.

Демонстративно закатываю глаза, наблюдая за тем, как папа с улыбкой кивает в ответ на слова сестры. Они оба отчаянные сладкоежки и готовы выступать в крестовых походах, если наградой служит торт «Чародейка». Я тоже его люблю, но не с такой страстью, как эти двое.

Мой телефон пиликает входящим сообщением. Возвращаю чайник на место, а затем достаю мобильник из заднего кармана домашних брюк.

Открываю мессенджер. В нем видео, на котором маленькая красная пандочка пытается показаться сильной и грозной. Она умиляет одним своим видом, и я непроизвольно начинаю улыбаться. И улыбка на губах становится еще шире, когда ниже под роликом читаю сообщение от Ветрова.

Лошадь Возмездия: Надеюсь, видео этой пандочки поможет вызвать на губах другой пандочки улыбку.

Целых полчаса пытаюсь сконцентрироваться на лекции — бесполезно. Нудный шепот профессора долетает до моего лба, рикошетит и стрелой несется обратно к доске. Меня это не сильно заботит, так как за прошлые недели мне удалось выработать для себя приемлемый график самообучения. Благодаря этому я смогу своими силами изучить все супер-скучные предметы и не попаду под забор позднего понимания, грозящий неудами и пересдачами.

А ведь с одной стороны, именно этого я и хотела.

И нет, я сейчас имею в виду не нуднятину, которую приходится слушать вместо интересной лекция. Я снова вернулась к разговору с мелкой и прокручиваю в голове слова сестры. Они, видимо, вознамерились отполировать мой мозг своим повтором.

«Я передумала видеться с ней в этот раз»

«...Передумала...»

«...Видеться с ней...»

Почему, несмотря на безукоризненное исполнение моего желания, на душе так противно сыро, словно кто-то развесил месячную стирку, и та никак не желает высохнуть.

И почему я постоянно вспоминаю Янкины погрузневшие, как у брошенного котенка, глаза?

Погрустит и забудет.

Пытаюсь убедить себя, но ничего не выходит.

И папа тоже... непонятный мужчина.

Ведь я прекрасно вижу, как его огорчает нездоровое Янкино желание побыть с мамой, но при этом он впал в еще большую меланхолию, чем я, услышав ее благородное отречение от права снова повидаться с этой женщиной-кукушкой, чей язык по странности не отсыхает, когда она нарекает себя матерью.

Злая на себя за неспособность сосредоточиться на лекции, достаю из сумки маленький альбом и открываю чистую страницу. Но и здесь возникает аномалия...

Дело в том, что прототип главного антагониста моей комикс-истории внезапно начал вести себя как вполне адекватное и страшно милое создание, поэтому теперь несколько совестно рисовать некоторых в экс-привычном амплуа.

К стыду, мне сегодня снова снился бесстыжий сон.

Это все совершенно точно проделки карбонары. Вот никаких сомнений. А еще виноват новый формат неожиданных встреч с Ветровым после пар, когда он не смотрит демоном возмездия, а улыбаясь интересуется, как проходит день, понятны ли предметы и все ли у меня хорошо.

В понедельник он перехватил меня сразу после перового занятия. Отошел со мной в сторону от любопытствующих однокурсников и сворачивающих шеи однокурсниц и участливо спросил почему я плакала. Не нужна ли мне его помощь?

Если можно от одного вопроса поплыть к розовым фламинго, то я, кажется, удачно плыла и чуть не прибилась головой к берегу, пока не осознала всю нелепость своего ошарашенного вида. Начала зачем-то фальшиво смеяться и махать рукой, убеждая удивленного старшекурсника, что я таким образом шутила, а он зачем-то взял и поверил в эту ерунду.

Рука-лицо, прием-прием.

Он тогда ничего не ответил. Только нахмурил брови и долго смотрел прямо в глаза. У меня чуть было не начались проблемы с дыханием. Но, к счастью, вскоре появился Ник и прервал сеанс незапланированной лоботомии.

— Ты всю неделю сама не своя. — говорит Катька, когда мы покидаем аудиторию вязкой тягомотины, которую язык отказывается нарекать лекцией, и движемся в сторону столовой.

— Просто не выспалась. Сейчас ароматный кофе и свежая булочка обязательно все исправят.

— Я возьму две булочки, — кивает головой подруга, — Кажется, после пары мой вес скатился к критическому минимуму и мне срочно нужны углеводы. А еще я хотела тебе кое-что рассказать, — тише сообщает она, чуть краснея.

— Так-так-так, я вся внимания.

— Меня Стас позвал в кино.

— Так это же здорово! Мне не зря показалось, что вы очень хорошо беседовали в тот раз в клубе?

— Ну не то чтобы прямо вау... — скрывая довольную улыбку, тянет подруга, поправляя волосы, — Но вполне себе. И, кстати, ты мне так и не рассказала детально как Ветров тебя довез тогда до дома и почему ты так рано решила уехать?

— Я уже миллион раз тебе говорила, что мы по пути не уходили в межгалактическое путешествие. Просто довез до подъезда и уехал.

У меня так и не получилось поделиться с Катей историей об извращенце, поцеловавшем меня в клубе. И вообще я для себя решила забыть этот постыдный эпизод собственной биографии. И не фантазировать о том, чего не могло бы быть. Тем более я не сказала ей, как Ветров практически вынудил меня сообщить ему о случившемся. К чести наставника, его додики — Аверин к их числу не относится — меня ни разу не чморили этим моментом. А значит, он не раскрывал им темную тайну первогодки.

Улыбка сама появляется на губах.

— Он тебе нравится, да? — вдруг обрушивает на меня странное заявление Катя.

— Он — это кто?

— Ну кто еще, наставник твой. И не делай такие глаза. Ты всегда вот так стараешься скрыть улыбку, когда кто-то рядом говорит о том, какой он классный. И знаешь, мне кажется, ты ему тоже нравишься.

— Ты с ума сошла. Как тебе такое в голову пришло?!

— Очень просто. Между вами всегда искрит, когда вы рядом! Я каждый раз вижу молнии, они так и бьют страстью.

— Тебе следует посетить окулиста. Желательно в самое ближайшее время. Вдруг еще и розовых пони начнешь вокруг себя замечать.

— Мой папа как раз окулист, — громко смеется Катя, — У меня зрение 120.

— Тогда это галлюцинации. Сходи к неврологу. Между нами точно ничего не искрит.

Стараюсь звучать максимально уверенно, хотя предательский голос внутри как бы невзначай уточняет: «а вдруг и правда искрит?»

— Тогда ты не откажешься пойти с нами?

— На свидание?

Сходим еще раз на свидание на неделе? — всплывает в голове голос наставника, который я усиленно стараюсь отогнать метлами.

Если бы он действительно этого хотел, то предложил бы пойти еще раз... Но ведь он больше не предлагал.

Выдумываю всякие глупости. Ужас! Еще немного и стану похлеще Янки.

— Да-а. Когда Стас меня спросил, я почему-то ступила и сразу не ответила. Он подумал, что мне будет неловко и предложил позвать друга. А мне, получается, надо взять с собой подругу. Будет двойное свидание.

— Не лучше сразу вдвоем сходить? Зачем все так усложнять? Скажи ему, что не увлекаешься шведскими семьями и готова на тет-а-тет.

— Скажешь тоже, — прыскает Катя и пытается толкнуть меня в бок.

Пытается — потому что я теперь с ней всегда на чеку и вовремя отклоняюсь в сторону.

— Да ладно тебе, будет весело. — убеждает подруга. — Тем более тебя это ни к чему не обязывает. Стас сказал, что они благородно уступят нам выбор фильма. Его друг очень веселый парень. Нельзя все свободное время посвящать учебе. Иначе твоя голова опухнет, а прекрасные юные годы пройдут мимо тебя, Мил, и в старости тебе даже нечего будет вспомнить. Ну пожалуйста, пойдем. Раз Ветров тебя не интересуется, ты можешь спокойно пойти с нами.

Он ведь меня не интересуется?

Совсем не интересуется?

Или все же...

— Я собиралась заниматься в эти выходные, Катя, поэтому...

— Пожалуйста, Мил. Я куплю тебе все самые вкусные булочки. Ну прошууу.

— Путь к моему сердцу не лежит через желудок.

— Очень зря, кстати.

Катка строит грустную рожицу, и моя крепость дает трещину:

— Л-ладно. Пойдем. Но только в кино, а потом я сразу домой. Гулять или идти потом в кафе не соглашаюсь. Сразу предупреждаю.

— Отлично! Да! Договорились!

— Ветер, ты просил три капучино и тарелку со всеми видами булок, которые сегодня представлены в меню? — сомневающимся голосом уточняет Кот и ставит поднос на стол.

— Верно. — киваю и снова нетерпеливо поворачиваю голову к дверям.

Где она ходит?

Всегда же со своей подружкой первой врывается в столовую.

И куда, хотелось бы мне знать, подевался Ник?

— Ты заметил с кем твой брат поздоровался, пока мы сюда шли? — спрашиваю у Тохи и жестко бью его по руке, которая змеей тянется к сдобе с явно недобрыми намерениями.

Ник совершенно точно с кем-то радостно — я бы даже сказал чересчур воодушевленно — поздоровался, а потом изменился в лице. Помрачнел, как грозовая туча, негромко матюгнулся и бесследно исчез.

— С девчонкой какой-то, — младший Аверин обиженно трясет ладонью и продолжает пожирать глазами еду. — Ты же не фанат сладкого? Я думал ты на всех взял.

— Ник сказал, ты на неделю отлучен от любого вида мучного, — серьезно вру я.

— С хрена ли? Он совсем спятил? Да я растущий организм.

— Вечно-жрущий, — хмыкает Кот, — Так-то точнее будет.

Тоха начинает самозабвенно отвечать Рыжему, но я их уже не слушаю.

В дверях, наконец, появляется моя первогодка, и стоит мне встретиться с ней взглядом, как она мгновенно становится пунцовой.

С изменением моего поведения, изменилось и ее. И я никак не могу понять хорошо это или плохо. Она теперь не огрызается на мои слова, как делала раньше. Только слегка краснеет, если задаю вопросы по учебе и смотрит как-то нерешительно. Лучше бы, как и прежде, называла извращенцем и убивала взглядом.

«Она боится упустить момент твоего перехода обратно в стадию психопата, — издевательски выдал недавно Ник. — Не знает, чего от тебя ожидать. И я ее могу понять, Ветер. Ты, главное, плавно к ней клинья подбивай. Спокойно и неспешно покажи, что ты вполне себе временами адекватен. — еще шире улыбнулся под моим злым взглядом друг, — Она не похожа на тот вариант, который следует брать штурмом.»

Киваю Миле в знак приветствия, делая знак рукой, чтобы подошла. И если у ее подруги на лице сразу же загорается утвердительная радость и покорное: «конечно-конечно», то Мила словно к месту прирастает. Даже хмурится немного. Забытый вызов начинает медленно разгораться в ее карих глазах.

Вот что я за идиот...

— Тох, придвинь к нам еще два стула. — говорю другу и встаю со своего места.

Быстро двигаюсь к своей первогодке. Так и не смог выяснить из-за чего она тогда плакала. Минут двадцать прождал около ее подъезда, пока окончательно не убедился, что Мила точно не сможет выйти. Надеялся, потом расскажет, что случилось, но чуда не произошло.

Ладно, не будем торопить события.

И раз не стоит брать ее крепость штурмом, я решил отложить упоминание о повторном свидании, которое слишком часто хочу озвучить.

Ник, видимо, прав. Меня давно так ни от кого не штырило. А если так, то все просто —

она должна стать моей. Во всех смыслах. Рано или поздно. И я готов ждать, сколько потребуется.

— Добрый день, девушки. — использую свою самую обаятельную улыбку. Добиваюсь моментального эффекта от ее подруги, а затем, склонившись к Пандочке, чуть тише произношу, — Я соскучился, Мил.

Бинго!

Челюсть Райской очаровательно падает вниз, а брови издевательски ползут вверх. Подруга тоже не отстает с реакцией. Замечаю, как она толкает мелкую в бок, вполне определенно подмигивая глазами.

— Хочу пригласить вас за наш стол, девушки. Надеюсь не откажетесь посидеть с нами. Пойдемте?

Если пока нельзя затащить ее на свидание, то я могу хотя бы угостить ее кофе и слойками.

— Конечно! — берет не только инициативу, но вместе с ней и Милку в свои руки бойкая первокурсница.

— Это мои друзья, Антон и Дэн. — с ее подругой мы более-менее знакомы, потому представляю только ребят.

— Катя, — улыбаясь отвечает брюнетка.

Когда девушки усаживаются за нашим столом, я глазами информирую парней, что линчую каждого, если они позволят себе лишнего. Понимание на их лицах появляется сразу же. Они вежливо здороваются. Кот галантно придвигает ближе к девушкам кофе и тарелку с булочками.

— Это все нам? — кокетничает брюнетка, в то время как Мила сидит ежиком и неуверенно смотрит в кофе. — Мы столько не съедим.

— Мы всегда будем рады помочь, — ни на секунду не теряется Тоха и получает от меня удар под столом. — Дорогие девушки... Но вы, ешьте-ешьте. Все ради вас.

— Кофе не отравлен, — хмыкая, сообщает Дэн Милке, придвигаясь чуть ближе к моему первогодку и заглядывая вместе с ней в бумажный стаканчик.

Я уже жалею, что рядом с ней сидит он, а не я.

— Почему я должна тебе верить? — серьезно озвучивает Райская и смотрит на моего друга так сурово, что он на секунду даже теряется. А затем запрокидывает голову назад и начинает громко смеяться.

— Потому что рыжие никогда не врут, — наконец серьезно отвечает Кот, немного успокоившись.

— Спорное высказывание. — делая маленький глоток, парирует Мила, — Но рыжие никогда не седеют.

— Откуда ты знаешь? — удивленно распахивает свои зеленые глаза Дэн.

— Потому что моя первогодка умнее моего друга, — отвечаю я с легкой улыбкой на губах, желая прервать их общение, которое начинает действовать мне на нервы. — Как ваши пары, девушки?

— Пары просто ужасные, очень изматывающие, — откусывая булочку рассказывает Катя, — И потому мы решили отдохнуть на выходных и сходить в кино.

— Мы можем присоединиться? — чарующе улыбается Кот.

Если он вдруг получит согласие от Милы, я его придушу — решено.

— Ну... — неуверенно тянет Катя, — Давайте в другой раз? Мы просто уже

договорились с другими ребятами, будет некрасиво если...

— Как жаль, — говорю я, стараясь унять внутреннюю бурю и желание очень красиво грохнуть этих других ребят. — Что у Милы не получится пойти.

Глоток кофе, способный выплеснуться из моего рта незабываемым для всех посетителей столовой фонтаном, к счастью окружающих, выбирает для себя более прозаичный путь и оказывается у меня в горле. Стаканчик в руке неспешно опускается на стол, а вот мои брови, напротив, начинают скоростное движение вверх.

Я позволяю себе внутренне усмехнуться, прежде чем посмотреть на своего вальяжно устроившегося на стуле наставника.

Был же всю неделю нормальным. Даже более чем. Таким понимающим и небезразличным, когда спрашивал про учебу, что мне не всегда удавалось взять под контроль собственное сердцебиение и глаза, начинающие его рассматривать с каким-то неестественным для меня внутренним трепетом.

Знала же, что нельзя терять бдительность.

Нельзя!

Интересно, почему его снова переключило?

И можно ли как-то контролировать этот процесс перехода из темного переулка на светлую сторону?

Может, на его шее имеется зашитая под кожу кнопка переключения в режим сияющего айдола?

Вздыхаю. Вряд ли.

Неужели снова собирается завалить меня стопками заданий, а затем садистски требовать решения?

Нет, я этого не позволю. Достаточно. С меня точно хватит.

С вызовом смотрю на Ветрова, который со спокойствием какого-нибудь демона-герцога из аниме окидывает Катю мелодраматичным взглядом. И, прежде чем я успеваю послать его к лысой горе встречаться с раками, авторитетным голосом уточняет:

— Мы с Милой должны подготовиться к важному проекту, который курирует Киринов. Времени, к сожалению, очень мало. Потому мы вынуждены заниматься на выходных. — вопросительно поднимает свою эту бровь с супер-способностями и впивается в меня льдом своих глаз. Потом снова поворачивается к Кате, — А вы когда в кино собирались?

— В субботу в три часа, — гипнотизировано сообщает подруга.

— Мила точно не освободиться к этому времени. — еще и вздыхает. Так, будто ему правда жаль.

Это что за моноспектакль он сейчас устраивает?

Нет, я, конечно, согласна, что задание Киринова — это не пустяк, который с легкостью можно сделать за пару часов, но мы точно не договаривались с ним ни о каких дополнительных встречах. Тем более в выходные дни. Я же не поехала головой?

— Ой, я что-то запамятовала, — невинно улыбаюсь вернувшемуся-извращенцу, — И уже согласилась пойти в кино. А значит...

— Это я во всем виновата! — вдруг с горячностью восклицает Катя, перебивая меня, словно мы на суде, и она обязана убедить присяжных в невинности ее недалекой подруги, — Мила упоминала при мне о занятиях на выходных, но я вынудила ее пойти с нами. Если бы я знала раньше, что задание от самого Киринова... — тут я получаю незаметный для других толчок по ноге от подруги.

Что за дурная привычка оставлять на моем теле синяки?

Поддержка друзей в моем понимании не включает в себя опцию «калечу любя». Но свой жест видится Кате малым злом, и она категорично припечатывает заявлением:

— Конечно, ты не пойдешь с нами в кино, а встретишься со своим наставником и займешься учебой! — при последних словах смотрит на меня взглядом, скрывающим в себе излишнее количество необоснованных пасхалок, которые, надеюсь, заметны только мне, — Все говорят, что этот Киринов ужасно суровый мужик, и страшно подумать, что он сделает, если студенты задержат срок сдачи работ.

— Именно так. — обольстительно улыбается Кате Ветров, отчего та покрывается легким румянцем, а потом третьекурсник склоняет голову на бок и вопросительно смотрит на меня.

Опускаю глаза к кофе, который до сих пор проявил себя моим единственным верным сообщником. Пытаюсь понять, почему не рассмеюсь в лицо Ветрову и не заподозрю его в безудержной фантазии, нашептывающей нелепые планы, которых не было. А затем не скажу Кате, что я сама в состоянии решить, чем именно мне следует заняться на выходных, а чем точно не следует.

Почему не стану отстаивать безудержное желание пойти в кино?

Почему сердце так быстро бьется в груди, а язык не предпринимает ни одной попытки к сопротивлению?

Ведь меня дико возмутило его это «Ах, как жаль, что у Милы не получится пойти...». Ладно, может было без «ах», но суть одна.

И, к собственному ужасу, понимаю.

Хоть мысли кружатся в голове на скоростной карусели, но если позволить себе встретиться лицом к лицу с правдой, то я действительно не хочу идти со Стасом и с каким-то неизвестным его другом в кино.

А вот проект Киринова...

Убеждаю себя, что меня, конечно же, прельщает не само общество наставника, а логичное желание побыстрее разобраться с глупым заданием.

Ведь чем быстрее начнешь, тем быстрее и закончишь.

И Катя так душевно выступила с речью, что моя попытка к сопротивлению ударит и по ней...да?

Тем более я действительно собиралась позаниматься на выходных.

Вот и все. Исключительно ради учебы, слегка киваю и тихо говорю то ли себе, то ли окружающим:

— Ага.

Через пару минут все забывают о неудавшемся для меня походе в кино, и друг Ветрова из семейства кошачьих начинает рассказывать смешной случай, произошедший с ним в универе, вызывая дружный смех окружающих.

Катя чувствует себя прекрасно в новом обществе. А я делаю маленькие глотки из своего стакана с бесконечным кофе и мельком поочередно смотрю на каждого, кроме Ветрова. Но вот его взгляд ощущаю на себе особенно остро. Из-за этого сто девяносто восемь раз успеваю передумать о своем согласии.

Когда мне наконец кажется, что сверло перестало упираться мне в лоб, я решаюсь взглянуть и на него. Только стоит поднять глаза, как он тут же перехватывает мой взгляд. В глубине его льда я вижу улыбку, которая трогает уголки его губ. Мое дыхание на миг сбивается, потому что в нем нет ни единой крупинки опасного блеска. Ни хитрости, ни чего-то обещающего мне адские развлекательные забеги. И меня вдруг сносит волной его искренней радости, причину которой я никак не могу понять.

Неужели он действительно так волнуется за задание Киринова и ждет, когда мы сможем к нему приступить?

Не знаю, его так сложно понять. Он иногда определенно, странный, иногда слегка пугающий, но, независимо от этого, его взгляд заставляет меня улыбнуться ему в ответ.

После того разговора в столовой Катя полностью, с большой долей фантазии, насилует меня вопросами о том где, как и как часто мы собираемся заниматься с Ветровым на выходных. А так как я понятия не имею, то считаю наиболее рациональным ответить:

— Здесь. В универе. Иногда.

— Да ладно? В универе? — скорчив на лице недовольную гримасу, говорит однокурсница, — Может, хоть в кафе пойдете? К чему еще и на выходных сюда тащиться?

— Какая разница где, — отмахиваюсь, стараясь закрыть тему, — Главное, подготовка к проекту, а не локация.

— А в чем ты пойдешь на встречу? — придвигается она ближе.

Демонстрируя, что так просто отступить точно не собирается.

— В каком смысле? В одежде. В такой же, какая на мне сейчас.

Выражение ее лица переходит из фазы недовольства в стадию неприкрытого скепсиса.

— Ну, может, оденешься немного понаряднее?

— Это еще зачем? Считаешь, в противном случае проект Киринова не захочет мне поддаться?

— Считаю, что накрашенные реснички и блеск на губах подтолкнут твоего наставника быстрее тебе поддаться.

— Это сугубо деловая встреча. — как можно серьезнее произношу я.

— Тогда я буду с большим нетерпением ждать всех подробностей о твоей сугубо деловой встрече с твоим сексуальным Ветровым. Вдруг он тебе и другие уроки преподает. Более интересного содержания. Ну там о химии между людьми. Еще анатомия, кстати, очень занимательна, когда ее наглядно демонстрируют. — на этот раз уже я усиленно пихаю ее в бок.

*

Разговор с Катей оказал на меня неожиданное влияние, посеял внутри сомнения и позволил прорасти странным ожиданиям, которые я и сама не могла себе толком объяснить. Но, если вначале они усиленно множились, то после резко пошли на спад, так как с того разговора в столовой я редко видела Ветрова.

В четверг он ни разу не возник на моем пути в длинных коридорах университета. Ни разу не появился возле дверей аудитории, когда я заканчивала пару. И в столовой его тоже не было, хотя ребят из его компании я видела.

Словно я повелась на его игру, приняла продиктованные чужой волей правила и резко перестала быть ему интересной. Конечно, вряд ли он до этого спал и видел вокруг себя мой светлый образ, но все же проявлял больше внимания...

И да, раньше я мечтала избавиться от его навязчивого сталкеризма... но сейчас мне понадобилось всего два дня, чтобы понять — мне чего-то не хватает.

В пятницу он также ни разу не напомнил о нашем вроде как уговоре позаниматься в выходные, и я начала злиться. Не только на него, но и на себя. Катя что-то спрашивала, но я находила сто и один способ отшутиться, а еще сто и восемьдесят способов заставить себя слушать лекции.

Лекции, кстати, даже самые интерес-к-жизни-убивающие помогали отвлечься и не думать, почему гадский супостат перестал меня доставать.

*

Возвращаюсь домой, снимаю обувь и прохожу в ванную комнату. Тщательно мою руки и заглядываю к Янке в комнату, узнать, как прошло тестирование по английскому, к

которому мы с ней вместе готовились.

Выслушав бурный и радостный рассказ, крепко обнимаю сестру и ухожу на кухню греметь кастрюлей и греть себе суп.

Только сажусь на подоконник, как дверь в комнате мелкой открывается, и сестра звучно кричит:

— Мил, тут какая-то Лошадь собирается за тобой завтра заехать после двух часов. Это спам? Мне ей факулики отправить? Или слать в ежовый лес?

Не понимаю почему волнуюсь, когда выхожу из подъезда.

И зачем я только наредила ресницы.

Ну, хорошо хоть блеск стерла. Увидела его сияние в зеркале лифта и срочно достала из кармана пальто салфеточку, а затем ожесточенно прошлась по губам. Пришлось повторить действие пару раз. Благо спуск с шестнадцатого этажа давал время на правку ненужного макияжа.

Это все Катя виновата с ее необоснованными намеками, а еще Янка. Конечно, опыта общения с противоположным полом у нее больше, чем у ее старшей сестры, но метод мелкой «понравился-заверните-берем», я не поддерживаю.

Тем более наставник не то чтобы мне нравится. У нас просто немного наладились с ним отношения, вот и все. И наша встреча сейчас исключительно деловая. Только ради учебы.

Снова смотрю на свои губы и негодую. Блеск исчез, но из-за моих интенсивных стараний, рот теперь красный, словно я себя яростно щипала или кто-то меня самозабвенно покусывал.

Когда я думаю, а не вернуть ли обратно блеск, лифт останавливается. Его двери открываются, сообщая, что лимитированное время на раздумья закончилось.

Выхожу из подъезда. Замечаю припаркованную машину наставника. Иду к ней и нервничаю.

Сама не понимаю, с чего внутри столько волнения?

Ветров стоит спиной в своем бежевом пальто. Правда, расслышав шаги, сразу же оборачивается.

Лучше бы он так и стоял — спиной. И здоровался бы тоже спиной. Потому что, когда он поворачивается ко мне лицом, сердце вмиг подскакивает к горлу.

Сейчас я не настроена воинственно. Не боюсь, что меня собираются втихаря грохнуть, а потом профессионально закопать где-нибудь под Воронежем. Мы же вроде как установили перемирие. Наверное, поэтому мозг усиленно сопротивляется фразе «это все тот же придурак» и активно предлагает другую, более усовершенствованную формулировку: «кавайнейший красавчик, омномно» — и рассыпает над ней розовые блестки с сердечками. А затем и вовсе предательски плавится, когда Дима приветливо поднимает руку и широко улыбается.

Мне же не мерещится это сияние вокруг его фигуры?

Точно нет.

Вон те три бабули, сидящие на скамейке, тоже немного подвисли.

Так, собрались.

Бабули, неужели вы парней раньше не видели? Вы меня еще больше в пучину непонятных сомнений толкаете. Прекратите.

Надо просто подойти, тоже поднять руку и улыбнуться.

Ничего сложного.

Это не высшая математика и даже не бух учет.

Но почему собственное тело ощущается так, словно я робот и пока еще не подключена к важной схеме, в которой прописаны основные функции по движению?

Вот я почти дохожу. Я молодец. Я спокойна и дышу без задержек.

Поднимаю руку и говорю:

— При...

Закон подлости никогда не дремлет. Надо всегда быть на чеку.

Камень под сапогом возникает неожиданно. Становится ощутимым препятствием. Нога непредвиденно подворачивается, мое лицо, скорее всего, удивленно вытягивается, а тело готовится мешком грохнуться к ногам встречающего меня красавчика, то есть, я хотела сказать — наставника. Наставника, конечно же!

Но неминуемой встречи с холодной землей не происходит. Крепкие руки хватают меня за плечи, а через секунду я оказываюсь прижата к твердой мужской груди. Точнее к черной водолазке, за которую зачем-то начинаю инстинктивно хвататься, так как мозг все еще уверен, что нас до сих пор может поджидать затаившийся камень-подлец.

В нос бьет запах древесного парфюма, кондиционера для белья и еще нещадный аромат грейпфрута. На секунду проносится предательская мысль, что, если бы еще присутствовали нотки яблок... тогда.

Но времени на размышления нет. Руки Ветрова вдруг крепко меня обнимают, прижимая еще ближе к наставнику, а около уха я ощущаю горячее дыхание, вместе с которым в меня выстреливает бархатная стрела, вонзающая одним словом:

— Испугалась?

И вроде бы он не просит раздеться и не говорит ничего непристойного. Но его голос звучит как-то интимно и пугающе приятно. Отчего меня накрывает волна жара. А сверху на нее с грохотом падает стыд. Ведь я давно уже стою, спасенная от коварного камня, решившего перейти мне дорогу, но зачем-то, крепко вцепившись в парня, даже не думаю от него отодвигаться.

Вдруг папа сейчас из окна кухни смотрит на нас?

Эта мысль отрезвляет получше кипятка. Словно ошпаренная, нервно трясу головой. Не своим, вдруг севшим голосом говорю: «н-нет» и, наконец, отпускаю поруганную моими руками водолазку. Хмурюсь, замечая заломы, и неосознанно пытаюсь пригладить места захвата руками, когда слышу глухое:

— Оставь, мне так больше нравится.

На секунду застываю.

Это как, если бы кто-то вначале ошпарил кипятком, а следом еще кинул кипятильник. Отпрыгиваю от наставника и, откашливаясь, начинаю поправлять уже свою одежду, волосы, и особенно рукава пальто. Да, вот рукава надо еще раз пригладить. И еще раз.

— Спасибо, что спас от падения.

Стараюсь не смотреть в его глаза. Я же очень занята рукавами. Ожидаю от него какую-нибудь шуточку или команду, но получаю только:

— Тебя приятно спасать.

Мы едем уже минут двадцать. И моя уверенность в части направления движения дает сбой. Особенно она похрамывает, когда мы пропускаем поворот для пути в университет.

— А мы разве едем не в наш вуз? — спрашиваю я.

— Нет. — спокойно отвечает Ветров. — Зачем ехать туда в выходной.

— Но я думала, мы там будем заниматься.

— Нет.

— В кафе?

Неужели Катя была права?

— Там будет шумно.

Тогда куда мы едем? Не в бункер же он меня везет? Запрет и будет пытаться задачками?

Может, зря я так просто, без выяснения деталей, согласилась сесть в его машину. Не зря народная мудрость говорит, что надо договариваться на берегу. На берегу, Мила, а не в лодке, когда ты уже на середине глубокой реки.

— Едем ко мне. — буднично информирует он, останавливаясь на светофоре.

— К тебе? Зачем? Как это к тебе? — у меня еще имеется целый список вопросов, но среди них слишком много волнения и междометий, так что меня пока устроят ответы хотя бы на эти три.

— Потому что там нам никто не помешает.

И вроде бы мой наставник больше не пугает меня, но эта его фраза все же несколько настораживает.

«Анатомия тоже интересный предмет, — восклицает в голове Катин голос, — Особенно при предметном подходе к вопросу.»

И я вдруг начинаю представлять такое...отчего кровь приливает к щекам.

Откуда вообще в моей голове подобные картинки?

Их там не должно быть!

Нет! Стоп.

Мне надо сосредоточиться исключительно на учебе, а не на...анатомии своего наставника.

— Не бойся, — ухмыляется Ветров, будто читая мои мысли. — Я тебя не съем.

— Я и не боюсь. С чего бы?

Еще и многозначительно фыркаю, чтобы у него не осталось сомнений, а то вдруг он слышит грохот моего встревожившегося сердца. Если спросит, скажу, что это шум карбюратора. Или что там еще в машинах бывает.

— Молодец. Но предупреждаю. — кидает на меня взгляд своих льдиных глаз. — Если не будешь слушаться, покусая.

И я отчего-то твердо уверена, что он не врет. Напускаю на себя возмущение и с холодностью отвечаю:

— Тогда лучше сразу покажи мне, где лежит твой намордник. У меня нет никакого желания ходить потом по врачам и делать уколы от бешенства. Еще и следы потом замазывать, чтобы не позориться.

Готовлюсь увидеть в его глазах гнев и очевидное желание меня несколько раз сжечь, но вместо этого наставник начинает громко смеяться. Искренне и заразительно. Настолько

обаятельно, что я тоже не выдерживаю и вначале немного улыбаюсь, а затем уже хохочу вместе с ним.

*

— Приехали. — говорит он, останавливая машину около элитного дома.

И мы сейчас не в нашем с папой Перово, а где-то около Патриарших, в самом центре. Здесь даже ворота имеются, да такие, что просто так никто не войдет.

Ветров выходит из машины, а я еще какое-то время сижу и гадаю, правильно ли сделала, что согласилась с ним ехать.

Вдруг его нормальность — это всего лишь резкие короткие вспышки при монотонном течении извращенного недуга. И стоит нам подняться к нему, как он снова начнет практиковать свои... Додумать не удастся, дверь с моей стороны открывается, а затем Дима протягивает мне руку.

— Пойдем. — несмотря на то что командные наклонности прочно засели в его связках, сейчас он звучит без высокомерных ноток.

Напротив, довольно дружелюбно.

Мне никогда раньше не подавали руку, но оказывается, это так просто и приятно протянуть свою в ответ.

*

Волнение внутри меня нарастает, когда мы переступаем порог его квартиры. Меня ослепляет свет и блеск всего нового и дорогого.

— Ты здесь один живешь? — мой рот все же решается задать вопрос, хотя глаза находят на крючке только мужские куртки.

— Обычно я живу с семьей в другой квартире. Эта, она для... — он делает паузу, хмурясь, и добавляет. — Других важных дел.

— К экзаменам тут готовишься? — уточняю, снимая сапоги и оставляя их аккуратно около двери.

Если бы у меня была своя квартира, я бы ее скорее всего использовала ее именно для подготовки и занятий.

Он бросает на меня непонятный взгляд. Определенно, сдерживает улыбку. Кивает:

— Ага. Именно. Давай помогу снять пальто, Пандочка.

— Не надо. — говорю чуть резко, — Я сама.

— Ладно, — наклоняется и достает из обувного шкафа мужские тапочки. — Есть только мужские.

— Ничего, мне нравится, когда на размер больше. — улыбаюсь я. — Я часто папины одалживаю.

Он никак не реагирует, только кивает.

— Ванная комната и туалет слева, кухня прямо, а здесь две комнаты. Ты не голодна, кстати? Может, заказать что-нибудь?

— Нет-нет, — отрицательно качаю головой, — Я поела перед выходом.

— Ладно, тогда вначале позанимаемся.

— Я помою руки, — информирую наставника и шмыгаю в ванную комнату.

Включаю кран, намывливаю руки, а когда смотрю в зеркало, это чувство вновь возвращается. Я попыталась отогнать его еще когда мы вошли в подъезд и консьерж — мужчина в форме — с нами поздоровался. И назвал моего наставника по имени отчеству.

В нашем доме тоже есть консьержка, только она каждый раз тараситя на меня с таки

удивлением, будто видит первый раз в своей жизни.

Смотрю на свое отражение и ощущаю себя некой Алисой в зазеркалье. У Ветрова двухкомнатная квартира, а у нас трехкомнатная, но одна ванная комната может самоуверенно насмеяться над всей нашей обстановкой, в которой последний раз папа делал ремонт своими руками.

У нас вообще все своими руками. Я, конечно, и раньше понимала, что мы и до среднего класса дотягиваем с трудом. Хотя, я не верю в наличие у нас этого мистического класса. Кажется, будто в нашей стране есть либо верхушка, либо низ, без середнячков. И вот сейчас я, простая девочка из низа смотрюсь в зеркало в квартире парня, который сидит на этом самом верш — и в этом не приходится сомневаться.

Я не хочу в этом признаваться, но я ощущаю себя жалкой. Эта мысль появляется словно ниоткуда, наваливается и пытается выпихнуть меня в бездну. У меня никогда не было этого чувства, даже когда Марьяна Парфина в одиннадцатом классе хвасталась, как ей отец подарил мерседес на выпускной, и показывала всем фото машины с бантом. Меня это скорее забавляло, так как на каждой контрольной по алгебре она приходила умолять меня о помощи.

Но тогда почему это чувство так гложет меня сейчас?

Почему я смотрю на себя снова, пытаюсь понять, не покажусь ли я ему слишком серой и невзрачной среди всей этой сверкающей мебели?

И почему меня это вдруг так сильно тяготит.

Из тяжелых мыслей, меня вытаскивает голос:

— Все в порядке? — голова Ветрова появляется в дверном проеме, и парень встревоженно смотрит на меня.

— Да. — понимаю, что кажется увлеклась, увеличивая чужие счета за воду, и поддалась глупым мыслям. Встряхиваю голову, вытираю руки и выхожу, уступая ему место.

Делаю несколько шагов и оказываюсь в просторной комнате, обставленной в стиле «предпочитаю модный минимализм». Думаю, папе бы тут понравилось, так как никаких разбросанных носков или пустых пачек от чипсов нигде не валяется. Все блестит и переливается.

Основную цветовую композицию составляют серый и белый цвета.

Почетное место занимает большой угловой диван. Еще есть полки с книгами и несколькими фигурками книжных и игровых героев. Пара постеров на стене, стол около окна и два стула, а также просто огромный телевизор. У меня сестра возле таких в магазине зависает и спрашивает, не опасны ли они для мозга.

— Приступим? — уточняет Ветров, появившись рядом.

— Да, конечно. — отвечаю, слегка вздрагивая. — Ты же хотел обсудить проект Киринова.

— Присаживайся.

Он отодвигает для меня один из стульев. Ждет, когда я опущу на него свою пятую точку и только после этого садится на соседний. С удивлением замечаю на столе учебники для моего курса. А еще две чистые толстые блочные тетради, несколько ручек, карандашей и даже ластик в виде пандочки.

— Для начала думаю мне стоит, наконец, начать вести себя, как нормальный наставник и помочь тебе усвоиться с новым материалом, — неожиданно говорит бывший извращенец. — Ты хорошо справляешься с задачками, которые я тебе задавал, но я заметил пару слабых моментов. Давай я более подробно их разберу. А потом мы быстро пройдемся по тому, что вы уже успели пройти. Если у тебя будут какие-то вопросы, задавай. Я с радостью помогу всем, чем смогу.

Он ждет от меня какого-то ответа, но я молчу.

Слишком все подозрительно.

Необычно.

— Что-то не так?

— В чем подвох? — не хочу показаться грубой, но его же не покусала добрая фея-крестная?

— Нет никакого подвоха, — улыбается, придвигая к нам учебник по матанализу, — Но, если вдруг начнешь жестко тупить, мне придется выполнить свое обещание и покусать тебя.

— Размечтался.

Возмущенно дергаю вверх подбородок, хотя от его угрозы по телу проходит змейка волнения.

Нестройные мысли уходят на второй план, так как Ветров, в отличие от меня, сразу же серьезно претворяет свои слова в действия. Открывает учебник и начинает разбирать задачи. А при возникновении у меня вопросов — все тщательно и досконально объясняет.

У него это получается так легко и просто, что моментами я ловлю себя на полоумном любовании его суровым профилем. Особенно в те минуты, когда он задумчиво перелистывает страницы или раздумывает над решением. Но если он вдруг резко поворачивает на меня голову, я напускаю на себя крайне сосредоточенное выражение лица. Тут же утыкаюсь носом в тетрадь, бубня что-то про коварность x и y . Еще не хватало, чтобы

меня застукали за случайным подглядываем.

Он только раз удаляется зачем-то на кухню, а потом, вернувшись, объявляет, что на сегодня мы закончили заниматься, и пицца должна скоро подъехать.

— Пицца? — спрашиваю, сглатывая предательскую слюну.

А, судя по ухмылке, мелькнувшей на губах наставника, звучать незаинтересованно у его первогодки не получается.

— Да, — кивает Дима. — Мы занимались почти три часа. Для первого раза вполне достаточно.

— Уже столько времени прошло? — удивленно достаю из кармана сотовый и понимаю, что он прав.

Мы так увлеченно решали задачи, что мне показалось, будто всего минут пятнадцать-двадцать потратили, а оказывается больше.

— Да, почти три. Ты, надеюсь, ешь пиццу? — обеспокоенно спрашивает. — Я заказал несколько видов, не знал, что ты любишь.

— Я люблю все виды пицц, но больше всего предпочитаю домашнюю. — отвечаю я, а следом раздается звонок в домофон.

— Вот как раз приехала самая домашняя пицца, — улыбается Ветров, — Ты не поставишь чайник на кухне, а я пока встречу курьера?

— Да, конечно. — вскакиваю с места и двигаюсь к кухне, размышляя над имеющимися вводными непонятного мне уравнения.

Он привез меня к себе домой.

Позанимался без единой пугающей угрозы.

А теперь еще и кормить вознамерился?

Может, ему нужна жертва для ритуальных подношений, и он таким образом усыпляет мою бдительность? — нет, эту мысль отвергаем.

И, кстати, он не заставил меня драить полы у себя в квартире или убирать беспорядок. А то я тут на днях начиталась молодежного романа, в котором старшекурсник всячески измывался над первокурсницей. И чем дальше листала ту книгу, тем больше очков набирал наставник.

Несмотря на его психически нестабильное поведение лошади возмездия, все мои наказания — их, конечно, было не так чтобы много, но все же — так или иначе относились к учебе. Ничего недвусмысленного или откровенно унижительного.

Я знаю, что Семен, например, покупает каждое утро кофе для своего наставника, а еще он пару раз отвозил машину Артема на мойку. А Ольшанская хоть и милая блондиночка, но ее первогодка недавно отстояла несколько часов в огромной очереди, чтобы получить хорошие билеты на концерт одной западной группы. И билеты Мая брала не для себя.

Так что, может, мой наставник не самое большое зло.

Ну да, психованный моментами, но зато умный и такой красавчик. А в минуты задумчивости он просто невозможно кавайный

Тряхнув головой, осматриваюсь на уютной кухне, выполненной в светлых тонах. Нахожу чайник, наливаю в него воды. Затем несмело открываю дверцы верхних шкафчиков в поисках кружек.

— Следующая дверца. — подсказывает голос сзади, и я не успеваю отреагировать, как мужская рука проходит около моей головы, едва задевая мои волосы.

Дима открывает нужный шкаф, в котором терпеливо ждут своего чайного часа

белоснежные кружки.

Застываю на месте, так как кожей чувствую, что он почти вплотную стоит позади меня. Пытаюсь сконцентрироваться на открывшемся взору сервизе, но получается плохо.

Почему он не отходит?

И почему я так остро ощущаю его близость.

Нервно достаю две чашки и слишком звонко опускаю их на столешницу.

— Давай я помогу тебе заварить чай? — бархатный голос щекочет кожу возле уха.

По телу проносится дрожь, отдаваясь странным эхом внизу живота.

Мне следует как-то взбрыкнуть и в своей обычной манере сказать, что мне не нравится, когда стоят за моей спиной. Именно так будет правильнее всего. Но отчего-то вместо этого незнакомый мне севший голос, тихо произносит:

— Помоги. — а все потому, что мне вдруг нравится.

Нравится его близость.

Нравится, как бережно он направляет меня.

Показывает, где лежит заварка, а затем мы вместе выбираем молочный улун. Достаем заварочный чайник, насыпаем необходимое количество чая. Кипяток Дима наливает сам, останавливая мою попытку взяться снова за чайник.

Наши тела не соприкасаются вплотную. Они едва дотрагиваются друг друга, когда приходится сделать шаг влево или вправо.

Я не вижу ни его лица, ни тела, только наблюдаю за сильными руками, окольцевавшими меня. Каждое наше практически невесомое и легкое соприкосновение отзывается внутри теплыми зарядами, электрическими импульсами. Они бешено проносятся по телу и вызывают неизвестное ранее волнение.

Меня смущает его близость, но при этом я тайно желаю, причем довольно сильно, чтобы эта чайная церемония растянулась на более долгий срок.

И вот когда я думаю, что сейчас он сделает шаг назад, Дима возвращает чайник обратно на место, но не отодвигается.

Слышу, как напряженно он втягивает воздух возле моих волос.

Затем его ладонь медленно опускается на мое плечо. Он нежно водит пальцами вниз до локтя. Второй рукой убирает мои волосы с плеча, и я ошеломленно застываю.

Сердце начинает биться в новом для себя быстром ритме воспоминания.

Не может быть...

Это же...

Мужская ладонь аккуратно соскальзывает с моей руки и оказывается на животе. Теплые пальцы начинают ласково вырисовывать узоры, а потом точно так же, как и в клубе, он впечатывает меня спиной в свою грудь.

Я издаю приглушенный вскрик, открывающий миру мое потрясение. А вместе с ним внизу живота разливается тягуче-пугающее возбуждением.

— Ты-ы... — нервно произношу, поворачивая голову влево, как и тогда.

Его лицо так близко.

Краска стыда заполняет всю меня, когда я опускаю глаза на его губы.

Я целовалась с ним.

С ним. Это он прикасался ко мне на том танцполе...

Ветров нежно поворачивает меня к себе лицом и шепчет:

— Я же сказал, что найду того извращенца.

Мысли сталкиваются и отчаянно пугаются, внутри борются самые противоречивые эмоции.

Коленкой в пах! — гудит в дальнем крыле сознания.

Мой первый поцелуй был с ним... — сладко растекается патока где-то вдалеке.

— Так что бей. Я заслужил. Ударь меня, Мила.

Но я не могу.

Одно дело — уверенно озвучить свою позицию, и совсем другое — воплотить ее в действие, когда он так близко, так смотрит и так крепко обнимает. У меня плавятся внутренности, и я непроизвольно крепко сжимаю его футболку.

— Ударь меня, Пандочка. Ударь и скажи, что я невоспитанный дурак. — он наклоняется ближе. — Потому что я собираюсь поцеловать тебя снова.

Я упускаю возможность ударить. Она скользит мимо меня, растворяясь в накалившемся вокруг нас воздухе. Мы смотрим друг другу в глаза.

У меня стойкое ощущение, будто время остановилось, а сердце бьется где-то в ушах, и его грохот слишком очевиден в окружающей нас плотным кольцом тишине.

Руки непроизвольно крепче сжимают футболку Димы. Его лицо наклоняется ближе к моему. Ощущаю на своей коже теплое дыхание. Ноги сами подаются вперед. Я сдаюсь чему-то неизбежному, чему-то, что пугает и безусловно пьянит одновременно. Непроизвольно закрываю глаза.

Мужские губы аккуратно касаются моего рта, и этого оказывается достаточно, чтобы беспокойные мурашки начали вальсировать по позвоночнику.

Одной рукой он обнимает меня за талию, а вторая оказывается на затылке. Нежно придерживая мою голову, Ветров неспешно углубляет поцелуй.

Низ живота разгорается пламенем. Мне начинает казаться, будто я медленно плавлюсь в крепких руках наставника.

На мучительную секунду Дима слегка отстраняется, но я не успеваю открыть глаза, не успеваю вернуть своим мыслям потерянную ясность, потому что его язык тут же ласково дотрагивается сначала к моей нижней губе, затем дразнит и сводит с ума верхнюю, заставляя все тело задрожать в каком-то болезненном предвкушении. И, наконец, я получаю желаемое, когда он снова жадно проникает в мой рот.

Пламенно захватывает в плен губы. Колени начинают подкашиваться. Голова превращается в сахарную вату. В венах разливается вязкий сироп. Сама не понимаю, как прижимаюсь к нему сильнее. Запускаю пальцы в его темные волосы. Задыхаюсь от сладостных ощущений.

Где-то на краю сознания, там, где мир все еще ходит по одному ему привычному кругу, слышу, как Ветров шуршит пакетиками чая за моей спиной и, судя по звукам, отодвигает все кружки и ложки в сторону.

Прервав наш сумасшедший поцелуй, поднимает меня за талию и усаживает на столешнице.

— Подумал, так нам будет удобнее, — улыбаясь, произносит он чуть севшим голосом.

Стоит только встретиться с его помутневшим взглядом, как в меня проникает новая волна жара. Не успеваю проследить, как он оказывается между моих ног, и, должно быть, совершенно не отдаю отчета своим действиям. Сама спешно обнимаю его за шею и глажу руками жесткие волосы. Чувствую горячие огненные вспышки внизу живота, когда Дима шепчет:

— Иди ко мне, моя Пандочка. — а следом наши губы встречаются вновь.

Ощущение, будто мы целуемся целую вечность, никак не желая остановиться. А главное, все никак не можем насытиться. Вначале соприкасаемся нежно, ласково, легко. Изучаем, дразним и пробуем друг друга на вкус. Волнительно, головокружительно и сладко. А затем оба меняемся, становимся жадными, неудержимыми, алчными. По внутренностям проходятся электрические заряды. Тело охватывает дрожь, голова не слушается, сердце давно слетело с орбиты.

В какой-то момент Дима аккуратно берет меня на руки и несет на диван. Сажает на

свои колени, и мы продолжаем агрессивное знакомство наших губ. Они уже зудят от бесчисленной ласки, но прерваться слишком сложно.

Моя кровь в венах полыхает огнем, и мне становится сложнее сдерживать те звуки, которые пытаются вырваться из горла.

Когда стон все же вылетает из моего рта, горячая мужская рука проникает мне под кофту. Нежно скользит по спине, а затем подушечками пальцев вырисовывает затейливые узоры на животе, вызывая внутри меня настоящее буйство электрических зарядов.

Ладонь начинает ласково подниматься выше. Я смущена собственными противоречивыми мыслями, в которых так умело сплетаются желание и робость. Но несмотря на то, что тело пронзает острое наслаждение, когда пальцы наставника слегка сжимают мою потяжелевшую грудь, я все же взволнованно и чуть испуганно вздрагиваю.

Наш поцелуй прерывается. Мы отстраняемся друг от друга. Оба тяжело дышим, смотрим глаза в глаза. Мужская рука медленно опускается вниз и оказывается на моей талии. С одной стороны, очень хочется почувствовать прикосновение его пальцев снова, но с другой — это видится слишком быстрым и неправильным...

— Не будем торопиться, да? — угадывая мои мысли, тихо спрашивает Ветров. Застенчиво киваю, испытывая двоякие чувства, ковш облегчения и маленькую щепотку разочарование. Все же надо признать, где-то внутри меня скрывается порочная натура...

— Давай тогда поедим? — спрашивает Дима и быстро чмокает меня в губы.

Затем усаживает на диван рядом с собой, а сам встает с места и обеспокоенно говорит:

— Скорее всего все уже остыло. Тогда я заново поставлю чайник. И разогрею быстренько пиццу в микроволновке?

— Для меня ничего не надо делать, — мотаю головой и густо краснею, потому что глаза внезапно останавливаются на его ширинке, а точнее — на выпирающей части. — Я не люблю горячий чай. И у пиццы сейчас как раз идеальная температура, чтобы ее съесть!

Ветров перехватывает мой взгляд и смущенно улыбается. Мне даже кажется, что слегка краснеет. Это неожиданно, и ужасно мило.

— Извини за вид, но утихомирить его сразу после наших поцелуев я не могу.

Сама не понимаю, что именно невразумительно шепчу, но быстро отворачиваюсь от него и хватаю кусок первой попавшейся пиццы. Оказывается, я голодна, просто зверски.

— Твой парень идёт сюда со своими друзьями, — шепчет Катя, радостно пихая меня в бок.

Эта новость отвлекает мою бдительность, и тело в очередной раз становится жертвой ее садистского прикосновения.

— А я побежала. Ты меня сегодня совершенно заболтала! Теперь Стас снова будет ругаться, что меня вечно надо ждать!

Она не даёт мне шанса возмутиться. Спешно удаляется, так как мы обе прекрасно знаем, что в ее словах нет ни капли правды. В них плещется один единственный концентрированный раствор ее выдумки. Созданный исключительно для успокоения Катиной совести в части опозданий.

Машу рукой ей вслед рукой, а затем поворачиваю голову и встречаюсь с льдиным взглядом, от которого по телу вмиг пронесется электрический заряд.

Наши с Ветровым пары проходят по четвергам в разных корпусах. Поэтому мы не виделись с ним с самого утра. Только обменивались сообщениями в мессенджере.

Но я все равно успела по нему соскучиться. Так сильно, что готова пренебречь собственными принципами и позволить ему коснуться губами моего рта. Хотя бы на одно короткое мгновение.

Это вообще нормально?

Меня, если честно, до сих пор немного пугают собственные эмоции, когда он рядом. И еще больше смущают чувства, одолевающие сознание, когда долго его не вижу. Вот как, например, сейчас, прошло всего пол дня, а кажется — будто вечность.

А еще есть крутая цифра — двадцать пять. Ровно столько дней мы с Димой встречаемся.

Да, знаю, что вы скажете. Сама бы никогда не подумала, что окажусь из числа тех влюбленных дурочек, которые замораживаются насчет таких глупостей.

Но открою вам еще один страшный секрет — для меня теперь это совсем не ерунда.

К счастью, мои мозги не поплыли уж совсем в желеобразное путешествие и на лекциях мне удастся сконцентрироваться на учебе. Да и дома я продолжаю так же усердно заниматься.

Но вот когда Ветров рядом, или же только надвигается на меня со своей слепящей глаза улыбкой, мой пульс изменяет всем принципам спокойствия и с ярким предвкушением пускается в дикий пляс.

Неофициально это звучит как: Ла-Ла-Ла.

Официально: кажется, первый раз в жизни я действительно влюбилась.

В парня, которого считала психически неуравновешенным идиотом. Но который из лошади возмездия превратился в лучшего скакуна. Я, видимо, ужасная девушка, раз сравниваю своего молодого человека с непарнокопытным, но это исключительно с целью сделать ему комплимент. Потому что он теперь совсем не тот гадский извращенец, который встретился мне в книжном. Он заботливый, нежный, чуткий, умный, лучший. Правда, порой чересчур собственник... Но, о ужас, даже эта черта мне в нем тайно нравится.

А ещё он потрясающе целуется. Крышесрывательно. Капитально.

— Давно ждёшь, Пандочка? — обращается ко мне Дима, сплетая наши пальцы в замок,

а затем наклоняется и нежно прикасается губами к щеке.

В душе я испытываю укол разочарования. А ведь он всего лишь выполняет мою просьбу-условие: никаких поцелуев в губы и прилюдных ласк при посторонних или в общественных местах. Только когда мы вдвоем, точка.

— Сегодня Киринов словно с цепи сорвался. Дышал на наш курс огнём. Мы еле ушли.

Ник с Котом останавливаются за его спиной и приветливо со мной здороваются, а потом Аверин доверительно произносит:

— А ещё Киринов хотел твоего пупсика оставить возле себя для более интимных бесед. Но ради тебя я пожертвовал собственным братом. Цени это.

— Да, я подтверждаю. Его рука не дрогнула, когда он впихнул Кирину в руки бедного Тоху, — ржёт рядом Кот, положив ладонь на плечо блондина.

— Отдал как агнца на закланье, — серьёзно кивает Аверин, хотя в его глазах веселятся бесята.

— Тоха так просто тебя не простит, — улыбается Дима, притягивая меня одной рукой ближе к себе. — Не стоило, Ник. Я бы сам разобрался.

— Говорю же, я не ради тебя старался, а ради девушки. — отмахиваясь, отвечает ариец. — И потом сегодня же долгожданный киносеанс. Мы, кстати, к большому сожалению, не сможем пойти с вами, как планировали. Планы резко поменялись. Вы только особо не расстраивайтесь, влюбляшки.

— Мне кажется, они даже рады. — чересчур громко шепчет ему Рыжий.

— Вот так значит, да? — драматично негодует Ник. — Жертвуешь собственным братом, а в ответ... Милка, не ожидал от тебя. Хоть бы не улыбалась так очевидно. Ладно этот скакун, — кивает на Ветрова, — Но чтобы и ты..., Брут?

— Она меня ранила в самое мурчалю, — Кот смешно надувает щеки, прикладывает ладонь к области сердца, а затем протяжно вздыхает.

— Валите уже по своим делам, гастрوليрующее шапито. — командует своим друзьям мой уже-не-извращенец.

Мы, смеясь, прощаемся с ребятами и расходимся.

Когда оказываемся в Диминой машине, он тут же наклоняется ко мне и невинный поцелуй, которым его губы касаются моих, сразу превращается в далеко не невинный. Сознание мгновенно окутывает сахарный туман. Сильные руки ловко поднимают меня и сажают на мужские колени, а губы не перестают жадно целовать. По всему телу и нервным окончаниям будто проносятся огненные кометы.

Чувствую, как его пальцы расстегивают пуговицы моего пальто. Поникают внутрь, гладят по спине, перебираются на живот.

— Ветров, — глухим полу-стоном полусшепотом пытаюсь произнести я. Стараюсь звучать строго, но попытка проваливается.

Ловлю на себе его голодный взгляд и лукавую улыбку. Второй рукой он наклоняет мою голову ближе к себе, шепчет:

— Не отвлекайся, первогодка.

Его губы снова накрывают мои. Я улетаю, растворяюсь и отдаюсь дурманящим ощущениям. Мы забываем о времени и о сеансе кино. Я знаю только то, что горю и чувствую, что он полыхает вместе со мной. Пока его рука вдруг не проникает под мой свитер, заставив меня вскрикнуть:

— Ай, — и отодвинуться.

Его расфокусированный взгляд, который каждый раз предательски распаляет меня еще сильнее, направляется на меня.

— Что такое? — в чуть севшем сексуальном голосе улавливается такое искреннее беспокойство, что мне стоит больших трудов не задушить его прямо сейчас в объятиях. Но я только возмущенно произношу:

— Твои пальцы холодные, — и шутливо бью его руку, чья ладонь беззастенчиво движется вверх. В направлении движения не приходится сомневаться. — Поэтому твой поход сейчас же прекращается.

— А я думал, ты захочешь меня согреть? — коварным змеем говорит Ветров, целуя меня в шею и усыпляя бдительность.

Его губы так вероломны, что я почти готова сдаться.

— Не на университетской парковке, Дмитрий Викторович. — надеюсь, он не понимает, как тяжело мне дается это простое предложение.

— А в субботу на квартире? — он выводит какие-то линии на моей коже своим языком, и я отчаянно прикусываю губу, но стон все же вылетает из моего горла, когда коварный старшекурсник шепчет, — Наставник ведь обязан проверить успеваемость своей подопечной.

Наши субботние занятия приобрели вполне определенное расписание.

Первые два или три часа мы действительно занимаемся и довольно плодотворно работаем над проектом Киринова.

Ветров обладает идеальной выдержкой, которой я тайно завидую, потому что нестерпимо сильно хочется наброситься на него с поцелуями именно в те минуты, когда он, серьезный и собранный, сосредоточенно объясняет мне непонятную задачу.

В такие мгновения он чертовски сексуален, и мне стоит больших усилий не капать слюной на раскрытую тетрадь. Но я вроде до сих пор удачно скрывалась и ни разу не была уличена в похотливых взглядах.

А вот после нескольких часов занятий мы перебираемся в формат обычной парочки. Болтаем, смотрим кино на диване, заказываем еду или вместе готовим. Обсуждаем героев аниме и провальные сценарии, а еще целуемся.

И не только целуемся...

Но все же до того самого у нас еще не дошло.

Дима знает, что у меня никого не было, и сказал, что готов ждать столько, сколько потребуется.

Но проблема в том, что я не понимаю, сколько требуется.

Я вычитала на одном форуме, что следует отказывать парню, как минимум месяца три, дабы не прослыть легкодоступной. Но иногда так хочется наплевать на все запреты и просто нырнуть вместе с ним в этот омут. А иной раз, несмотря на дикое желание, сжигающее меня изнутри, становится вдруг страшно, и я резко все останавливаю.

Он никогда не давит. Всегда относится с пониманием. Правда, я порой вижу, что ему тоже не легко.

В зал кинотеатра мы заваливаемся одними из последних. Под недовольные взгляды более пунктуальных зрителей, усаживаемся на свои места.

Нет, это не последний ряд, который я нахожу до ужаса пошлым, а нормальный такой — пятый. С него открывается прекрасный вид на экран. К тому же звук долби диджитал не долбит по ушам.

Это не первый наш совместный поход, к слову сказать — третий. И мы, к счастью, оба предпочитаем во время просмотра по-настоящему смотреть фильм, а не мешать другим, беззастенчиво демонстрируя другим зрителям свою необузданную страсть.

Но все же совместные просмотры однозначно лучше одиночных, так как моя ладонь всегда лежит в руке Ветрова и это ощущается, как нечто совершенно особенное.

А когда после просмотра Дима отвозит меня домой, то по дороге ему приходится выслушивать мою бурную тираду про то, как режиссер совершенно оплошал с кастом и что Майк Нордс¹ смотрелся бы намного гармоничнее в роли мужчины-мечты для нежной героини Розы.

Мой — все еще не привыкну — парень усиленно кивает в ответ на каждую реплику и обиженно качает головой, когда я подозреваю его в том, о чем догадывалась с самого начала — фильм ему не понравился.

— Это была божественная мелодрама, — пряча улыбку, ужасно неискренне выдает Ветров, — Я еле сдерживался, чтобы не зарыдать в конце, как те две подружки, сидевшие

перед нами. Если бы ты не держала меня за руку, не знаю, как бы я смог вынести это давление.

— Тебе совсем-совсем не понравилось, да? — прыская, говорю я.

Конечно, я понимала, что на премьеру экранизации одной из моих любимых книг, мы идем исключительно ради меня, но, все же надеялась, что и Диме фильм понравится.

— А, кстати, а почему моя девушка не проронила ни одну слезинку? Особенно в конце? — машина заезжает в наш двор. — Я так усердно готовился кинуться тебя успокаивать.

— Я сильная штучка. — отмахиваюсь я. — А в будущем великая начальница крупного предприятия. Не зря же папа с детства называет меня кнопкой. — говорю и запоздало осознаю сказанное. Лучше бы прикусила себе язык.

— Кнопкой, значит, — ухмыляется Дима.

Паркует машину и глушит двигатель.

— Даже не смей! — сразу угадываю ход его мыслей, когда он берет в руки сотовый.

— Это еще почему? По-моему, вполне невинный ответ от Лошади Возмездия?

Да, он узнал. И сдал меня не Аверин. А я сама, не успевшая вовремя сменить запись открывшую наставнику все темные грани фантазии его первогодки.

И да, он был не очень рад находке. Не смог как-то поддаться очарованию своей тайной клички. Весь его вид в тот миг безупречно соответствовал образу демонического скакуна — но говорить об этом я, конечно, не стала. Мне показалось, что он бы не смог оценить мой искренний комплимент.

Попыталась, как Янка, принять вид невинного ангелочка. Не помогло. Тогда я применила другое средство.

Мы в тот вечер очень долго целовались. И под конец он оттаял.

— Перестань. Я уже давно тебя переименовала и ни разу так не называла. — под его пристальным взглядом не могу не засмеяться и не добавить, — В лицо же не называла, чего ты снова обижаешься?

— Ну все, ты заслужила наказание, — скалится мой наставник, — И оно не может ждать до субботы.

Он тянет ко мне руку, когда телефон в его ладони начинает звонить. Стоит ему бросить взгляд на свой андроид, как его лицо вмиг меняется. Еще недавно такое расслабленное и игровое, оно покрывается льдом. Непробиваемым. Злым. Беспросветным.

— Извини, Мил. Мне надо ответить. — Дима отстегивает ремень и выходит из машины, хлопнув за собой дверь.

Это второй раз, когда он специально уходит, чтобы ответить на телефонный звонок.

Впервые такое изменение его настроения я наблюдала на нашем субботнем занятии две недели назад.

И теперь мне известно, что за абонент так на него действует.

Это его отец, и Дима не любит о нем говорить. Совсем не любит. А я ничего не спрашиваю, потому что у меня тоже имеется родитель, о котором я предпочитаю не вспоминать. Хоть эта женщина уже второй месяц активно забирает к себе на выходные сестру, а папа так и не предпринимает попыток прекратить все это безобразие.

Когда Дима возвращается, я замечаю, как сильно он подавлен, несмотря на то, что он старается выглядеть так, словно все хорошо.

— Кнопка, — тянет ко мне свою руку и опускает на колено, — Меня завтра не будет в

университете и, к сожалению, нам придется отменить нашу субботнюю встречу. Ты сможешь это пережить?

— Фух, — деланно выдыхаю я, — Отмена занятий с моим тираном-наставником, наконец-то смогу хоть немного отдохнуть от узурпаторства.

— Засранка, — Ветров смеется, а затем придвигается ближе и целует, — Но, надеюсь, ты осознаешь, что некоторые особо важные моменты нашего обучения нам придется пройти сейчас, раз в ближайшие дни не представится подобная возможность. — и с этими словами его губы вновь находят мои.

1 Майк Нордс — один из героев моей книги "Любовь и Боль"

— Хватить конючить, — отмахиваюсь от назойливой сестры и переворачиваюсь с книгой в руках на живот.

— Но ведь твои завтрашние занятия отменились, — недовольно хмурится Янка. — Ты сама сказала. Ну, пожалуйста, Мил, давай сходим. Там будет очень интересно.

— Современное искусство меня не привлекает.

Как и наша мать — добавляю про себя, ожидая, что мелкая и так все прекрасно понимает.

С того раза, как мы поругались из-за ее нелепой просьбы, сестра предпринимала еще одну попытку. Намеревалась устроить новую встречу с этой чудесной, породившей нас на свет женщиной (надеюсь, блеск моего сарказма более чем ощутим) и в очередной раз терпела поражение.

И вот сейчас я наблюдаю третий ее подход к взятию Эвереста.

— Интересно, а папу привлечет информация о том, что ты со своим наставником не только уроками занимаешься? — тихо произносит маленькая манипуляторша, преждевременно отойдя от меня на безопасное расстояние.

Все таинство раскрытой передо мной книги внезапно меркнет, когда я поднимаю глаза на сестру и с ужасом осознаю, что мелочь и правда что-то знает.

Определенно.

Знает.

Но вот откуда?

— Я вас видела. — как опытный следователь кидает она сразу же, не давая мне времени очухаться. Хорошо еще, лампой в глаза не светит. — Вы целовались в его машине, когда он тебя подвозил.

Ах вот почему ба вчера так загадочно мне улыбалась и безостановочно рассказывала про своих кавалеров юности ...

— Мы с бабой Ритой возвращались домой из парка, но вы нас даже не заметили, — чуть обиженно информирует дальше мелочь, — Хотя я махала тебе рукой, а потом бабулечка быстро меня увела, как только вы начали... — сестра краснеет и делает такой знак головой, который переводится как: «ну ты и сама поняла».

И я, кажется, краснею вместе с ней.

Меня застучала собственная сестра вместе с бабушкой!

И это меня — ненавидящую прилюдное всякое-такое!

— Баба Рита строго мне велела не рассказывать об этом папе. И вот я думаю, а почему? Разве не захочется папулечке узнать про такие интересные вещи. Мил, вот ты как счита...

Договорить не успевает. Мы с ней действуем синхронно. Я, вскакиваю, как пантера перед прыжком, а сестра уже уносит ноги быстрее козули, изрядно взбесившей своего преследователя.

Оказываюсь около ее двери ровно в тот момент, как слышу щелчок замка с внутренней стороны и облегченный выдох Янки.

И вот зачем нам на дверях эти замочки?

Абсолютно согласна с бабой Ритой — бесполезная приبلуда.

Папа между тем выходит из гостиной и подозрительно смотрит на злую меня, грозно

стучащую в дверь сестры с вполне определенными намерениями — слегка придушить и изрядно припугнуть тем, что уроки при излишней болтливости она будет до конца одиннадцатого класса делать сама.

— Что случилось? — спрашивает слегка встревоженный родитель.

— Ничего пап, у нас все отлично. — натягивая на лицо свою дежурную семейную улыбку, сообщаю я. — Мы просто играем.

— Пап, мы с Милой хотели тебе кое-что рассказать, — слышится из-за двери голос сестры. — Это кое-что очень важное, правда Кнопусечка-Милюшечка? Ты сама скажешь или я?

Сначала я думаю о том, что если как следует разбежаться, то у меня вполне может получиться выбить дверь. Но синяки ведь никто не отменял. Нет, дурацкая затея.

Вот же юная шантажистка! Воспитала помощницу на свою голову. Мечтала, как мы будем друг другу помогать и прикрывать в случае чего, а тут...

— Рассказывай, что хочешь. — решительно говорю я и собираюсь уже идти к себе, как внутренний замок двери мелкой снова щелкает.

Сестра выбегает из комнаты, с ходу врывается в меня и крепко обнимает.

— Не сердись, пожалуйста. Я же пошутила. Чего ты сразу дуешься?

Смотрит на меня своими огромными глазками, и я сразу же успокаиваюсь. Наклоняюсь и обнимаю ее в ответ.

— Я ни за что тебя не выдам. — спешно шепчет в ухо Янка.

— Так что случилось? — обеспокоенно спрашивает отец.

— Мы завтра идем на какую-то выставку современного искусства. — обреченно говорю я и вижу, как в глазах мелкой вспыхивает ослепительный радостный блеск.

— Папа, пойдём тоже? — тут же вцепляется в новую жертву сестра.

И жертва немедленно тушуетя.

— Нет, девчонки, я лучше дома побуду, отдохну. Неделя была не из легких. А вы сходите. — и с этими словами он спешно покидает прихожую.

— Надо выбрать, в чем мы пойдём. — уверенно заявляет Янка. — Мама говорила, это показ работ только для почетных гостей, а официальное открытие состоится только на следующей неделе.

— А нас точно туда пустят?

— Конечно! У маминого мужа есть сколько угодно билетов. — сестра деловито хватая меня за руку и тащит к своему гардеробу.

Обреченно вздыхаю и иду вслед за мелкой.

Современное искусство мне бывает сложно понять.

Да к тому же сама художница непростая. По одному ее псевдониму видно, что особа она специфически настроенная. Не просто Марьей Акварельной Красой просит себя называть, а чудаковатой Азалеолдией.

Меня даже больше не картины ее привлекают, а вопрос, в каком безумном порыве она придумывала себе псевдоним, напоминающий кличку стареющего растения.

К тому же наблюдаемые художества не наполняют душу возвышенными эмоциями, как например, работы любимого Куинджи¹, а склоняют к прогрессирующей меланхолии.

Пока мы неспешно двигаемся от одной нестандартной работы к другой, Янка заливается перед мамой соловьем, прямо-таки восхищающимся фантазией художницы. А когда наша мать-с-отягчающим отходит с кем-то поздороваться, сестра, удостоверившись, что нас никто не может услышать, критично выдает, что такую нелепую мазню она и сама без проблем воссоздаст. И, если картины реально стоят те суммы, которые под ними указаны, то, возможно, рисование в действительности является зовом ее души, который я по неведомой причине не поощряю.

— Я лично встречаю тебя каждый раз после твоих занятий в художественной школе. — отвечаю я, останавливая симпатичную официантку и забирая у неё с подноса два стакана сока: один для себя, а второй для сестры. — Какие ещё подтверждения моего поощрения тебе нужны?

Янка снисходительно принимает из моих рук добытый для неё напиток и морщит свой носик.

— Да, но ты против того, чтобы я после школы полностью посвятила себя искусству. — она многозначительно останавливается около очередной выдающейся картины.

Я по достоинству оцениваю ее долгий взгляд, направленный никак не на саму работу, а на ценник под ней.

— А, видишь, зря, — качает головой мелочь. — Ты же хорошо считаешь, вот скажи, сколько денег заработает эта художница на всём... — мамы рядом нет, но рисковать она все же не решается и высказывается на ее взгляд тактично, говоря просто. — Этом?

— Пей свой сок. — улыбаюсь я сестре. Кажется, у нас в семье растет предприниматель. — И пойдём к тому столику с закусками.

Но отойти мы, к нашему общему голодному сожалению, не успеваем. Через пару минут мамин голос приветливо произносит за нашими спинами:

— Девочки мои, только посмотрите с кем я вас хочу познакомить.

Мы с сестрой натягиваем на лица маски вежливого интереса и поворачиваемся в сторону родительницы. Рядом с ней стоит молодая девушка. Должно быть, старше меня всего на пару лет. Но, в отличие от меня, она излучает ту же ауру ослепительной ухоженности и достатка, как и моя мать.

У незнакомки от природы удивительно красивая внешность. Из тех, которыми можно любоваться часами, и притом занятие тебе нисколько не надоеет.

Маленькие черты лица, большие небесно-голубые глаза, пухлые губы, идеальная кожа, блестящие густые волосы.словно самая красивая кукла в магазине однажды ожила и стала настоящей женщиной.

Одета она, как аристократка из знатного английского рода — скорее всего, королевского.

На нас с сестрой смотрит само совершенство, которое неведомым образом оказалось в стенах этой странной галереи.

Мне становится немного не по себе. Нет, я не завидую ее внешности или дорогим сережкам в ушах. Просто иногда рядом с такими обеспеченными девушками, которые одного со мной возраста, но при этом могут позволить себе купить практически все, я чувствую себя немного неуверенно.

А вдруг это наша внебрачная сестра?

Или дочь той гориллы, с которой проживет моя кукушка-мать?

— Это наша удивительная художница. — произносит мама, отвечая на вопрос. — Азалеолдия.

— Ого! — сестра не сдерживает своего удивления.

Я тоже несколько озадачена. Неожиданно, что все те тёмные мазки и странные россыпи золотой фольги дело рук похожего на ангела создания. Мне в ее работах привиделось много мрачности и напряжения. Думала, автор будет с зелеными волосами и покрывающими все тело татуировками. Но, говорю же, современное искусство мне не дано понять.

— Это моя старшая дочь — Милана, а это младшая — Яна. — между тем говорит мама, обращаясь к художнице. — Девочки в восторге от твоих работ, дорогая. Как и я. Ты удивительно талантлива и так тонко передаешь на холсте свой внутренний мир. Великолепно. Бесподобно. Мы навеки твои преданные поклонницы. Правда, мои хорошие? — она уверенно поворачивается на нас, не сомневаясь, что мы будем послушно кивать в ответ.

Но вся эта ее небольшая речь пахнет приторно-сладкой желеобразной массой, политой, ко всему прочему, засахаренным сиропом. Чересчур химическая смесь, без единой унции натур-продукта.

Чистые голубые глаза художницы вдруг кажутся мне не бездонными озерами, а холодными бездушными стеклами. Все это разом смешивается в неприятный шейк и возникает острое желание поскорее уйти.

К счастью, младшая сестра умнее, сдержаннее и коварнее старшей сестры.

— Да, мы просто в восторге! — даже я бы поверила, если бы именно так она не выражала радость при своей классной руководительнице.

— Приятно, когда твои работы нравятся дочерям твоей подруги. Очень рада познакомиться, девушки. И зовите меня, пожалуйста, просто Валя. — она поворачивается к маме и, так же сияя своей ослепительной белозубой улыбкой, уточняет, — А Денис не сможет приехать?

Подруги?

У моей матери подруги практически одного со мной возраста?

Может, это какая-то программа по омоложению?

И, говоря Денис, не имеет ли она в виду Дениса Александровича Борского, маминог нефте-хахаля, который постарше моего папы лет так на прилично?

— К сожалению, нет, Валечка. Он очень хотел, но у него сегодня важная встреча по работе.

— Жаль. Передай ему, пожалуйста, от меня спасибо за роскошный букет. Витя хотел с ним сегодня увидеться. Но видишь, сам мой муж тоже опаздывает, — она недовольно

поджимает губки, а затем улыбается.

Со мной снова происходит нечто странное. На секунду мне мерещится в этой улыбке страшный оскал. Зловещий. Незаметно трясую головой и внутренне отчитываю себя за идиотские реакции.

Да что со мной?

— Но зато он придёт вместе с сыном. Его бывшая отказалась. И дочку не пустила. Представляешь? Так неприятно, — художница огорчённо вздыхает. — Искренне хочется наладить контакт, чтобы общались семьями, но никак не выходит. Вот думала поделиться с ними своим творчеством, даже хотела подарить им картину. Как думаешь, стоит ли мне отправить Вере одну из своих работ, с пожеланиями..., например, найти свою любовь?

Она говорит, как обиженный ребёнок, который хочет щедро поделиться своими конфетами и вроде как желает всем добра и любви. Но где-то за всей этой ширмой скрывается нечто отталкивающее.

Ведь если я верно все поняла, она вроде как на полном серьёзе предлагает послать бывшей жене своего мужа картину с прямой насмешкой? Но рассуждает об этом так, словно самой несчастной и непонятой жертвой в этой истории является она. А главное сам ее вид и личико настолько располагают к себе, что хочется ей безоговорочно верить и кинуться утешать.

Мама улыбается и отчего-то медлит с ответом. А вот Янка решает не играть в молчуна. Она сражает своим ответом нас троих.

— Мне кажется, не стоит дарить картину, в которую вы вложили частичку себя, тому, кто ее не оценит. — очень душевно произносит мелкая. — Если и дарить такую красоту, то только тому, кто сможет по-настоящему ей восхититься. Я бы вот сочла за честь. — и тут же по-детски (тоже очень хорошая игра) краснеет.

Счёт 1:1.

Им бы обеим в сериалах сниматься.

— Буду рада подарить тебе одну из своих работ. Какая тебе понравилась больше всего? Выбирай любую из представленных здесь.

— Валя, не стоит. — взволнованно произносит мама.

— Это доставит мне истинное удовольствие. — лукаво отмахивается художница, а затем улыбается Янке. — Надеюсь, после этого мы станем близкими подружками.

— Азалеолдия, ты лучшая! — взволнованно вскрикивает моя сестра, которой мне хочется вручить Оскар. — Если можно, то мне очень понравилась та, которая называется «Танец воды и ночи».

Мама скорее всего не понимает всю продуманную натуру своей дочери, и художница, должно быть, тоже, но уголки ее губ чуть дёргаются.

Моя сестра только что попросила себе в подарок не самую дорогую картину, нет, лишь ту, что идет второй в списке местного галерейного Форбс.

— Она мне тоже очень нравится. У тебя прекрасный вкус, Яна. Надя, я пришлю тебе картину сразу после окончания выставки.

— Валечка, правда не стоит.

— Да, не стоит отправлять на мамин адрес, лучше на наш. Мы с ней живем отдельно. — деловито подсказывает мелочь.

И тут даже художница не выдерживает и начинает смеяться.

— Договорились, подружка. — отвечает она сестре, а потом поворачивается к двери и

радостно восклицает. — Наконец-то они приехали! Пойду встречу мужа, девушки, ещё поболтаем.

Я смотрю в сторону входа, желая увидеть, как выглядит супруг той, что рисует эти безнадежно странные картины, и удивлённо застываю.

1 **Архип Ива́нович Куи́нджи** — русский живописец приазовско-греческого происхождения, мастер пейзажной живописи, представитель русской школы люминизма

Ветер

Валю я знал с детства, и, кажется, влюбился в нее с самого первого дня, как увидел.

Наши матери дружили, и их семья была когда-то частым гостем в нашем доме, а наша — в их. Собственно, мы познакомились почти что в пеленках. А так как жили в соседних домах, то вместе пошли в один и тот же сад. Я уже тогда был ее лучшим другом. Этаким глупым мальчишкой на побегушках, готовым выполнить любой ее каприз.

Но свою настоящую роль возле нее я осознал далеко не сразу. Для того, чтобы до меня дошла вся правда нашего общения, понадобились долгие годы. Возможно, я страдал своего рода слепотой, но видеть очевидную действительность не хотел. Знал только, что мне повезло дружить с самой красивой девочкой на свете, самой доброй, самой отзывчивой и самой нежной.

И она всегда умело поддерживала во мне эту сказку. Вела себя так, будто именно я тот самый особенный парень в ее жизни. Единственный. А я, окрыленный сладкой ложью, парил в облаках, решая всегда за нас двоих оба варианта контрольных работ. Сначала ее, а потом свой, ведь я не имел права подвести ее доверие.

Мой отец разбогател не сразу. В школе я был обычным парнем из самой обычной семьи.

А в пятом классе к нам перевели двоих новеньких, братьев Авериных. Тогда у наших девочек и учениц параллельного класса возникла нездоровая одержимость парнем, с которым мы сдружились почти сразу же.

Ник очень легко заводил новые знакомства и, не прилагая усилий, оставлял после себя груды разбитых девчачьих сердец. Я даже завидовал ему немного. Его умению шутить и без труда оказываться душой любой компании. Но больше всего меня волновало другое.

Я казался жалким сам себе, когда в душу прокрались мысли: «Вдруг Ник увлечется моей Валею? Вдруг она ответит ему? Что тогда делать мне?»

Но страх оказался беспочвенным.

А в девятом классе, когда мы вышли на улицу после школьной дискотеки, Ник неожиданно попросил:

— Ты не мог бы перестать приводить с собой Ивлину, когда мы идем гулять с пацанами?

— Не брать с собой Валю? — удивленно переспросил у Аверина. — Почему?

Я был уверен, что парни всегда были рады, когда она появлялась со мной. Многие из них не раз пытались позвать ее на свидание.

— Она вроде как твоя подруга детства, и вы типо дружите. Я понял. Но мне она не нравится, Ветер. А ты никак не хочешь это осознать. — без всяких сантиментов огорошил тогда меня лучший друг. — И общаться с ней вне школы я больше не намерен.

— Тебе не нравится Валя? — ошеломленно произнес я.

Сказать, что я испытал шок, это не сказать ничего. Для меня она была ангелом, и по определению не могла не нравиться. Это было невозможно.

Ник всегда держался с ней вежливо и несколько отстраненно, но я никогда не замечал его неприязни. Радовался отсутствию интереса, но, чтобы она не нравилась, не представлял.

— Нет. — угрюмо качнул головой Аверин.

— Но почему?

— Ты уверен, что хочешь услышать правду?

— Конечно! Может, вы поругались? — подозрения, терзавшие нутро, стали пробираться наружу. — Может, ты звал ее на свиданку, а она отказала?

Ник ухмыльнулся и покачал головой.

— Холодно.

— Но тогда почему? Я хочу знать. Ты мой лучший друг, а он лучшая подруга.

— Тебе не понравится мой ответ, Дим. — он посмотрел на меня, как на обреченного вечно сидеть на таблетках, не способных помочь. — Но раз ты настаиваешь, я скажу. Я уверен, что твоя Валя лживая и неискренняя сука, каких еще поискать. И терплю ее рядом с нами все это время только ради...

Тогда я первый раз в жизни кому-то врезал. И этим кем-то оказался мой лучший друг. Я, не раздумывая, дал ему в нос. В его идеальный нос, по которому сохли и сохнут девушки. Но вместо сдачи, Ник просто вытер выступившую кровь тыльной стороной ладони и усмехнулся:

— Чего-то подобного ожидал. Говорят, красивых и одновременно умных не бывает, но тогда я бы не существовал. — он шутил как ни в чем не бывало, тогда как я был ошарашен его откровением о Вале и собственным поступком. Мы стояли молча пару минут, пока он серьезно не сказал:

— Забирать свои слова обратно я не стану. Настоящая мужская дружба не рушится из-за херни. И рвать ее из-за девчонки, тем более такой, я бы не стал. Но ты сам для себя решай, Дим. — и ушел.

Позднее в тот же вечер Валя написала мне письмо, в котором просила зайти. Конечно, я сразу же помчался к ней домой. Она была чем-то сильно расстроена. Вначале отмахивалась и не хотела говорить, но потом сказала, что девочка из параллельного класса, Острикова, полная дура, испортила ее платье, вылив на него сок.

— А ты где был? — обиженно дула губы Валя.

Мы сидели на коричневом диване в ее комнате, и она ласково придвигалась ближе ко мне.

— Я только собиралась позвать тебя на танец, но ты ушел куда-то с Ником.

Она пять раз подряд танцевала со Стасом Зубаревым, одним самоуверенным качком, который занимался борьбой. Если бы я знал, что следующий танец мой, не пошел бы с Ником — именно настолько наивно размышлял тогда.

— Нам наскучила музыка и мы решили выйти на воздух. — соврал я.

— А-а-а, и что? Что делали? О чем говорили? Он что-то тебе говорил?

— О чем? — удивленно поинтересовался я.

А Валя вдруг наклонилась ко мне и тихо попросила:

— Поцелуй меня, Дима.

У меня тут же все вылетело из головы. Мир сузился до ее губ. Ничего кроме них не имело значения. Ни разговор с Ником, ни дебильный Стас, ни мои переживания. Существовал только манящий Валин рот.

Мы долго целовались в тот вечер. Пока не вернулась с работы ее мать, и я совершенно счастливый пошел, наконец, к себе домой.

Думал, это означает новый этап наших отношений.

Мечтал и самозабвенно дробил в душе.

Но как же сильно я ошибался.

Валя очень умело смогла до меня донести, что это был всего лишь импульс, и хоть мы и связаны теперь навечно, но афишировать наши отношения, конечно же, никому не стоит. Чтобы не завидовали.

А разве смел я сомневаться в ее словах?

С Ником мы не разговаривали неделю. Потом как-то слово за слово, и снова стали общаться. Я подумал, что он имеет право недолюбливать кого бы то ни было, и винить его за это по меньшей мере глупо.

Валю на наши мужские прогулки я больше не звал. Она делала вид, будто не злилась, но долгое время не приходила к нам в гости. Меня к себе тоже не звала. Даже отсела от меня в школе.

Время ее игнора было для меня мучительным. Я был зависим, и эта зависимость сводила с ума. Перестал нормально спать, есть. Готов был умолять ее вернуться.

Я писал ей сообщения, пытался поговорить, старался привлечь внимание — под молчаливое неодобрение Ника, но мне было плевать.

— Она сама к тебе прискочет. — как-то саркастично сказал он мне. — За пару дней до контрольной по физике снова станет шелковым шарфом и обмотается вокруг твоей шеи. Жаль, ты не чувствуешь удушения.

И оказался прав. Через некоторое время она пришла ко мне ласковой кошечкой. Я тут же растаял, как убогий идиот.

Только кое-что все же изменилось. Она стала часто огрызаться на Ника. Нередко пыталась сделать из него посмешище. А он будто не замечал ее выпадов. Молча игнорировал либо отвечал в вежливой манере шутливого пофигиста.

Кроме одного случая.

Это произошло в десятом классе. Она высмеяла в тот день не его, а Тоху.

Валя могла быть по-настоящему жестокой, когда хотела, но я не желал этого замечать.

Тоха, в отличие от своего старшего брата, никогда не владел высшим искусством словесного убийства. Он лишь озадаченно и растерянно застыл. Младший Аверин и сам подкатывал пару раз к Вале и не знал, как себя вести.

Я видел, как он дернулся. Помню, как дружным хором заржал весь класс.

Но прозвучавший следом суровый голос Ника несколько остудил окружающее веселье.

— Ты можешь смеяться надо мной, — спокойно произнес мой друг, — Но смеяться над моим братом я никому не позволю. Советую извиниться перед Антоном.

Валя рассмеялась и послала его.

А вот он ее никуда не посылал. Ник не произнес ни одного матерного слова. Он поступил хуже. Старший Аверин невозмутимо и холодно высмеял ту, которая считалась негласной королевой школы.

На долгую минуту воцарилась гробовая тишина. Никто и никогда не смел так говорить о Вале. Одноклассники нервно переглядывались, а потом кто-то несдержанно хрюкнул.

Девушка, которую я любил всем сердцем, побледнела. Затем она гневно еще раз послала моего лучшего друга на три буквы и выбежала из кабинета, а я бросился за ней.

Никогда раньше я не видел Валю настолько подавленной и злой. Пытался как мог успокоить, обнимал, переводил все в шутку. Но ничего не помогало.

Не помню, как мы оказались у нее дома, но в тот день мы снова целовались. Она сама села ко мне на колени, сама сняла свою кофточку, и сама положила мою руку на свою грудь.

От вида ее полуобнаженного тела у меня плавилось сознание. Все меркло рядом с ней,

становилось ничтожным, неважным, для меня существовала лишь она. Лишь моя Валя, ради которой я был готов на все.

И я ощущал себя властелином целого мира, когда Ивлина дрожала от моих прикосновений и содрогалась, дойдя до пика наслаждения. Я был настолько слеп, что даже не задумывался, почему она ни разу не пыталась дотронуться в ответ до меня. Ни разу не пожелала доставить удовольствие и мне.

После этого дня произошло сразу несколько существенных изменений.

В школе некоторые за глаза начали называть Валю «Павлинией». Именно такую кличку ей подарил Ник в своем выпаде.

Это ужасно раздражало девушку, но больше она ничего не говорила ни в сторону Аверина старшего, ни в сторону Тохи.

Мы с ней еще несколько раз повторяли то, что случилось в ее комнате. Не описать как сильно я был тогда счастлив. Меня каждый раз охватывало мучительное желание положить ее руку себе на пах, но я боялся. Боялся показаться наглым и вызвать недовольство. Главное, она разрешала дотрагиваться до ее совершенного тела руками и губами.

А потом бизнес отца резко пошел в гору, и нам с семьей пришлось спешно уехать жить в Лондон.

Я просил и почти умолял оставить меня хотя бы закончить десятый класс. Но родители были непреклонны.

— А дело твоего отца со временем достанется тебе? — спрашивала меня Валя, сидя в моей комнате на диване и наблюдая за тем, как я собираю чемодан.

— Я не уверен, что захочу продолжить его бизнес. Да и рано об этом говорить. Мой отец еще не старик, чтобы забирать его дела.

— Ну да, ты прав, Дим. Конечно. Я просто спросила.

Через полтора года я приехал другим. Финансово намного более обеспеченным и несколько заматеревшим.

До отъезда Валя нежно уточнила, понимаю ли я, что мы просто друзья и не обязаны хранить друг другу верность. И я уверенно кивнул, хотя считал, что после некоторых вещей мы уже далеко не друзья...

В Лондоне у меня как-то быстро появились новые знакомые. Язык я знал хорошо, и вдали от нее научился окружать себя интересом девушек. Многие сами подходили знакомиться, восхищаясь цветом моих глаз, и все получалось проще, чем я ожидал.

Я потребовал от себя — забыть Валю, угомониться и жить дальше.

И мне неплохо это удавалось. Но она будто чувствовала, как утончается поводок, на котором столько лет она держала своего преданного пса и тут же от нее приходило сообщение. Иногда милое и нежное, а иногда игривое и провокационное, к которому прилагалась фотография ее тела в красивом белье. Она будто указывала мне на мое место. Заставляла срывать с себя и снова отчаянно дрочить в душе, думая о ней.

И как бы я не убеждал себя в том, что стал другим, но все же первой, с кем я поехал встретиться по приезду, была именно Валя.

Мне было известно, что она встречалась на тот момент с Нестратовым. В школе он учился в параллельном классе. Не скажу, что мы были с ним лучшими друзьями, как с Ником, но все же поддерживали хорошие отношения. Одно время вместе ходили в шахматный клуб и часто где-нибудь зависали. Он был из довольно обеспеченной семьи.

Валя обняла меня при встрече и нежно поцеловала в щеку, окунув в свой сладкий запах,

который я так и не сумел стереть из памяти.

Она так искренне радовалась моему приезду. Задавала миллионы вопросов, восхищалась и отмечала произошедшие во мне изменения.

Я расспрашивал ее в ответ. Когда речь зашла о Нестратове, она слегка нахмурилась и сказала, что ошиблась, и он уже в прошлом. Ее маленькая ладошка накрыла мою и она тихо прошептала, как сильно соскучилась по мне.

Через час мы уже были на новой квартире, которую отец специально купил для меня, и я наконец побывал там, куда столько лет мечтал попасть. Надо ли говорить о том, что я был безмерно счастлив?

А потом я узнал, что с Нестратовым они не расставались. Во всяком случае, он об этом ничего не знал. И мы с ним не слабо бы набили друг другу морды, если бы не Ник с Антоном.

Валя плакала, говорила, что подалась порыву и Артем давно для нее ничего не значит. И я снова ей поверил.

А когда эта неприятная история с ее бывшим замялась, я официально попросил ее стать моей девушкой, но она снова умело перевела разговор в другое русло. Оставила меня окрыленным и озадаченным одновременно. Я не понимал, почему она сомневается, ведь она стала чаще приходить к нам в гости, помогала маме на кухне, играла с мелкой и оставалась на ужин, звонко смеялась над дурацкими шутками отцам.

Я прозрел на годовщину свадьбы моих родителей.

Сестра была у бабушки, мама с утра уехала в салон приводить себя в порядок, а я ушел после первой пары, чтобы красиво украсить квартиру для матери. Отец постоянно был занят на работе и последнее время очень поздно возвращался, а доверять декор незнакомым людям с учетом маминой цветочной аллергии мне не хотелось.

Когда я их услышал, то не сразу осознал, только слегка удивился.

Звуки шли из родительской спальни. На секунду я подумал, что мать с отцом решили начать отмечать свой праздник заранее. Усмехнулся, но сотовый в моих руках завибрировал, когда я собрался было бесшумно покинуть квартиру.

Мамино сообщение о том, что она забыла вытащить вещи из стиральной машинки, заставило ошарашенно застыть. Вряд ли она послала его мне из спальни.

Взгляд вдруг упал на знакомые туфли, на которые не сразу обратил внимание. Ее сумка тоже валялась рядом с обувью на полу.

Мне вдруг стало сложно дышать. Будто легкие наполнили колючим стеклом. Мир поплыл. Как в тумане я добрал до двери спальни и остановился.

Не знаю, что вынуждало меня открыть эту долбанную дверь. Ведь по звукам все и так было слишком очевидно. Но я был обязан это сделать.

Ощущал себя подыхающим ничтожеством.

Никогда я не думал, что взяться за дверную ручку может быть настолько сложным. Болезненным. Невозможным.

Ломая себя и все свои мечты, я приоткрыл то самое препятствие, которое калечило меня изнутри, ломало и выворачивало душу, но помогало наконец прозреть.

Мой отец жестко трахал девушку, которую я любил.

А она с готовностью принимала его в себя и громко выкрикивала его имя.

Меня замутило.

Они меня не заметили. На ватных ногах я добрал до туалета и стал блевать.

С того дня все изменилось. Родители развелись, отец взял себе молодую жену, а я перестал терять голову из-за женщин. Хорошие мальчики, готовые стать верными псами, никому не нужны. Мне преподали урок.

Женщинам, как выяснилось, нравится, когда мужчина немного холоден и равнодушен. А я именно таким и стал. За первый курс я перетрахал столько девушек, будто срочно выполнял весь тот минимум, который пропустил в старших классах.

Я ни с кем не церемонился, романтические сопли не раскатывал и цветов не дарил. Сразу оглашал интересующий меня формат. Девушки любезно улыбались в ответ. Не посылали меня на хрен, как я раньше того ожидал, а если и находились те, которые посылали, я пожимал плечами и спокойно шел дальше по своим делам.

Мне было плевать. Строить из себя принца-оленья и кидаться с рыцарскими поступками не было ни сил, ни желания. И начинать с кем-то даже не серьезные, а просто отношения я точно не собирался. Никогда.

Женщин трахаешь и забываешь — таким был девиз нового Ветра.

Но, встретив Пандочку, мои предохранители слетели с катушек.

Ник прав, я слишком привык за несколько лет к определенному формату отношений, в которых мне никто не перечит, беспрекословно слушается, а затем широко раздвигает ноги. Поэтому с Милкой я даже растерялся в самом начале наших отношений. Боялся сделать что-то не так.

Но больше всего меня пугало другое. Меня напрягала мысль, что она узнает. Умом, конечно, понимал, что однажды эта славная история все равно вскроется. Но помнил ее реакцию после рассказа Нестратова.

Тогда она сказала, что я ей противен, а что она подумает, узнав и остальное?

Что мы с отцом семейка убогих извращенцев?

Плюнет мне в лицо и скажет, что никогда больше не захочет видеть?

Что я омерзителен.

Валя нежно целует в губы моего отца, привнося свой неизменный запах лаванды, а за ее спиной, чуть вдалеке я вижу свою Пандочку.

Страх холодит внутренности, и я всем сердцем ненавижу отца, который своим очередным умелым шантажом заставил меня прийти на выставку его молодой жены.

— Это же твой поцелуйный наставник! — шпионским шёпотом информирует меня мелкая, и я ощущаю ее тёплую ладонь в своей руке.

— Ага. — так же тихо отвечаю ей я.

— Ты что-то сказала, милая? — мама, до этого с улыбкой наблюдающая за появлением супруга и сына ее подружки-художницы, кажется, парила где-то в своих мыслях, и, к моей откровенной радости, не слышала реплику сестры.

Бросаю предупреждающий взгляд на Янку, и та на лету всё схватывает.

— Восхищалась твоей подругой, мам. Она такая красивая и талантливая. — размазывает мед моя не по годам умная сестра и мудро припечатывает, — А ещё щедрая.

— Да, — радостно кивает женщина-кукушка, — Валя хорошая девушка.

— А как фамилия Вали? — пазл, который неожиданно начал складываться в голове, совершенно мне не нравится, но последняя деталь упорно просится в руки.

— Ветрова, — тут же отвечает мама, придвигаясь поближе к нам.

Надеюсь, она не расценила мое согласие пойти сегодня на выставку с ней и сестрой, как готовность к сближению?

Или считает, что эта страшная мазня вокруг могла настолько помутить мой разум, что я забыла все свои незначительные в ее понимании обиды?

Да, возможно когда-то в детстве я мечтала, что мы с ней станем лучшими подружками, но сама она предпочла гоняться за денежными поездами, а не сидеть дома с нами.

Однако сейчас моя досада ни к месту. Она не поможет мне выведать нужную информацию.

Тоже делаю к матери небольшой шаг и, напуская на себя вид дурочки, уточняю.

— Ветров — разве не фамилия ее супруга? Это же Ветров Виктор, известный бизнесмен, да?

— Да, — она прямо расплывается в сахарной улыбке, — И друг Дениса. Они вместе каждый месяц ездят на...

Вот мне вообще не интересна эта информация, поэтому я прерываю поток хвастовства, новым вопросом:

— А девичья ее фамилия как, ты не знаешь?

Мама призадумывается. Но на лбу у неё не образуется ни одной морщинки. Точно также в голове не появляется ни одного вопроса, зачем мне вдруг понадобилась эта фамилия художницы, тогда как сжимающая меня маленькая ладонь и многозначительные глаза сестры уточняют: «С какой целью интересуешься, Милочка?»

— Если не путаю, — спешно говорит родительница и машет рукой супругу своей подружки, — Ивлива. Подождите здесь, девочки, я тоже пойду поздороваюсь. А то неудобно.

Она уходит, а я остаюсь в очередном приступе оцепенения.

Значит, я все правильно поняла.

Какой ужас...

Это же получается...

Даже в голове не укладывается.

Маленькая ладонь нетерпеливо трясёт мою руку из стороны в сторону, а я решаюсь

повернуть голову к двери и ловлю на себе взгляд затравленных глаз своего парня. Он в упор смотрит на меня, а я не представляю, как себя вести.

Получается, его мачеха — это та самая бывшая девушка Нестратова, с которой когда-то спал Дима. И насколько бы деликатным не был рассказ Ника, я все же уже тогда поняла, что Дима спал с ней не из праздного любопытства, а потому что испытывал к особе некие чувства. И я бы никогда не стала заикливаться на этой мысли, если бы в эту самую минуту эта славная девушка Валя не начала поглаживать моего наставника по плечу своими длинными пальцами с идеальным маникюром.

Я не вижу, как именно он смотрит на нее, но вдруг...

Пробежавшая в голове мысль больно жалит.

Если бы я была сейчас героиней аниме, то меня бы изобразили трескающимся на множество кусочков стеклом.

Она само совершенство, — шепчет в голове предательский голос.

Совершенство, с комплектом беспорядочных половых связей. Ну, такое себе. — второй суфлер нравится гораздо больше.

А вдруг он до сих пор питает к ней трепетные чувства... — первый голос никак не хочет уgomониться.

Свободная ладонь сама собой сжимается в кулак.

Дима отходит от своей блудливой мачехи и то, как холодно он убирает со своего плеча ее руку, заставляет сердце радостно подскочить.

Мысленно я уверенно показываю первому голосу средний палец.

— Может, не будешь брать в подарок ее картину? — обращаюсь к сестре, заранее понимая провальность попытки, но все же решаюсь уточнить.

— Ещё чего, — бурчит Янка и смотрит на меня, как старшая сестра на свою несмышлёную младшую, высказавшую совершенную глупость, — Я собираюсь продать шедевр на Авито. Вы еще с папой мне спасибо скажете.

Еще несколько ее бизнес-проектов, и она разбогатеет быстрее меня.

— Правда, у мамы сегодня очень красивое платье? — тут же переключается Янка, с восхищением поворачиваясь на нашу родственницу.

— Неплохое, — говорю я, замечая, как Дима, отрывается от своей одухотворенной компании и вышагивает прямо к нам.

Сестра сразу переключается в режим ангелочка и с непередаваемым интересом изучает парня, остановившегося напротив нас.

— Привет, — говорит нам Дима и при этом смотрит исключительно на меня, в упор.

У меня сердце болезненно сжимается от одного его взгляда.

Он словно чувствует себя виноватым передо мной и ждёт чего-то.

Минуту мы ведём негласный диалог, в котором он убеждается, что я смогла сделать определенные выводы и понять кто есть, кто.

И тогда ко мне само приходит осознание того, как следует себя вести.

— Привет, — тепло улыбаюсь я.

Затем делаю шаг к нему. Становлюсь вплотную и очень тихо, чтобы моя слишком чуткая сестра не услышала, добавляю игривым голосом:

— Так вот на что ты променял субботнее занятие со мной? Я ужасно негодную. С тебя дополнительные занятия в качестве моральной компенсации.

И его отпускает. По глазам вижу, как он сбрасывает с себя великовольтное напряжение

и начинает кавайно улыбаться.

— Обещаю тебе много продуктивных занятий, Пандочка. — шепчет мне в ухо, заставляя кровь в венах разгоняться сильнее.

— Кхм-кхм, — негодуяюще сжимает мою ладонь мелкая, высказывая высшую степень недовольства.

— Дмитрий, — деловито говорю я, отодвигаясь от него на приличное расстояние. — Прошу познакомиться, это моя сестра, Яна. Яна, это мой друг и наставник Дмитрий.

— Очень рад знакомству. — искренне произносит Дима, протягивая мелкой руку, отчего та даже на секунду теряется и уж совсем вспыхивает, когда Ветров улыбаясь, добавляет, — Так и знал, что младшая сестра Милы красавица.

Мне хочется его как следует пихнуть и сказать, что мне точно не нужна конкурентка в виде сестры, так как в этом бою я сильно опасаюсь за свои шансы.

Но тут к нам подходит мама со своей творческой подругой-эротоманкой, которая держит за руку отца Димы, и я ощущаю, как глаза моего парня вместе с их обладателем, покрываются толстым слоем арктического льда.

— Вы знакомы? — женщина, самоотверженно выносившая меня девять месяцев, с удивлением смотрит на нас с Димой.

Я собираюсь сказать, что он мой наставник в университете, но Ветров не даёт мне такой возможности. Его рука берет мою свободную ладонь и крепко сжимает в своих горячих пальцах. Этот жест не ускользает ни от кого из присутствующих.

— Мы встречаемся, Надежда. — холодно произносит он. — Отец, это Мила, моя девушка. Мила — это мой богатый родитель, Виктор Борисович. И его молодая супруга, Валентина.

— Рад знакомству, — я попадаю под прицельный взгляд тяжелых серых глаз отца Димы.

Да уж, у них сыном много общего, только Дима уже давно не пугает меня.

— Это моя дочь, Виктор. — с неприкрытой радостью в голосе, от которой мне становится дико противно, говорит чудо-мать.

Вряд ли бы она так воодушевилась, будь Дима сыном простого рабочего, как папа.

Ну вот почему она такая?

— Как очаровательно, что вы все встретились на открытии моей выставки, — произносит Ивлина, обворожительно улыбаясь.

Она за секунду проходится по мне совершенно новым взглядом. Исключительно женским, оценивающим. Холодным.

Я знаю природу этого осмотра, не вчера родилась. От меня также не скрывается, как ее глаза останавливаются на наших переплетенных с Димой пальцах. Идеальные пухлые губы трогает снисходительная улыбка, а затем взгляд голубых глаз поднимается к лицу моего наставника. В нем плещется наигранная мягкость и что-то еще. Непонятное и неприятное.

От этого внутрь вонзаются иглы беспокойства.

Уверенность начинает испаряться с поверхности кожи.

Как бы мне не хотелось это признавать, но Валя одним своим видом и уверенно-высокомерным взглядом заставляет меня ощутить всю свою никчемность.

Да, она, определённо, совершенное зло. Но это не отменяет того факта, что она совершенна. И поглядывая на Диму, она очевидно сообщает ему, какую абсолютно обычную девушку он себе выбрал, не сравнить с ее великолепием.

А вдруг он тоже сейчас нас сравнивает.

Вдруг это сравнение идет не в мою пользу...

Мысль так больно ранит, что даже голова начинает немного кружиться. Мне жизненно необходимо немедленно успокоиться.

— Дядь Вить, здравствуйте! — раздается вдруг справа знакомый голос.

Оценка из глаз Валентины в ту же секунду пропадает. Сменяется чем-то другим, немного нервным. Ее зрачки на миг превращаются в отрешенные стекла — или я пересмотрела аниме. Папа прав, я люблю странные мультики.

Поворачиваю голову и с удивлением смотрю на троих ребят, появившихся возле нас.

— Какие люди! Колька, привет! О, Антошка, и ты здесь. — широко улыбается отец Димы и поочередно протягивает свою руку ребятам для крепкого рукопожатия.

Те прилежно по очереди с ним здороваются и представляют Дениса, с которым,

видимо, Виктор Борисович ранее не встречался.

— Вы как тут? Димка позвал? А он молчал.

— Да, он у нас молчун. — кивает Ник. — Мы не могли остаться в стороне и не приехать, не поддержать. — на секунду он смотрит на моего парня.

Наблюдаю уже не первый раз, как эти двое мгновенно и абсолютно безмолвно обмениваются некой информацией.

Это очень круто. Я даже им немного завидую. У меня такая крепкая дружба была только с Илонкой, пока греки ее не забрали к себе.

На плечи ложится спокойствие. Я почему-то вдруг ясно осознаю, что если и ревновать Диму, то точно не к Ивлиной. Скорее к Нику, но это я как-нибудь переживу.

Уверена, ребята приехали поддержать не начинающую художницу, а своего друга. Только вот знает эту правду один человек — Ник. Это очевидно даже по тому, как Тоха с Рыжим смотрят на Валю.

— Поздравляю тебя, Валентина, это успех.

— Спасибо, — быстро отвечает Ивлиная старшему Аверину, немного бледнее. А потом поворачивается к мужу. — Милый, мы можем отойти на минуту, очень хотела тебе показать одну важную для меня картину.

— Конечно. — соглашается он, но перед уходом обращается к ребятам, — Еще поговорим, пацаны, вы же здесь еще будете?

— Конечно, дядь Вить. — кивает Ник.

У моей матери в этот момент начинает звонить телефон в сумке, и она, к моему великому счастью, тоже от нас отдаляется.

— Я вас не звал, — ухмыляется Дима, поглядывая на лучшего друга.

— Не стесняйся своих потаенных желаний, — иронично отвечает ему ариец и улыбается мне, — Милка, он обманом тебя сюда затащил, скажи честно?

— Нет, — смеюсь я, — Меня моя сестра затащила.

— Дим, подойди сюда. — кричит вдруг Виктор Борисович с другого конца зала.

Мой парень хмурится. Быстро целует меня в висок и шепчет:

— Мне надо отойти, Пандочка. Присмотри пока за этими оболтусами.

Киваю, и Ветров младший уходит, оставляя нас наедине с ребятами.

— Фигасе, у него мачеха. — обращается Кот к блондинам, заинтересованно оборачиваясь в сторону отца Димы и блестящего образца женщины — Ивлиной.

— Она тебя переварит, не открывая рта, — без намека на шутку говорит Ник. — Но ты не туда смотришь. Лучше глянь, какая красивая девочка стоит рядом с Милкой, а нас с ней до сих пор не познакомили.

— Я повержен ее неземной красотой. — не уступая в галантности своему брату, вторит Тоха, подмигивая Янке.

Сестра неожиданно тушует. Выглядит застенчивым ангелочком. Ободряюще сжимаю ее ладошку в своей руке. Она безумно милая в эту минуту. Видно, что стесняется, оказавшись под внимательным взглядом троих парней. Щечки покраснелись, да к тому же, она, как бы невзначай, пытается спрятаться у меня за спиной, что ей совсем не свойственно.

— Это моя сестра, Янка. Янка, это Николай, Антон и Денис. — поочередно представляю каждого.

— Здравствуйте, — тихо произносит мелкая. — Приятно с вами познакомиться.

— А нам как приятно, — присоединяется Рыжий к остальным. — Ты прав, Ник, не туда

я смотрел. Но я умею быстро исправляться.

Двери в галерею открываются. Замечаю, потому что стою лицом к входу в здание. Внутри заходят три девушки, в одной из которых я узнаю свою знакомую из университета.

После той встречи в туалете, мы пересекались еще несколько раз. Теперь мне известно не только то, какой у нее приятный и глубокий голос, но и ее имя. Необычное.

Поднимаю высоко руку в знак приветствия. Она сразу замечает меня, поднимает свою в ответ. Улыбается. Искренне. У нее, кстати, очень заразительный смех, я однажды попала под его магическое воздействие.

Ребята, наблюдая за моими телодвижениями, тоже оборачиваются.

И, видимо, они сегодня, не только мою младшую сестру смущают. Моя улыбчивая знакомая еще раз спешно кивает, но уже как-то нервно, а затем быстро отворачивается к своим подругам. Но в зал девушки не заходят.

Наблюдаю, как они сдают верхнюю одежду и сразу идут к лестнице, ведущей на следующий этаж.

В галерее три этажа. На втором и третьем, насколько я заметила по вывескам снаружи, сейчас представлены работы импрессионистов. На них я бы посмотрела с большим интересом, чем на вот это все пессимистическое нечто, развешанное на стенах.

Через какое-то время предлагаю окруженной мужским вниманием Янке пойти на второй этаж и ознакомится с работами других мастеров, но она очень тихо сообщает мне, как это будет невежливо по отношению к художнице, которая собирается подарить ей картину.

Мне больше верится, что она не желает покидать общество увлеченно развлекающих ее молодцев: Тохи и Кота. Ник, кажется, удалился в туалет, а Дима что-то серьезно продолжает обсуждать с отцом и еще каким-то мужчиной. Судя по виду, еще одним крупным бизнесменом.

Нельзя не признать, публика на выставке картин жены Виктора Борисовича не простая. Все очень дорого и богато.

Ребята, услышав наш небольшой диалог, начинают уверять, что присмотрят за Янкой и я могу спокойно подняться одна.

— Иди, — говорит мне Тоха.

Они с Котом также не заинтересованы в импрессионистах, как и моя младшая сестра.

— А мы прогуляемся с Янкой к более интересным местам. Например, к столу с закусками. Согласна, красотка? — судя по загоревшемуся взгляду мелкой, идея видится ей заманчивой, поэтому я без зазрения совести оставляю их троицу и иду к лестнице.

Поднимаюсь на второй этаж.

Зал здесь отличается от того, который на первом уровне. Он поделен на зоны. Они разграничены между собой белыми стенами и чем-то напоминают лабиринт.

Неспешно просматривая картины, иду вперед и встречаю двух подружек моей знакомой, однако саму ее не вижу. Я не знакома с этими девушками, поэтому, вежливо им улыбнувшись, следую дальше.

Прохожу еще несколько зон. Огибаю очередную белую стену и вижу «Звездную Ночь» Ван Гога, напротив которой стоят двое.

Я бы сочла это простым совпадением, если бы до меня не долетели слова Аверина

старшего.

— Так и будешь молчать? — даже отсюда я замечаю, как напряжена его спина.

— Ник... — обреченно произносит женский голос в ответ.

Пытаюсь остановить свои ноги и свернуть обратно, пока еще могу не выдать себя, но действия опережают мысли, и девушка меня замечает. В ее глазах вспыхивает неподдельная радость, но она не скрывает также взволнованность и грусть, застывшую на ее лице.

— Мила, — окликает брюнетка, и мне ничего не остается, как подойти к ним.

— Привет, Лус, — отвечаю я, улыбаясь, — Очень рада тебя видеть.

Ник мне без слов кивает.

Внутренний голос подсказывает, что мое появление прервало важный разговор. Или важное молчание. Оно принадлежало только им, а я явилась, как революционер из ссылки, прямо с картины Репина «Не ждали» и все испортила.

— Извини, что не подошла к тебе, — оправдывается девушка, и при этом кидает в Ника виноватый взгляд, — Просто мы пришли вместе...

А только ли ко мне относятся эти извинения?

Сомневаюсь.

Сильно сомневаюсь.

И как же он смотрит на нее в эту минуту. Взгляд будто накален до предела.

Я опускаю глаза в пол, обвиняя свои ноги в том, что они вероломно меня сюда завели. Лучше бы с ребятами и сестрой пошла исследовать фуршетный стол. Но любопытство тут же выходит вперед и задается интригующим вопросом, что же связывает этих двоих?

М-да. Мне бы сейчас еще острые усики, и я стану настоящим Эркюлем Пуаро.

Ник неожиданно берет из рук нашей, как выяснилось, общей знакомой телефон. Он делает это просто, будто в этом жесте нет ничего странного, и он не посягает на чужое имущество. Словно он это уже проделывал не раз. И, судя по отсутствию у нее криков или протестующих звуков, моя догадка верна. Она смотрит на него нервно, но отобрать мобильник не пытается.

Аверин молча включает камеру.

— Милка, извини нас на секунду, — мило улыбается он мне.

Затем кладет руку на талию Лусине и прижимает ее к себе. Придвигает свое идеально серьезное лицо к ее вспыхнувшим щекам. Наводит на них двоих камеру и начинает делать селфи.

Она не сопротивляется. Принимает его действия, как должное, несмотря на то что, я ощущаю, как сильно она напряжена. Вижу с каким испугом она бросает порой взгляды мне за спину. Но, несмотря на весь необъяснимый страх, Лус ни на миллиметр не отодвигается от Аверина.

— Ты не улыбаешься, принцесса. Так не пойдет. — холодно произносит Ник.

Я еле удерживаю челюсть от падения. Не знала, что он тоже так умеет. Думала, функция полного обморожения подвластна только моему парню. А, оказывается, вот оно как.

Их лица одновременно поворачиваются друг к другу. И в эту минуту мне отчаянно хочется провалиться обратно на первый этаж. Желательно, чтобы все произошло бесшумно.

Я видела поедающие друг друга парочки, меня преследовали извращенцы в метро, но ни от кого не искрило так сильно, как от этих двоих. Они просто смотрят друг другу в глаза, а я не знаю куда деть свои собственные.

У меня ощущения, будто я смотрю кино для взрослых, но еще не доросла до его уровня. Если бы не мое дурацкое появление, они бы сейчас точно целовались.

Ужасно неловко перед ними.

Извините, ребят, я не хотела мешать.

— Мне уже пора, — а это я уже произношу вслух, очень тихо, и пытаюсь сделать шаг назад, но Ник резко отстраняется от своей жертвы.

Возвращает ей телефон и обращается ко мне.

— Это мне пора. — с теплом и знакомым мне озорством говорит он. — А вы поболтайте. — еще один взгляд на ту, что застыла возле картины. — Теперь у тебя больше наших фотографий, Лус.

Уходит он быстро. И я понятия не имею, что говорить, потому что Лусине с такой тоской смотрит ему вслед, отчего сердце в груди сжимается.

— Не хочешь пойти за ним? — предлагаю то, что кажется мне самой здоровой мыслью.

— Я... — начинает она, но тут появляются две ее подружки.

— Лус, куда ты делась? Мы тебя потеряли. — смеются девушки, и она блекло говорит им что-то в ответ, а потом незаметно качает мне головой.

— Мил, я влюбилась, — взволнованно шепчет сестра, нагло забираясь на мою кровать и отжимая одеяло.

— В который раз? — не открывая глаз, зеваю я. — Ты хоть записывай, чтобы не сбиться со счета

— Нет, в этот раз все серьезно. — деловито настаивает мелочь.

— Ну и хорошо. Женитесь, я даю благословение.

Молчит. В принципе, мне этого и надо, но раз молчит, значит, дуется. Хочет, чтобы я у неё детали уточняла, несмотря на то, что я почти провалилась в сон.

— И какой он, красивый?

— Умопомрачительный! — сразу же искрит признанием Янка. — Он точное воплощение Ларалиэля! — ага, значит, блондин, заключаю я.

Это не новость. Все ее влюблённости обязаны иметь светлый оттенок волос или пусть перекрашиваются, если смеют на что-то надеяться.

— Класс. — коротко радуюсь я.

Понимаю, что она ожидает более бурной реакции, но сон тоже не желает сдаться и давит бетонной стеной грёз. Соображать крайне сложно.

— Только мне надо срочно вырасти. Мила, — трясёт меня за руку и шепчет в самое ухо, — Ты меня слушаешь?

— Зачем тебе срочно потребовалось расти? Погоди немного, может ЕГЭ вскоре отменят.

— Так он взрослый! Вдруг его кто-то раньше меня заберёт?

Отношение моей сестры к мужской половине человечества порой вызывает у меня добрую зависть. В ее мире все очень просто устроено. Понравился кто из мальчиков — бери. И пусть он только рыпнется или попробует сопротивляться.

— Он взрослый, как дядя Володя? — еле шевеля губами, спрашиваю я, пока сестра гладит меня по голове.

Не обольщайтесь, это не проявление нежности. Она волнуется, как бы я неожиданно не заснула, не обсудив с ней важную тему.

— Нет. Мне уже давно такие старые не нравятся. — а полгода назад уверяла, что вырастет и заберёт у тёти Маши папиного друга.

Я бы на месте тёти Маши озадачилась немедленным переездом и сменила бы город. А желательно — страну.

— Он, наверное, как ты, Мил, — неуверенно проговаривает сестра, — Или чуточку постарше. Все равно, конечно, староват немного...

— Эй! — один глаз всё же негодующе открываю. — Он молод и прекрасен. В самом расцвете сил. — должна я в конце концов поддержать участника своей возрастной группы.

Держись чувак, я с тобой.

— Мил, а давай ты его себе заберёшь?

— Спасибо, не надо.

— Ну, пожалуйста. — взволнованно просит она и ангельски добавляет. — А я им, зато смогу любоваться, когда захочу. Даже отбирать не стану, когда вырасту. Вот очень честно.

— Спасибо за такое ценное предложение. В другой раз я бы, может, слезу пустила, но

сейчас надо спать. Мне завтра к первой паре.

— А мне завтра в школу.

— Тем более — спать. Быстро дуй к себе. И доброй ночи.

— А можно я с тобой сегодня останусь?

— Без разговоров?

— Без...

— И без полу-разговоров? — мелкая их однажды изобрела.

— Без... с тобой очень скучно ... знаешь...

— Без.

— Ну и пожалуйста. Доброй ночи.

Опять из-за неё буду спать с голой попой. Сейчас все одеяло заберёт себе. И бесполезно пытаться его вернуть. А по словам ба именно голопопость является следствием дурацких снов.

*

Мелочь обреченно вздыхает над своей кашей, а я спешно заглатываю бутерброд с сыром и запиваю его чаем.

— Время ко мне несправедливо. — вдруг заявляет сестра, вынуждая меня подавиться не только завтраком, но и проникающим в ноздри воздухом.

— Такие заявления станут актуальными, когда у тебя появятся паутинки мимических морщин вокруг глаз. — говорю, вытирая рот салфеткой и убирая крошки со стола, — Сейчас у тебя чудесный возраст. Надо радоваться всему вокруг. — чувствую себя опытной дамой, уверенно произнося свои нравоучения, но в ответ получаю полный снисхождения и явного уничтожения взгляд.

— Я же не дурочка, с переулочка, чтобы всему радоваться, — печать воздействия бабы Риты прямо-таки искрит и переливается.

М-да, вряд ли можно найти способ стереть с жёсткого диска Янки все выражения, которые она подхватила от нашей бабушки.

— И что печалит тебя, девица распрекрасная? — стараясь скрыть иронию в голосе, встаю и кладу в ее контейнер для еды несколько заранее подготовленных мной сэндвичей.

Хоть их и кормят в школе, но наша привереда ест далеко не все из предложенного школьного мишленовского меню.

— Как бы всякие замужние девушки не увели моего принца Ларалиэля, пока я буду расти. — она со вздохом грусти, но все же отправляет в рот ложку овсяной каши. — Бабуля Наташа, кажется, говорила, что от капусты хорошо растётся, — серьезно сообщает сестра, — Будешь делать мне салаты каждый вечер?

Даже не знаю, говорить ли ей о том, что именно «вроде как хорошо растется». Но, усмехнувшись, решаю все же сказать.

— Капуста помогает росту груди. А росту тела вроде бы способствует морковка, но ты ее совсем не любишь.

Янка поднимает на меня задумчивые глаза. Отправляет в рот ещё пару ложек. Хмурится. Видимо, решение дается ей не так легко.

— Тогда делай мне, пожалуйста, салат из морковки и капусты.

Ничего себе поворот.

— Хорошо. — стараясь сдержать смех, серьезно киваю и меня неожиданно осеняет. Странно, что я не поняла сразу же. Сон тормозил мыслительный процесс. — Ты влюбилась в

одного из Диминых друзей?

— В самого красивого. — со знанием дела выдаёт мелочь.

— Ох, он будет очень польщен.

— Ты ему расскажешь? — это не вопрос-истерика, а скорее руководство к действию.

Мелочь не краснеет, не начинает скакать по кухне буйной метелкой, умоляя меня ни в коем случае этого не делать. Она, как великий маленький стратег, раздумывает, выразительно хмурия брови. И, к счастью, между своими наполеоновскими планами, не забывает есть кашу.

— С одной стороны, если он узнает, у меня появится шанс, что он подождёт пока я вырасту. Но с другой, он же будет грустить...

Времени, чтобы подумать, отчего это Ник вдруг будет грустить, узнав о новой юной поклоннице, совершенно нет. Смотрю на часы, которые висят над дверью кухни сколько себя помню, и чувствую, что нам пора выдвигаться, иначе мы обе опоздаем.

— Все, встаём. Нам уже пора идти.

Поднимаемся со своих мест, слаженно складываем посуду в раковину, убираем масло с сыром в холодильник и идем в прихожую.

— Каша была недостаточно сладкой. — узнаю об этой важной детали, когда закрываю за нами дверь квартиры. — Забыла тебе сказать.

— Сахар вреден. — не остаюсь в долгу я. — У тебя от сладкого почернеют зубы, и Нику будет страшно на тебя смотреть.

— Ну и что. Дядя Жора стоматолог, он мне зубки выбелит. А страшно было от того, как она смотрела на Ника. — хмуро говорит сестра, в то время как перед нами раскрываются двери лифта.

Мы входим внутрь, и Янка нажимает на кнопку первого этажа.

— Кто? — недоумеваю я, доставая из кармана пальто мобильник.

— А ты разве не заметила? Азалеолдия смотрела на Николая, словно ела его. Вот так, ам-ам-ам, — Янка широко раскрывает глаза и маленькими ладошками изображает хватательные движения около лица.

Передача всей страшной глубины чужого взгляда дается ей настолько хорошо, что мне трудно сдержать улыбку.

— Не смейся, Милка. — со всей своей детской серьезностью предостерегает сестра, — На твоего поцелуйного наставника она тоже страшно смотрела. Думала никто не видит, но я иногда наблюдала за ней, чтобы лучше понять ее картины. — и сурово заключает. — Продам ее шедевр сразу, как получу!

— Ты стихотворение по английскому не хочешь повторить, business-girl? — слова сестры заставляют что-то внутри меня неприятно колыхнуться, но я решаю сменить тему и не придавать этому значения.

На кожаном диване на третьем этаже возле деканата расположились три студента. Это я и братья Аверины. Мы смиренно ждём, когда Ветров закончит свой диалог с профессором.

Если же описывать картину ожидания детальнее, то Ник сидит, уткнувшись в свой телефон, Тоха самозабвенно уничтожает пачку чипсов, от которой мы с его братом вежливо отказались, а я, не скрываясь, люблюсь своим наставником.

Он уже больше получаса серьезно что-то доказывает седовласому мужчине в черном костюме. И тот с интересом его слушает и то и дело кивает.

Должна признать, это невероятно завораживающее зрелище, даже немного возбуждающее. Мозги твоего парня настолько хороши, что он вот так запросто склоняет профессора на свою сторону.

До нас долетают обрывки фраз, но их вполне достаточно, чтобы сделать выводы относительно темы их беседы.

Единственные несущественные мелочи, отвлекающие меня от молчаливого любования Димой, это сто девяносто девять вопросов Нику, которые крутятся на языке, но никак не осмеливаются явить себя миру.

Со старшим Авериным мы, конечно, хорошо общаемся, но понравится ли ему блиц-опрос про Лус?

Что-то подсказывает, что особых восторгов мой интерес не вызовет. Поэтому, посоветовавшись сама с собой, решаю начать с наименее опасной темы.

— Ник, хотела сказать, ты произвёл на Янку неизгладимое впечатление.

Блондин отрывает глаза от экрана мобильного, а его губы расползаются в широченной улыбке.

— У твоей сестры вкус намного лучше, чем у тебя, — на этой фразе мой вроде бы увлечённый беседой наставнико-парень кидает в нашу сторону один из своих коронных льдинистых взглядов. Обморожение откровенно целится в Аверина старшего.

Жертва улавливает этот страстный выпад и начинает улыбаться еще сильнее. Придвигается ближе ко мне, выключает телефон и закидывает руку на спинку дивана. Затем наклоняется и иронично шепчет в ухо:

— Может, хоть так немного умирим активный речевой понос товарища Ветрова. Твой мачо, бесспорно, владеет мозгами-люкс, но сейчас он редкостная зануда. Сколько можно трещать с Пановым. Мы все посеедем.

— Я развлекал ее намного больше тебя и был пожалован в личные рыцари, — смеется рядом Антон. — Как тебе удалось умыкнуть сердечко даже младшей сестры Милы, Николос?

— Должность рыцаря означает, что тебе великодушно разрешили побыть рядом в виде защитника-амбала, а прекрасного принца она разглядела в другом. Что с самого начала было очевидным.

— Вот ты самовлюбленный гонд. ольер! — беззлобно ржет Тоха. — Тебе еще встретиться принцесса, которая вскрыет тебе мозг!

— Поправочка, любимый братик, я обхожу принцесс стороной. Определенно, не моя тема для защиты курсовой. А ты бы вместо зависти лучше порадовался, что у ребенка есть вкус. — высокопарно парирует Ник, и громче заявляет. — Вот у Милы он похрамывает.

— Эй, — толкаю его в бок, стараясь смотреть сурово, но вместо этого еле сдерживаю

смех.

— Но, если вдруг ты тоже решишь увлечься мной, — снова тихо шепчет Ник, так что услышать его могу только я. — Ты меня очень сильно разочаруешь.

— А Ивлина в своё время увлеклась именно тобой... — так же шепотом вылетают из моего рта слова, опережая мыслительный процесс.

По тому, как на секунду меняется выражение лица Аверина, я шокировано осознаю, как метко попала в цель. Точнее, попала не я. Настоящий Эркюль Пуаро в нашей семье точно не я. А так как чужие лавры мне не нужны, едва слышно уточняю:

— Это Янка заметила.

— Без обид, но твоя сестра в будущем опасная женщина.

— А в настоящем — опасная девочка, — согласно киваю.

— Побаиваешься?

— Еще чего!

— Временами?

— Бывает...

Ветров тем временем заканчивает свою беседу и начинает двигаться в нашу сторону. Ник тоже это замечает и, сказав мне железное:

— Ничего не было. — тут же возвращается к своей обычной манере беззаботности и поворачивается в сторону надвигающегося на нас наставника, — Ну, наконец-то. Мы уже думали, что постареем, пока ты наговоришься. Не стыдно глазки строить мужикам, когда рядом твоя девушка сидит?

— Сам разберись. А ты лучше руки свои длинные от моей девушки убери, — улыбается Дима, но в голосе скажут нотки ревности. — И пойдёмте, чего вы тут расселись.

*

— Поедем ко мне? — неожиданно предлагает Ветров, после того как, простившись с братьями, мы вдвоем садимся в его машину.

— К тебе? — удивленно уточняю я.

Сказать что-то ещё не успеваю. Мужские губы тут же накрывают мои.

Мы не виделись в воскресенье. У него снова были какие-то неотложные дела с отцом, и сейчас поцелуй помогает ощутить, что ему не хватало меня так же сильно, как и мне его. В подтверждение моей догадки, он слегка отстраняется, гладит большим пальцем меня по щеке и нежно шепчет:

— Я соскучился, Пандочка. Останься сегодня со мной. — из горла вырывается непонятный звук кряхтения-удивления, и Дима спешно добавляет, — Ничего не будет, если ты не захочешь. Обещаю. Просто поспим вместе. Обещаю почти не приставать. — и смотрит так, что ему невозможно не поверить.

Недавно мы общались с Илонкой по видеосвязи. Подруга в красках описывала свидание около моря с неким греком, обладателем горячего греческого профиля. Фото сего великого профиля было мне не раз прислано и показано. А ещё бонусом шел атлетический торс, который я всячески отказывалась лицезреть, но Илона порой может быть совершенно непреклонна в своем стремлении просветить неискушенных.

Так вот, этот Афродит тоже кидал подруге завлекательную идею, предлагая невинную совместную спячку. Я внимательно слушала и со знанием дела улыбалась прожжённой девой, уверяя: «Это развод обыкновенный. Ты, может, и заснёшь, а в тебя потом палочкой начнут тыкаться.»

На что Илонка сразу возмутилась: «Может брёвнышком, Мил. Видишь, какой у него нос, а значит и...»

В тот вечер мне так и не удалось понять, как связаны нос и... но это сейчас не важно.

Смотрю в Димины глаза, обволакивающие теплом и понимаю, что безумно хочу ответить ему согласием. У меня, в отличие от Илонки, у которой был опыт по имени Иван, отсутствует пятимесячный багаж знаний. Но все же я уверена, сейчас это никакой не развод со стороны Ветрова. И если я ничего не захочу, то ничего действительно не будет.

Сестру завтра в школу провожает папа, а после у нее нет ни одного дополнительного кружка— подсказывает соблазнительный голос в голове.

А следом идут поцелуи Ветрова, и они будто увеличивают громкость ласкового убеждения, склоняющего сказать ему «да».

Можно же написать папе, что я останусь у подруги. Врать, несомненно, плохо, но иногда...

— Пожалуйста, сладкая Милка — новый поцелуй в область шеи сводит на нет любое возможное сопротивление.

— Хорошо. — вроде бы контролируя голос, отвечаю я Диме.

— Я тебе противен? — прозвучавший неожиданно вопрос застаёт меня врасплох.

Мы вальяжно лежим на широком диване в квартире Димы и смотрим черно-белый фильм начала тридцатых годов. Героиня картины будто зеркалит мои эмоции, вопросительно вскидывая вверх свои аккуратные тонкие брови.

Папе я все же сказала, что останусь у подруги, и родитель ни на минуту не усомнился в словах своей дочери. От этого мне немного стыдно, но я стараюсь задобрить совесть уверениями, что не делаю ничего плохого.

Поднимаю свою голову, которая удобно расположилась на Диминой груди и смотрю в его глаза цвета замерзшего льда.

Моя рука очень нежно прикасается к его волосам, опускается к виску, подушечками пальцев поглаживает идеально выбритую щеку.

— Конечно же, нет.

Наклоняюсь вперёд и слегка целую его в губы, но напряжённое тело экс-извращенца так и остаётся недвижимой скалой. Тогда я целую снова. Ласкаю губы своим языком и не успеваю отреагировать, как он резко меняет нас местами. Через миг уже я лежу под его крепким телом и отдаюсь во власть жадных поцелуев и ласк.

Когда пламя внизу живота разгорается сильнее, Дима отстраняется от меня. Садится обратно. Как самый прилежный юноша поправляет свою футболку. Затем поднимает мою все еще полулежащую тушку. Сажает к себе на коленки, заключает в теплые объятия и как ни в чем не бывало продолжает смотреть фильм.

Огонь, полыхающий в теле, сменяется разочарованными угольками.

— Ты ее любил? — неожиданно даже для себя спрашиваю я.

Ну почему мой язык часто срывает быстрее мозга?

Что я за бестолочь такая, раз задаю этот вопрос сразу после нашего поцелуя? И что хочу услышать?

А главное, хочу ли?

Нет, не хочу. Я ничего не хочу знать. Не надо отвечать.

Но порой бывает слишком поздно взять свои слова обратно.

Пальцы Димы на моей талии сжимаются сильнее.

— Я не хочу тебе врать, Пандочка. — в его голосе не ощущается ни капли тепла, скорее твердая сосредоточенность.

Все мое тело разом напрягается.

Вдруг я сама подтолкнула его к осознанию того, как жалко выгляжу в сравнении с его первой любовью?

И сейчас он скажет, что никогда не сможет забыть эту совершенную жену своего отца?

Поймет, что я всего лишь неказистая девочка, нелепая замена, смешная альтернатива...

Целая вереница самых неприятных, пугающих и холодящих кровь мыслей пронесется в голове за каких-то пару-тройку секунд.

— Я думал, что любил Ивлину. Очень долгое время даже не помышлял усомниться в этом. Но на самом деле, я всего лишь создал в своей голове идеал. В реальности его никогда не было. Но я упорно не хотел видеть правду. Тогда я был ослеплён внешностью Вали. Мне нравилась оболочка и я без труда наделял ее исключительно положительными внутренними

качествами. Да, я, как мне казалось, любил. Но не настоящую Валу, Мил. Пойми меня правильно, я любил свою фантазию. А такой, какой я ее представлял, она никогда не была.

— Понятно, — говорю я вроде как спокойно.

Чуть отстраняюсь и обнимаю себя руками. А в голове больно гудит: «ослеплён внешностью Вали».. «любил... Любил Ивлину»... «мне нравилась».

Я считаю себя достаточно объективным человеком, не склонным витать в облаках. Прекрасно понимаю, что такой красивой, как эта девушка, мне никогда не стать. Даже если на пару с сестрой сяду за ежевечерние капустно-морковные салаты. И даже если самозабвенно натру свеклой щеки — все равно это мало чем мне поможет.

— Получается, что по-настоящему я никого раньше не любил. Окончательно это осознать мне помогла одна бойкая и бесстрашная Пандочка. — он крепче прижимает меня к себе и ласково целует в висок. — Потому что в тебе, моя упрямая первородка, я люблю не только внешность. Меня привлекает не просто твоя фигура или лицо, меня привлекаешь вся ты, Мил. Вся. Твой характер, твой ум, твоё упрямство и даже нежелание признать тот факт, что задачу ты решила с ошибками.

— И вовсе нет, — и снова мой язык впереди планеты всей. — В том уравнении вполне были возможны два варианта ответа. И не надо так улыбаться.

— Вот видишь. — говорит Дима, а затем следует поцелуй. Лёгкий, воздушный, манящий. — Мне не надо ничего дорисовывать в своём воображении или наоборот замазывать неприятные моменты, как я слишком часто и неосознанно поступал с Валею. Для меня ты полностью идеальна. Вся, со всеми своими недостатками и достоинствами. Потому что, несмотря на то, что в минуты спора ты можешь заставить мою кровь закипеть, в то же время мне хочется тебя схватить и начать безостановочно целовать.

От сказанного мое внутреннее напряжение и неуверенность начинают таять. Наши губы встречаются вновь, языки переплетаются. Внутри лопаются фейерверки. Ещё никто и никогда не говорил мне таких слов. Но самое главное, что их говорит не кто-то там, а именно он. Мой самый умный, потрясающий и крышесносно красивый парень на свете.

— И я до одури хочу тебя, Мил. — шепчет его горячее дыхание мне в ухо. — Всю тебя, без остатка. Но буду ждать, сколько потребуется.

— А если тебе больше не надо ждать? — вылетают робкие слова.

Бесполезно бороться с моим языком. Он меня не спрашивает, решает все сам.

Мужские руки на моей талии застывают, Дима заглядывает мне в глаза, пытаюсь понять, не шучу ли я.

— Ты уверена? — с появившейся в голосе хрипотцой, уточняет он.

— Мне немного страшно, — честно признаюсь я, — Но да, я уверена.

Он долгую минуту внимательно смотрит на меня, будто раздумывает над чем-то, а затем наклоняется ближе и начинается новая волна долгих поцелуев.

Димины горячие руки, блуждающие по моему телу, мои тихие стоны в ответ на его нежные ласки.

Взяв меня на руки, он идёт в спальню и аккуратно опускает меня на кровать. Снимает с меня кофту, а я помогаю ему избавиться от футболки.

*

Полностью обнаженные, мы лежим на огромной кровати. Его глаза закрыты, но я знаю, что он не спит.

— А твой отец знает, что... — у меня скорее всего редкая сверх-способность озвучивать

самые нелепые вещи в крайне неудачные моменты.

И сегодня, если не Диме, то себе я удачно это доказываю раз за разом.

— Нет. Только то, что мы дружили с детства. Мама говорила, что Валя как-то в разговоре с ними упомянула мою влюбленность в другую девушку. — на его губах появляется усмешка.

Эта Ивлина просто абсолютное зло. Совершенное. Изобретательное.

— Но это его не оправдывает. — продолжает мой наставник, — Он точно знал, что это дочь близкой подруги его жены, его бывшей жены.

— Наверное, твоей маме очень тяжело тогда пришлось.

— Мама сумела каким-то образом отрубить от себя всю эту историю. Она вполне дружелюбно общается с отцом, и даже здоровается при встрече с Валею, но не более. А еще она почему-то уверена, что я обязан поддерживать с отцом связь.

— Ты из-за неё видишься с Виктором Борисовичем, да?

Тяжело вздохнув, Дима через какое-то время отвечает:

— Больше да, чем нет. Мы с отцом в тот день сильно поругались. А потом еще раз поругались. Уже после того, как он объявил мне о намерении снова жениться. Я много чего ему тогда наговорил. А он пригрозил, что если я не буду примерным сыном, то финансовые потоки с его стороны существенно сократятся. Мне-то плевать на его деньги. Но это касается не только меня. На меня оформлена эта квартира и машина, и еще имеется небольшой счет в банке. Но я боюсь, что этого не хватит маме и сестре. Мама часто говорит, что мы живем в достатке благодаря отцу, и за одно только это надо быть ему благодарными. Так что я глотаю свою гордость и неприязнь и иду на выставки его молодой жены, как того барин мой велит.

— Твоя мама не просила бы тебя об этом, если бы знала, как тебе это все тяжело и неприятно.

— Не думай об этом. Тебе точно не стоит об этом беспокоиться. — он целует меня в висок и ласково гладит по волосам. — Расскажи лучше о своей семье.

— Хммм, с чего бы начать, — с наигранной веселостью говорю я, — Однажды моя мама ушла из дома за хлебом, но так и не вернулась. Янка в тот день безостановочно плакала. Я пыталась ее успокоить, но она будто понимала больше меня уже тогда. Мы с папой сильно переживали, что с мамой что-то случилось... — голос на секунду замолкает, — А, оказалось, что ты, твоя сестра и твой отец просто надоели этой женщине. Она от вас устала и решила пожить для себя. И сколько бы ты не плакала ночами, она не возвращалась.

Я никому и никогда не рассказывала всю правду об уходе матери. Даже Илонка знала что-то про Колыму — и верила. Мне не хотелось ни перед кем казаться ущербной, я не желала ничьей жалости и всегда следовала словам баб Риты: «не выноси сор из избы».

Но рядом с Ветровым правда сама выбирается наружу. Кажется, словно боль копилась долгие годы и теперь решила, наконец, выплеснуться.

Дима ни разу не перебивает. Он внимательно слушает и ласково гладит по голове. А еще очень нежно целует каждый раз, когда мой голос временами предательски трескается.

Мы говорим с ним почти всю ночь, обнажая друг перед другом уже не только тела, но и души, и засыпаем под утро, крепко обнявшись.

— Кнопка, нам надо поговорить. — произносит папа, появившись в моей комнате.

Его строгий и одновременно несколько смущенный взгляд, заставляет мою кровь начать превращаться в холодные кубики самой разной формы: от ужасающегося тираннозавра, решившего стать веганом, но, ожидаемо, провалившегося в своих стремлениях, до испуганной сейлор-мун, чья лунная призма дала непредвиденный сбой.

— Я заварил твой любимый чай со смородиной. Жду тебя на кухне. — и, оставив меня с ворохом тревожных мыслей, выходит из комнаты.

Плечи папы опущены, а голос таит в себе печаль, которая неумело маскируется кривой улыбкой. Это слишком очевидные признаки. Они свидетельствуют о том, что нам предстоит не простой разговор. И тема беседы моего родителя мало воодушевляет.

Тут на меня вдруг резко наваливается понимание. Пугающее. Чудовищное. Покрывающее мои щеки алыми пятнами первосортного стыда.

Он узнал!

Узнал!

Точно!

Сирена в голове вопит, как умалишенная.

Эрор! Эрор! Спасайся, кто может.

Но как? Как он догадался?

Это я себя чем-то сдала?!

Вдруг он звонил Кате, спросить, действительно ли я ночью у неё? А она...

Она была не в курсе моих авантюрных шагов во взрослую жизнь и сдала меня со всеми потрохами, сама того не ведая.

Да нет же, у него нет ее номера телефона.

Или все же...

В голове проносится столько идей, что я, кажется, могу податься в сценаристы триллеров.

И, как назло, Янки сегодня нет дома. Наша чудо-женщина-мать сумела развести отца на еще большую лояльность к ее адской сущности. С недавних пор сестре разрешается оставаться у этой особы не только на выходных, но и в будние дни.

Собравшись с духом, поправляю зачем-то толстовку, приглаживаю волосы, будто вид более прилежной дочери мне поможет. Склонив голову в позе раскаяния, иду на кухню.

Не знаю, ожидаю ли найти на столе ремень, за который схватится отец и горько скажет: «Не так я тебя, дочь, воспитывал!» или, может, замахнется на меня половником, в сердцах восклицая: «Развратница!»

Но застаю совсем иную картину.

На столе разложены мои любимые кушанья. Творожные кольца аккуратно лежат на тарелке, варенье из инжира в стеклянной корзиночке, отдельно разложены печенья с йогуртовой начинкой — они безумно вкусные, но покупать их можно исключительно по акции, иначе кусачая цена. А еще стоят две чашки с чаем, успевшим окутать кухню приятным ароматом смородины.

— Присаживайся, дочь, — приглашающим жестом папа указывает мне на стул. Двигаюсь к указанному месту и задаю очевидный вопрос:

— Мы что-то празднуем?

Вряд ли, узнав, что их дочери лишились девственности, отцы покупают дочерям творожные кольца, — ехидно замечает внутренний голос.

Ну, а вдруг? — спрашивает в ответ моя, наверняка, более тугодумная сторона.

Папа улыбается и качает головой.

Первые глотки чая мы делаем в полной тишине. Затем он заботливо кладет на мою тарелку творожное кольцо и с нежностью говорит:

— Ты у меня такая умница, дочь. Никогда не давала мне повода беспокоиться. Я всегда был в тебе уверен. Всегда знал, что ты и уроки сделаешь и бабушкам с младшей нашей поможешь.

А ты взяла и по наклонной пошла... — внутренний голос не остается в стороне, но я усиленно запикиваю кляп в его рот. Затем провалью пытаюсь подражать ангельскому взгляду Янки и поднимаю на папу глаза.

— Ты, извини, если не смог дать тебе нормального детства, Кноп.

— Пап, ты же ничем не болен, правда? — сериалы баб Риты усиленно маячат в памяти.

— Да, здоров, вроде — озадаченно хмурится родитель, и я немного успокаиваюсь. Но расслабленность недолго плещется внутри. В следующую секунду отец неожиданно снова выдает пугающие реплики.

— Иногда, дочь, в жизни каждого происходят изменения. Это вполне нормально. Люди порой расстаются...

Он узнал о нас с Димой и хочет, чтобы мы перестали встречаться?

Но как выяснил?

Почему?

— Я долго думал, и считаю, что это пойдет на пользу вам обоим. Поверь, мне данное решение тоже далось не легко. Ты только, пожалуйста, не нервничай.

Обоим? О чем он вообще говорит? Ничего не понимаю.

— Пап, я совсем не могу взять в толк, что ты имеешь в виду?

— Твоя мама попросила забрать нашу Янку к себе. Я дал согласие. Ее муж все устроит. Твоя сестра сможет пойти в школу в Англии. Она у нас тоже неглупая девочка, быстро освоится.

— Папа, нет! — я вскакиваю с места. В теле нет больше ни тревоги, ни смущения, одна клокочущая в каждой клеточке волна возмущения, — О чем ты говоришь? Зачем отдавать этой недалекой нашу Янку?

— Не говори так о маме. Она со своим новым мужем сможет дать Яне гораздо больше, чем я. Не кипятись ты так сразу. Я и о тебе подумал. У тебя появится больше свободного времени. Ты у меня девушка молодая, а так редко куда выходишь, чаще с сестрой сидишь, будто я не знаю. Но если вдруг, — он опускает нерешительно глаза, — Также захочешь уехать с сестрой, то мама будет только рада... и я буду не против...

— Папа, даже не произноси такое! Я от тебя никуда не уеду! Даже если ремень достанешь! Избавиться от меня решил? Так вот, знай, не получится.

Он смотрит с такой щемящей сердце радостью, что я еле сдерживаю наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Меня устраивает сидеть с сестрой! — зло продолжаю я. — И мелкая обидится на тебя, если ты ей такое предложишь! Она тебя точно не простит!

Папа поднимает на меня глаза. В них плещется грусть, которая обжигает и бьет меня.

Слегка улыбнувшись, очень тихо произносит:

— Она сама меня об этом попросила, Кноп.

— Антон, немедленно отойди от салата! — долетает до нас с кухни крик тёти Дины, несмотря на то что мы сидим в комнате Ника за плотно закрытой дверью.

— А я ещё в детстве говорил, что его надо проверить на наличие глистов, — философски замечает мой лучший друг, почесывая свой подбородок, — Это помогло бы существенно сэкономить семейный бюджет, если бы меня вовремя послушали родители. — уверенный голос на миг отгоняет неприятные мысли, и я широко ухмыляюсь.

— Я серьезно. Ты же знаешь, сколько он жрет. Не пойму, где напутали, но он должен был родиться предводителем саранчи.

— Ты за эту саранчу любому морду набьёшь.

— Это не отменяет того, что я не могу глаголить истину. — Ник тянется к своему телефону, берет его в руки, а затем что-то спешно начинает печатать. — Если согласишься на ту ересь, которую мне только что рассказал, я тебя сожгу на собственном костре разочарования. Как Филипп Красивый сжигал Жака де Моле.

— Думаешь, мне самому приятно на такое соглашаться? — со злостью цежу слова и откидываюсь на спинку дивана. — Да я был готов послать и его, и ее этот...

Ник отрывает взгляд от телефона и смотрит на меня исподлобья.

— Не надо посылать своего отца в лунные долины, друг мой. Почему у тебя мозги в тактически важные моменты часто отключаются? Ты точно лучший студент нашего универе? Может, Киринов питает слабость к твоим волосатым ногам, потому и прикрывает, когда тупить начинаешь?

— Да пошёл ты! — он ловит, кинутый в него мяч, как раз в ту минуту, когда дверь в комнату открывается, и на пороге появляется фигура тети Дины.

— Мальчики, все за стол! — улыбаясь, говорит она и снимает с себя фартук, на котором красными нитками вышиты спелые томаты. — Димочка, мы очень рады, что ты сегодня ужинаешь вместе с нами. Давно тебя не было видно, мы с дядей Валерой сильно соскучились.

— Мам, а ты уверена, что оставлять своего младшего сына один на один с едой, верное решение? — скрывая ухмылку, серьезно интересуется Ник.

— Можно подумать, сам ты питаешься, будто фитоняшка? — сразу огрызается появившийся за спиной матери Тоха. — Ты, между прочим, весишь больше меня.

— Фитоняш. — поправляет его старший брат, вставая со своего места. — Не забывай, что я выше тебя, и у меня кость тяжелая. А у тебя, Тох, сам знаешь, жировые отложения накапливаются в местах, характерных для женского пола... Я же о тебе и переживаю.

— Да я тебе сейчас, Николос!

— Мальчики, немедленно прекратите! — очередной раунд боев братьев Авериных останавливает уверенный голос их матери. — Ники, хватит дразнить брата! Я вас не так воспитывала! Вы должны быть друзьями и опорой друг для друга!

Тоха усмехается и самоотверженно показывает брату язык, стоя за спиной тети Дины.

— Мам, мы же шутим. Ну чего ты? — мой друг обезоруживает свою родительницу одним ласковым объятием, и та мгновенно тает. — И тебя я люблю, мой маленький бегемотик. — фраза к брату звучит скорее для усыпления бдительности тети Дины, так как левой рукой он молниеносно отвечает тому щелбан.

— Алло, гараж, вы есть идете? — доносится до нас звучный бас дяди Валеры, — Я тут помру, пока вас дождусь! Димка, беги от них ко мне. Они пока разбираться между собой будут, мы с тобой хоть поедим спокойно.

Раньше я часто зависал у Авериных, а братья у меня. Тогда я не видел разницы в наших семьях. Мы тоже собирались вечерами, у нас тоже имелись свои шуточки и игрища. Но с уходом отца все как-то резко изменилось.

Конечно, мы с матерью старались создать все возможные условия для мелочи, чтобы она не чувствовала недостатка любви или внимания, но, как бы я сам не скрывал от себя, мне самому не хватало отца.

Я ненавидел его всем сердцем и считал первосортным говном. Но что-то в груди ныло. Особенно в те моменты, когда дядя Валера шутил за столом над своими сыновьями или надо мной, или, когда тетя Дина смешно фыркала и ругала своего супруга.

Первое время после развода я часто пропадал в их доме. Они щедро дарили мне все те эмоции, которых мне отчаянно не хватало. Обволакивали атмосферой радушия, будто я их родной третий ребенок.

Но однажды мне стало стыдно. Стыдно перед мамой.

Получалось, будто я бежал из дома и находил себе утешение, оставляя ее одну. И, ясно осознав это однажды, я стал приходить к Авериным намного реже. Вместо этого старался все свободное время развлекать двух своих женщин: одну маленькую и одну большую, которая всегда умело держала ради меня лицо.

— Что у тебя нового, Димка? — спрашивает дядя Валера, пока тетя Дина накладывает мне рагу. И она же с гордостью отвечает своему мужу:

— Димочка у нас, как и всегда, один из лучших студентов! Гордость вуза!

— Скажете тоже, тетя Дин, — улыбаюсь я.

Слюни от ароматов, исходящих от приготовленных блюд, собираются во рту.

— Вот Димка наш молодец! Не то, что эти твои оболтусы. — ухмыляется ее супруг, хотя братья тоже хорошо учатся и к ним редко бывают претензии. — Двух троглодитов вырастила.

— Они такие же мои, как и твои. — ласково кидает в него тетя Дина. — Димочка, возьми еще салата, а-то сейчас Антошка все съест.

— Ради правды, стоит отметить, что троглодит у вас один. — ухмыляется Ник. — А вот с первым ребенком вам несказанно повезло. Такой красавчик получился, к тому же умный.

— Когда я открою свое кафе, — с набитым ртом грозитя Тоха. — То буду считать ваши порции! Помяните мое слово.

Я громко смеюсь вместе со всеми, а затем мои мысли вновь возвращаются к недавнему разговору с отцом.

Он вызвал меня к себе в кабинет и, сидя на кожаном кресле, вальяжно объявил:

— У Вали скоро день рождения. Ты, наверняка, помнишь. Она мечтает устроить небольшой праздник и пригласить только самых близких. Я хочу, чтобы она осталась довольна вечеринкой.

— А я тут причем? — непонимающе спросил я.

— Ты ее лучший друг. Вы общаетесь с самого детства. Она вначале стеснялась и не хотела тебя просить. Убеждала меня тебя не дергать, но все же призналась, как будет рада, если именно ты организуешь для нее праздник.

— Это тупая шутка? — криво усмехнулся в ответ на его слова. — Я тебе не фея-крестная. И в этом участвовать не собираюсь.

— Ты мне тут не дерзи. — вмиг переменился отец. — Тебе на карту каждый месяц капает приличная сумма. Считай, что в этом месяце будешь отрабатывать. Встретишься с Вале́й, выкажешь радостное согласие и обсудишь детали праздника.

— Это все чего изволит, барин?

Он нахмурился. Ему никогда не нравилось это обращение. А мне не нравилось то, как он поступил с нами. Взял и перечеркнул.

— Все. Можешь идти. И смотри, не подведи меня.

— Зачем тебе это? — спрашиваю у Вали, когда она опускается на стул напротив меня, а затем вскользь изучив меню, чарующе улыбается официанту и просит принести ей лавандовый латте и малиновый чизкейк.

Я уже не тот наивный идиот, чтобы верить в то, что Ивлина нуждается в поддержке и помощи Ветрова младшего. Прозрев, я осознал, как искусно «моя подруга» умеет добиваться желаемого. И при этом не чурается использовать любые подвернувшиеся под руку возможности.

После их свадьбы мы с ней не общались. А тот факт, как она напела отцу в уши про нашу старую дружбу говорит о том, что я понадобился ей не просто так. Но, возможно, она пока не до конца осознает существующую разницу между мной тогдашним и сегодняшним. Тогда я был готов выполнять любой ее каприз, сейчас же это вызывает внутри лишь отторжение.

Валя неторопливо поправляет свои волосы, в которые я когда-то мечтал зарыться и блаженно вдыхать их запах, а потом поднимает на меня огромные бездонные глаза. Смотрит тепло, с примесью неподдельного удивления. Из-за чего резко вспоминаю кинутую однажды Ником фразу:

«Даже Станиславский мог бы крикнуть ей: «Верю!». Но как жаль, что талант не отменяет сучьей натуры. Занавес, господа слепцы, бегите, иначе самка богомола прокусит всем вам головы».

— Я не понимаю, о чем ты, Димочка. — нежная улыбка появляется на ее лице, а затем Ивлина начинает слегка покусывать свою нижнюю губу.

Сложно сосчитать, как часто я когда-то представлял ее рот на своём члене, пока нещадно дробил в ванной.

Раньше один только мимолетный взгляд на эти пухлые губы мог привести меня в полную боевую готовность. А сейчас я не испытываю ровным счетом ничего. Разве что — брезгливость.

Картина того дня, когда мой отец ее драл, оказалась для меня невыносимо горькой, но в то же время отпечаталась удивительно действенной пилюлей. Вмиг вытравила из организма вирус, которому я не смел сопротивляться много лет.

А ведь она, наверняка, ему сосет.

Эта мысль вызывает незапланированный рвотный позыв. Опускаю глаза к своему кофе.

Отвратительно.

Даже немного парадоксально.

Как порой то, что казалось тебе верхом блаженства и недостижимым идеалом, вдруг оказывается протухшей вонючей лужей, которую хочется обойти за километр.

— Я просто хочу устроить небольшой праздник. В голове столько идей, она идет кругом. Я не очень хотела тебя напрягать, но так рада, что ты согласился.

— У тебя немного неточные данные. — поправляю ее я. — Я не соглашался. К тому же у меня сейчас большая загруженность в университете. Помочь тебе с организацией твоего дня рождения я вряд ли смогу. Думаю, ты сама это все прекрасно понимаешь и прекрасно справишься без меня. — спокойно говорю я.

Предпочитаю сразу расставить все точки над "i", чем вести никому не нужный диалог.

Где-то в глубине души наивно надеюсь, что ее совесть поможет ей достойно принять мой отказ.

— Ах, даже так. — улыбка сходит с красивого лица. Если бы я не знал Ивлину, поверил бы, что она сильно расстроена в эту минуту. — Я понимаю, как важна для тебя учеба. Если хочешь, мы можем как-нибудь вместе позаниматься. Но, может, тебе все же удастся выкрасть для меня немножечко времени. Я без тебя совсем не справлюсь. Ты мой самый лучший друг. Хотя, кого я обманываю... Ты гораздо больше, чем просто друг. Ты мне ближе всех вокруг, разве ты не знаешь? — голос приобретает соблазнительную тональность, ресницы трепещут.

Валя опускает свою ладонь на мою руку. Наблюдаю за тем, как тонкие пальчики начинают нежно гладить мою кожу.

Это старый прием. Наживка, которую я глотал, превращаясь в рыбу-осла. Она всегда говорила, что ближе меня нет никого в целом свете в те моменты, когда я позволял себе немного отдалиться или вдруг не сиюминутно соглашался на какие-то ее прихоти.

Раньше Ивлина смотрела мне в глаза и мигом плавила мои внутренности и волю, сметая любые сомнения.

Но это было когда-то очень давно. Ощущения, словно с тех пор прошло не несколько лет, а несколько жизней.

— И даже ближе твоего мужа?

Она чуть медлит с ответом, но все же говорит мне тихо:

— Такой особенной связи, которая между нами с тобой, Дим, не будет ни с кем.

Наклоняюсь к ней через стол и ласково говорю:

— Валюш, знаешь, чего хочу?

Она тоже склоняется и внимательно слушает.

— Хочу, чтобы ты мне отсосала.

Женские глаза напротив моих на секунду расширяются. Но я не вижу на прекрасном лице ни тени смущения или банального возмущения. Уголки идеальных губ трогает улыбка. Довольная. Мне уже заранее известен ответ, но я должен пойти до конца. Разбить последнее стекло на пути к воздуху.

— Прямо здесь, в туалете, встанешь на коленочки?

Она улыбается уже чуть шире. Мне никогда не понять, как ей удаётся так умело сочетать невинность с пороком, но, облизнув губы, моя искорёженная мечта, согласно кивает и победно говорит:

— Ты же понимаешь, что и в другие наши встречи мы можем приятно проводить время.

Убираю от нее свою руку и холодно замечаю:

— Это неверный ответ.

Достаю из кармана удачно завалывшуюся наличку. Оставляю на столе сумму, которую с лихвой хватит не только на оплату счета, но и на чаевые официанта.

— Передай, пожалуйста, моему отцу, что манеры его жены вынуждают меня брезговать и я склонен отказаться от заманчивого предложения.

Секунда.

Ровно столько требуется девушке, которой я грезил, чтобы из милой феи превратиться в стерву.

«Неужели ты не видишь ее настоящую? — кажется, Аверин старший прочно засел в моей голове со своими репликами относительно Вали.

Теперь отчётливо вижу, — так я мог бы уверенно ответить ему сейчас, если бы Ник стоял рядом.

— Ты можешь сильно пожалеть, Димочка. — Ивлина берет чашку и спокойно делает глоток кофе. Хмурит свой маленький носик. — Не боишься потерять все дорогие игрушечки и шуршащие бумажки, которыми так привык разбрасываться? — ее взгляд, как бы намекая, останавливается на оставленных мной на столе деньгах. — Папочка может закрыть золотые краники.

— Можешь ему в этом помочь, если желаешь, отговаривать не стану.

— А о Вере с Лизочкой ты подумал?

Последняя надежда, что она не такая сука, рассыпается. Чувствую ее хруст под обувью. Я реально дурик, как часто любит повторять Ник.

К счастью, он награждает меня данным сомнительным званием исключительно во время частных бесед.

Встаю с места и отвечаю единственное, что давно хотел ей сказать:

— Моя мать для тебя не Вера, а Вера Игоревна. И если ты ещё раз позвонишь ей или моей младшей сестре, я найду интересные темы для диалогов с отцом. Ой, чуть не забыл свой телефон. — беру в руки мобильник. — Оказывается, работал диктофон, представляешь. Не помню, чтобы его включал. Интересно, он записал весь наш разговор?

— Ты мне угрожаешь? — злобно взрывается Валя.

Ее лицо искажается маской гнева. Но один мимолетный взгляд на сотовый в моей руке, и она миг меняет и голос, и интонацию.

— Ты мой лучший друг? Мы дружим с детства, Дим... Чем я заслужила подобное к себе отношение...

— Мы с тобой давно не друзья. — обрываю, не желая слушать дальше всю эту фальшь. — И, наверное, никогда ими не были. А теперь, пока, Валя.

— Дима! — разъярённо кричит она мне вслед, но я уже открываю двери кафе, выхожу и жадно вдыхаю холодный воздух улицы.

Стоит мне сесть в машину и завести двигатель, как начинает звонить телефон. Экран мобильного, который лежит в моей руке, сообщает: Мама.

Провожу по зелёной кнопке большим пальцем и прикладываю трубку к уху, одновременно начиная выезжать с парковки.

— Привет, мам.

— Привет, сыночек. Вы уже встретились? — ощущаю сильную взволнованность в ее голосе. — Я не вовремя?

— Мам, ты всегда вовремя. И мы с Ивлиной уже закончили. Поверь, тебе совершенно не о чем переживать.

Два дня назад у нас с мамой состоялся важный, как мне кажется, для нас обоих разговор.

Я сидел без света в своей комнате. Наушники в ушах, полный раздрай в голове. Темная клякса, кинутая в меня однажды отцом, сильнее расплзалась внутри. Давила и мешала дышать. А я пытался, как и много раз до этого, отогнать ее от себя. Глушил песнями, выливал на неё отбеливатель, но она, усмехаясь, впивалась сильнее и проползала в кишки.

Мама зашла в комнату и села в кресло напротив меня. Молча протянула руку. Я снял один из наушников, протер его краем футболки и вложил в её ладонь.

Вместе мы прослушали ещё три композиции.

Мама задумчиво смотрела в окно, а я наблюдал за ней и думал, что она в свои сорок пять лет даст фору многим молоденьким девушкам.

В очередной раз осознавал, какое все же дно мой отец, раз бросил ее. Любящую, красивую, добрую, понимающую и успешную в карьере женщину. Променял на ту, которая готова с улыбкой отсосать его сыну в туалете.

В ту минуту я вдруг подумал, что не знаю, кого в действительности в этой ситуации следует жалеть.

Отца, который, я уверен без-пяти-минут-рогоносец, если не уже, или маму. Углубиться в размышления не удалось. Мама сняла наушник из уха и тихим голосом расколола окружившую нас тишину.

— Твой папа звонил мне сегодня. Мы немного поговорили. — она кинула на меня взгляд и вздохнула. — Мне известно о просьбе его новой жены. — свет бледной луны осветил ее грустную улыбку.

— Мам, я...

— Мне казалось, что я поступаю правильно, когда прошу тебя общаться с отцом. Ведь то, что мы с ним разошлись, вовсе не означает, что и вы с Лизой должны перестать с ним видеться или поддерживать связь. Он, отдать ему должное, продолжает исправно ежемесячно переводить нам существенные денежные суммы и оплачивает любую прихоть твоей младшей сестры. — она потёрла наушник в своих пальцах и вложила его обратно в мою руку.

— Прости меня, сынок. Я не хотела быть эгоистичной, но, выходит, именно такой я и была, каждый раз упрашивая тебя выполнять просьбы Виктора. Мне стыдно признать, но мне, должно быть, нравилось оставаться немного слепой и не верить, что ты что-то испытывал к Вале. Когда вы учились с ней в школе, я пыталась спросить тебя о ней и о твоих

чувствах, но ты всегда усиленно начинал отпираться. Сразу весь закрывался от меня. Уверял, что вы просто друзья и тут же менял тему. И я подумала, может, мне и правда только кажется. — она откинулась на спинку кресла и потёрла пальцами виски. — А сама она как-то сказала нам с твоим отцом, что ты влюблен в другую девочку. — еще один вздох, — Прости меня, Дим. Пожалуйста. Твоя мама обычная женщина и к тому же дура. Но понимаешь, я тоже любила ее. Как свою родную девочку.

Мы с ее мамой дружили с третьего класса. Ты и сам знаешь, я тебе рассказывала. И к Вале я относилась, как к дочери.

Несмотря на твои уверения, верила и надеялась, что однажды вы сойдётесь, и она осчастливит моего сына, но... она увлеклась твоим отцом.

Когда я начала замечать ее взгляды в его сторону, то убедила себя, что мне это только привиделось что я совсем уже сбрендила.

Снова наступила тишина.

Я смотрел на маму, на ее глаза, устремлённые куда-то в окно. Она была настоящей. Ее улыбка, когда она раньше болтала с папой за ужином, всегда лучилась искренней радостью.

Но тогда почему он променял ее на ту, которая любит только себя?

— Не соглашайся. — неожиданно произнесла в тот вечер мама. — Я по одному тому, как ты сидишь, вижу насколько тебя тяготит эта просьба. И, пожалуйста, впредь общайся со своим отцом, если только сам этого захочешь, а не потому что тебя попросила слепая и дурная мать, сын.

— Он урежет деньги. — не посчитав нужным придумывать небылиц, произнёс я.

После моих слов она за секунду изменилась. Вся ее мягкость вмиг пропала. Лицо вместе с телом словно окаменели, застыли, обратившись на меня.

— Я ещё большая дура, чем полагала, раз мои слова о том, что твой отец посылает нам деньги, ты воспринял, как нашу обязанность выполнять все его нелепые прихоти.

— Мам, я не...

— Твоя мама тоже работает и неплохо зарабатывает. Возможно, мы не будем купаться в роскоши, но с голоду точно не помрем. Между прочим, меня сегодня повысили. А ещё не забывай о квартире моего отца и о том, что у твоей недалекой мамы имеются сбережения.

— Вряд ли недалекую женщину назначили бы директором. — улыбнулся я. — Но какое повышение тебе дали? Другое направление, ты больше не HR?

— Нет, все ещё HR, но теперь под моим руководством не только Москва, но и Питер. — самодовольно ухмыльнулась она.

— А почему за ужином нам не сказала? Почему не праздновали? — спросил и сразу сам все понял без лишних разъяснений. — Чтобы Лиза не начала увеличивать свой и без того увесистый соц пакет?

Она виновато пожала плечами, и мы оба начали смеяться.

Затем мама встала со своего места, подошла ко мне, обняла, и, поцеловав в макушку, с теплом сказала:

— Мне очень повезло, что у меня такой умный сыночек. Ты самый красивый мальчик на свете. Хотя, ты у меня уже мужчина. Ложись спать и знай, что я всегда на твоей стороне. И ради тебя и Лизы твоя мама способна на очень многое. Люблю тебя, милый.

— И я тебя, мам.

— А почему тогда не знакомишь меня и сестру с девочкой, с которой ты встречаешься? — этот вопрос застал меня врасплох, поразил сильнее предыдущей темой, и я

удивленно посмотрел на неё. — Честно признаюсь, это твоя сестра как-то вычислила, не я. И мы теперь обе ждем, ждем и ждем.

— Познакомлю, — улыбнулся в ответ, — Только чуть позже. Она тебе понравится.

— Должна предупредить, наша Лиза уже немного ревнует. Сказала, что, наверняка, ты нашел себе ужасно толстую девушку с кругами под глазами, раз называешь ее пандой.

— Мне кажется, она установила на мой телефон подсушивающее устройство.

— Зная свою дочь, я ничему не удивлюсь. — еле сдерживая смех, она пожала плечами.

*

— Мам, я не согласился. И соглашаться не собираюсь. — слышу, как она облегченно выдыхает на другом конце провода, и мне становится непередаваемо радостно, что она на моей стороне. Слово с плеч упал огромный камень, который больше не надо нести, опустив в отчаянии свою голову.

— Отлично! Ты домой едешь? Подогреть тебе ужин?

— Нет, я заеду к девушке. Не знаю пока во сколько вернусь. Не ждите меня.

— Удачно вам провести время, — она произносит это таким голосом, что мне хочется немедленно сбросить звонок.

— Мам!

— Ты же предохраняешься, да? — вдруг озабоченно спрашивает.

— Мам! Все, я вешаю трубку. Пока.

— Целую! Не сердись.

Закончив разговор, тут же набираю Миле сообщение.

Ветер: Соскучился. Сможешь выйти ко мне, если приеду?

Мила: И чем мы будем заниматься?

Ветер: Будем совращать тебя в машине.

Мила: Хммм...

Ветер: Через полчаса жду.

Мила: Я не дала согласия!))))))

Ветер: Покусаю, если опоздаешь

Мила: Это угроза?)

Ветер: Предупреждение, Пандочка)

— И куда это ты в такое время собралась? — этот компрометирующий вопрос задаёт не папа, который сидит в гостиной и спокойно смотрит телевизор.

Он своей дочери-кнопке доверяет, а вот Янка, решившая уехать к нашей недалекой маме, и отказывающаяся отвечать на мои вопросы или умело прикидывающаяся глухонемой, когда ей неинтересна тема, стоит в прихожей и с любопытством поглядывает на меня.

— В магазин. — надевая пальто, безапелляционно отвечаю я.

— А этот магазин находится не в той чёрной машине, которая стоит внизу? — мелочь показательно понижает голос, делая шаг ко мне, — Смотрела в окно на кухне и вижу, подъезжает знакомый пепелац.

— Снова словечки бабы Риты используешь? — также переходя на шёпот, уточняю у маленького Эркюльчика.

— Нет, так говорит папа моей подруги Даши. — выразительно окидывая меня новым оценивающим взглядом, сообщает мелочь. — Коричневый шарф тебе больше подойдёт, чем этот синий.

Притормозив около зеркала, прикладываю к шее одобренный вариант мелкой и нехотя признаю, что Янка права.

— Спасибо тебе маленькая мисс модный приговор. — быстро меняю шарф и берусь за ручку двери. — Все, я пошла.

— Мороженое мне купишь? — тут же прилетает в спину, стоит мне сделать шаг за порог. Мой возмущённый взгляд сестра принимает с поистине хладнокровным спокойствием, к тому же ухитряется уточнить, — Ну, ты же в магазин идёшь... Или нет?

Напоминаю себе, что это я старшая сестра. Старшая и обиженная, между прочим, сестра. А потому, игнорируя провокации этой мелкой шантажистки, выхожу из квартиры.

*

— Чем тебе грозит твой отказ быть организатором вечеринки? — спрашиваю у Димы после того, как он рассказывает о своей встрече с мисс совершенное-зло-Валентиной.

Что-то мне подсказывает, история, которую я только что услышала вряд ли является полной режиссерской версией. Скорее всего, она претерпела безжалостный монтаж и урезана в нескольких местах, а мне предоставлены лишь сухие факты. Но, кажется, я этому даже рада.

Внешность мачехи моего парня и знание о том, что раньше Ветров испытывал к ней чувства, любую девушку могли бы заставить волноваться и ревновать. И я не буду кривить душой, утверждая, что мне было плевать на их встречу или же совсем не возникало желания позвонить ему и спросить, не тянет ли она к нему свои порочные ручки. Но я стойко держалась, так как доверяю своему уже-не-извращенцу. Не могу не доверять, когда он так крепко прижимает меня к себе и жадно целует.

— Ну, — слегка отстранившись, беззаботно улыбается Ветров, — Теперь отец перекроет мне золотые краны своей щедрости и мое финансово беззаботное существование пошатнется. Проще говоря, я стану нищим. — изображает якобы серьезное выражение лица, — Ты сможешь встретиться с бедняком, Пандочка?

— Ну, я, конечно же, с тобой из-за денег. — сразу включаюсь в игру.

— Так и думал. — вздохнув, тихо отвечает этот ужасный человек и получает от меня

кулаком по плечу.

— Но, если не ошибаюсь, ты говорил, что твоя квартира и машина оформлены на тебя, поэтому жизнь на улице тебе не грозит. К тому же, вторая причина по которой я с тобой — это твои мозги. А с ними, я более чем уверена, ты с легкостью устроишься в хорошую компанию и начнешь неплохо зарабатывать.

— Веришь в меня, моя Пандочка? — с довольной улыбкой уточняет Ветров, пока его руки бесстыдно гладят мое тело под кофтой и лишают последних крох спокойствия.

— Да-а, — с придыханием отвечаю, когда мужские пальцы начинают ласкать грудь. Неспешно и нежно. Заставляя закрыть глаза и самой потянуться к его губам. Но в голове мелькает воспоминание, и я быстро отстраняюсь. Поняв причину моего беспокойства, он спокойно говорит:

— Мы стоим на парковке. Кругом темно, к тому же окна в машине тонированы. Доверься мне, Милка, нас никто не увидит.

— Нас тогда видела моя сестра с ба!

— Тогда мы были возле твоего подъезда. А сейчас находимся довольно далеко от твоего дома. К тому же, мы на заднем сидении. Вокруг темень и ни души, Пандочка. Иди ко мне.

Дима находит мои губы своими, проникает в рот языком, и по телу пробегают взволнованные мурашки. Понимаю, что совершенно не способна сопротивляться или протестовать.

*

Домой я возвращаюсь довольная и окрыленная. Заранее, еще в лифте, договариваюсь с совестью, что сегодня не буду себя ругать за ложь папе и на днях обязательно подумаю над тем, чтобы рассказать отцу о Диме.

Естественно без упоминания некоторых подробностей. Но все же обозначить в моей прекрасной студенческой жизни наличие парня все же стоит.

Прохожу в комнату сестры и поднимаю вверх руку, в которой лежит мороженое. Мелочь радостно вскакивает со своей кровати и несется ко мне.

— Ты лучшая сестра на свете! — говорит Янка, забирая из моих рук эскимо.

— А ты коза-егоза. — улыбаюсь я и из моего рта само вырывается. — Тебе так плохо со мной и папой, что ты хочешь уехать с матерью?

Моя младшая сестра замирает и опускает глаза.

— Мне с вами очень и очень хорошо. Но, если я уеду, вам будет лучше. Я все продумала. Неужели ты не понимаешь? Ты же сама говоришь, что я ем больше всех, даже больше папы...

Сегодня с самого утра, я то дико нервничаю, то ошалело улыбаюсь. Ожидаю, что совсем скоро мои лицевые мышцы дадут сбой и перестанут понимать, когда и как им следует реагировать.

Сначала я волновалась из-за нашего с Димой проекта.

Конечно же, я понимала, что мероприятие будет касаться не только нашего вуза, но все же не ожидала увидеть такое большое количество студентов в актовом зале. Несмотря на поистине огромный размер аудитории, далеко не всем хватило мест. Некоторым пришлось ютиться на лестнице, а кому-то приносили дополнительные стулья, но никто при этом не выглядел недовольным. На лицах каждого присутствующего мелькала улыбка предвкушения.

Двигаясь к нашим рядам, я не раз мысленно благодарила Киринова за то, что в его гениальную профессорскую голову не заглянула мысль назначить выступающими прикрепленных к старшекурсникам первокурсников.

А вот моего парня, видимо, совершенно не трогал тот факт, что зал буквально готов разорваться от нахлынувшего потока зрителей. Экс-извращенец ни разу не показал хотя бы маленькую толику нервозности. Шел рядом абсолютно спокойный, как удав. И к моей радости не замечал заигрывающих взглядов, которыми кидались в него не в меру активные девушки. Постыдились бы так пожирать глазами чужих парней.

Остальных участников мы прослушали в компании братьев Авериных и Кота. Ветров беззаботно смеялся над саркастичными шутками и комментариями старшего арийца, а также сжимал мою руку в своей ладони, тем самым снижая степень моей непонятной для самой себя тревожности. Я даже таблеточку глицина под язык положила.

И надо ли говорить, что вся моя глупая взволнованность оказалась совершенно напрасной?

Мой секси-наставник, оказавшись на трибуне, сумел мигом завоевать все внимание аудитории, получить восхищенные перешептывания девиц — которых я не одобряла — и собрать бурные овации, словно мы с ним изобрели финансовый коллаيدر, способный нивелировать все возможные на мировом рынке риски. К ни го ед . нет

Киринов был определенно доволен происходящим. Сразу после тур-слёта разноплановых ботаников, он вызвал в свой кабинет Ветрова, Нестратова и Ольшанскую. Мы провожали взглядами их спины.

— Удовлетворен своими котятками, — добродушно хмыкнул Ник. — Будет им пузико чесать.

Но это все было днем. А сейчас я нахожусь в своей комнате. Расхаживаю из угла в угол, будто меряю пространство. И это действие настолько сильно меня захватило, что я, кажется, потеряла счёт не только затянувшимся в бесконечное ожидание минутам, но и шагам.

— Хватит отвлекать меня от чтения. — заявляет мелочь, устроившаяся на моей кровати с новым комиксом о Лариэле. Книжку ей чуть ранее вручил мой пришедший к нам в гости парень. — Вряд ли папа его убивает на кухне. Он же добрый. Ну, может, только запрещает вам двоим целоваться.

Если спросить меня, какую оценку я поставлю своей сестре в умении утешать и успокаивать, то на шкале от одного до десяти, я без раздумий поставлю тройку с минусом.

— Ты меня, по-твоему, так подбадриваешь?

— Баба Рита говорит, что надо всегда надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. А бабушка Наташа, что лучше сразу достать пистолет и отстреливать.

— Кого отстреливать? — сощурившись, уточняю я.

— Этого она не говорит, — не поднимая глаз от комикса, произносит Янка и философски заключает. — Говорит только, что сама пойму, когда вырасту.

Надо провести с обеими бабушками серьезные пояснительные беседы — думаю я, как раздаётся стук в дверь моей комнаты, а следом за моим быстрым криком: «Войдите» — на пороге появляется Дима.

Он проходит в комнату, чуть прикрывает за собой дверь, и я пытаюсь, как в фильме «Обмани меня», считать его эмоции по лицу. Не найдя признаков испуга и впадения в многовековую депрессию, немного успокаиваюсь.

— Как тебе книжка? — включая кавайную улыбку, спрашивает у моей сестры Ветров.

— Она восхитительна! — очаровательно смущается мелочь и спрыгивает с бессовестно оккупированной кровати.

— Моей младшей сестре тоже понравилась новая история его приключений. Я, кстати, рассказывал ей о тебе и о Миле. У вас с ней, как мне кажется, много общего, вот я и подумал, а что если мы как-нибудь сходим вчетвером в парк развлечений или посидим в кафе, где продаются самые вкусные сладости?

Янка бросает в меня взгляд «что-мне-ответить»? И я тут же глазами информирую, что она вольна решать без моих подсказок.

— Было бы здорово. — улыбается мелочь, демонстрируя свои маленькие белые ровные зубки.

— Отлично. Тогда мы договоримся с твоей сестрой об удобном для всех времени и сходим.

— Класс! Пойду расскажу папе! Ура! — с этими словами Янка радостно выбегает из комнаты.

И пока этот маленький метеорит не передумал о своём уходе, я тут же закрываю за ней дверь, а в следующую секунду оказываюсь в объятиях Димы.

Прерывая последующий поцелуй, задаю волнующий меня вопрос:

— Что сказал папа? О чем вы говорили? Почему так долго?

— Мы общались всего-то минут пятнадцать, Пандочка. И он сказал то, что должен говорить хороший отец, переживающий за свою дочь.

— Он не против наших встреч?

— Нет. Но он против того, чтобы мы так рано начинали жить вместе. Я попытался пару раз начать эту тему, но он был абсолютно непреклонен.

— Ты все же решился спросить его об этом? — с ужасом уточняю я, прикрывая рот ладонью. — Но теперь он сможет догадаться, что я... Ну, что мы...

— Он тактично намекнул, что твоих частых выходных ночёвок у Кати пока вполне достаточно. Так, что думаю он уже давно догадывался, и тебе не о чем переживать.

— Как же стыдно...

— Почему? Мне кажется, мы с ним хорошо пообщались. И я бы очень хотел познакомить тебя со своей мамой.

— А ещё сводить наших сестёр в парк развлечений?

— Да. Заодно отметим отказ твоей мелочи переезжать жить к вашей матери.

— Она все равно поедет к ней на все лето... — надуваю щеки я.

— Мать нужна твоей сестре, Милка. — улыбается Дима, целуя меня в висок.

— Ты говоришь точно, как папа.

— Говорю же, мы с ним поладили.

Он садится на мою кровать и, притягивая меня к себе, опускает на свои колени.

— Сегодня такой сумбурный день, что я не понимаю, где нахожусь.

— Ты там, где должна быть. — хитро ухмыляется Дима. — На моих коленях. — снова целует, но уже в губы. Очень нежно и головокружительно сладко, а затем говорит то, отчего внутри начинают порхать самые прекрасные бабочки. — Я люблю тебя, моя Пандочка, очень сильно.

— А я люблю тебя, Ветров.

Эпилог 1. Мила

Если я думала, что меня мучили, когда готовили к выставке Азалеолдии, то я сильно ошибалась. Ко встрече с Димой и его сестрой Янка подошла с двойным усердием, тут уже сестре взялась не только за свой гардероб, но и за мой.

Меня безжалостно заставляли примерять платья, улыбаться и краситься. А потом со всей строгостью оценивали образ и безжалостно сообщали:

— Переодеваемся! И накрась, наконец, реснички!

Пару раз возникало желание проявить годами выработанные навыки старшей сестры, дабы прекратить безобразие. Но я не решалась прервать такой важный для мелкой момент.

Даже папа, который периодически заходил в комнату, тихо посмеивался и качал головой, а потом тут же покидал поле модного приговора, когда сестра с блеском в глазах предлагала ему поучаствовать в выборе нарядов.

Сама же юная стилистка переживала целую гамму эмоций. Она часто вздыхала, закатывала глаза, заламывала руки, горестно повторяла, что нам совершенно нечего надеть. Затем театрально кидалась на кровать и минуту молча над чем-то размышляла, чтобы в следующую секунду вновь подскочить и начать бешеной кометой нестись по комнате, собирая новый образ.

— Это же просто встреча, — совершенно уставшая произнесла я через каких-то два часа.

Конечно, на встречи с Димой я всегда готовлюсь и муки выбора тоже неоднократно посещают мою голову. Но теперь я понимаю, что мои муки в сравнении с Янкиными — это так, блажь.

— Это не просто встреча! — покачала головой мелочь, что-то с усердием ищущая в моем гардеробе, и огорошила заявлением, — Мы же идем на двойное свидание! Как ты не понимаешь.

И когда я начала громко смеяться, она соизволила вытащить свою голову из шкафа и с недоверием — даже, я бы сказала, с осуждением — посмотрела на меня.

Взгляд прямо прожигал вопросом «ты чего хохочешь?»

— Это не двойное свидание. — успокоившись, поправила ее я. — Двойное свидание — это когда вместе встречаются две пары. То есть, если бы мы шли вдвоем и Дима с каким-нибудь другом, тогда...

— Ты была бы с Димой, а я с его другом. — чересчур мечтательно улыбнулась сестра.

— Ну, что-то вроде. Но его друзья для тебя слишком взрослые. Разве нет?

— Я скоро вырасту. — спешно заявила мелочь и полностью потеряла интерес к шкафу. В пару прыжков она добралась до кресла, на котором я сидела, и устроившись на ручке, потянулась ко мне и обняла. — Я тебя очень люблю, знаешь?

— Знаю, и я тебя очень сильно.

— А как ты думаешь, когда я вырасту, я стану очень красивой?

Я сделала вид, что задумалась, но прекрасно понимала, что тянуть с ответом и играть с ожиданиями Янки нельзя, потому довольно быстро ответила:

— Конечно! Будешь ослепительной красоткой.

— Я тоже так думаю! — звонко и радостно воскликнула сестра.

Почти задушила меня в объятиях. А затем тихо и взволнованно задала новый вопрос:

— Он же в меня влюбится, правда?

— Янка, когда ты повзрослеешь, ему будет лет тридц...

— Нет-нет, — мне закрыли ладошкой рот, а большие глаза напротив моих наполнились мольбой, — Пожалуйста, не говори так. Ответ по-другому. — и шепотом добавила. — Как надо. Это сейчас очень важно, Милкусик-Кнопсик.

— Обязательно. — так же тихо, по-шпионски сказала я. — Тогда. Я не сомневаюсь, что бедолага просто голову от тебя потеряет.

Щеки мелкой вспыхнули румянцем, и она прижалась ко мне сильнее. Мы сидели так какое-то время. Я ласково гладила ее по голове и думала, интересно, как быстро она забудет об этом своем новом увлечении.

*

Встреча наших младших сестер началась совсем не так, как мы с Димой предполагали. После приветственных слов обе девочки гордо вздернули свои подбородки и окинули друг друга максимально пристальными и оценивающими взглядами.

Сложно сказать, что именно им не понравилось, но Янка вдруг крепко вцепилась в мою руку, а Лиза придвинулась ближе к Диме, как бы загораживая его своим телом.

А следом начался бешенный аттракцион.

Одна хотела побывать в чашечке, вторая требовала лошадь, затем как по команде их желания менялись. Они упорно отказывались кататься вместе и кидались кислыми рожицами. Я генерировала в себе хорошее настроение и постоянно пыталась начать с девочками общую тему, но они не шли на контакт. А если я вдруг дольше пары минут болтала с Лизой, то Яна тут же тянула меня к себе.

Ветров тоже разрывался на части. Сверкал своей кавальной улыбкой, пытаясь угодить сразу двум капризным маленьким барышням. И, если левые дамы, которым так и хотелось посоветовать маршруты для путешествий, сворачивали свои головы, то наши сестры лишь снисходительно посматривали на Диму.

Но тот не сдавался. Он самоотверженно выиграл для каждой из них по игрушке, купил по сахарному зайцу и выполнял любой каприз.

Однако все наши труды были напрасны, пока мы, полностью измотанные, не остановились возле целого батутного комплекса, выполненного в виде замка.

— Хочу туда! — синхронно произнесли наши сестры и тут же замолчали, сообразив, что их желание неожиданно совпало.

Дима оказался проворнее меня. Не дав девочкам времени передумать, он быстро оплатил вход и помог обеим разуться и подняться на батут.

Мы молча провожали две фигурки взглядом. А после того, как обе вошли в надувные ворота и скрылись в подрагивающем замке, я с тревогой обратилась к своему парню:

— Думаешь, это было хорошей идеей, пускать их туда вместе?

— Да. — ответил он, а следом крепко обнял меня со спины и начал покрывать мою шею поцелуями.

— А вдруг они поубивают друг друга? — обеспокоенно спросила я, прикрывая глаза.

— Иногда это способствует налаживанию контакта. — совершенно не успокоил наставник и прикусил мочку уха.

— Перестань ко мне приставать прилюдно!

— Тогда вечером ты едешь ко мне.

— Я не могу.

— Ты обязана. Я перенес стресс и мне жизненно необходима моя Пандочка.

Его сексуальный шепот сводил с ума. Он бережно повернул меня лицом к себе, мягко коснулся губ, и я чуть было совсем не потеряла голову, но все же мои принципы оказались сильнее. Или подействовали слова:

— Хорошо, сегодня у тебя. Но сейчас прекрати.

Экс-извращенец горестно вздохнул, но подчинился.

Взявшись за руки, мы купили в соседней палатке мороженого, обсудили новые пугающие идеи, возникшие у Киринова, и то и дело поглядывали на батурный комплекс. Время шло, а две бандитки никак не хотели появиться. И когда я уже решила сама полезть внутрь в надежде разнять бои, до нас долетели крики:

— Милка!

— Димка!

— Мы вам такое должны рассказать!

— Вы не поверите!

Наши сестры с горящими глазами бежали к нам. Но настораживало другое. Они крепко держались за руки. А когда оказались рядом с нами, начали буйными козочками скакать вокруг и спешно тараторить:

— Оказывается, у нас с Лизкой две половинки книжки про Остров Матч!

— Дима, ты представляешь?! Янка та самая девочка, у которой есть продолжение!

— Мила, понимаешь, что это значит?!

Мы с Ветровым улыбались, переводя взгляд с одной на другую, не представляя, что, пока они были порознь, нам доставались цветочки.

— Это значит, что сама судьба свела нас!

— А вы встретились для того, чтобы мы потом с Янкой могли познакомиться. — подсказала, если вдруг мы не осознали истины, Лизка.

— Аааа... — убедительно потянул Дима. — Так вы теперь подружки?

— Самые лучшие! — звонко ответили девочки. — Можно мы еще пойдём попрыгаем?!

— Можно. — дал согласие наставник.

Когда же они вновь радостно скрылись в надувном замке, я тихо шепнула:

— Ты не считаешь, что мы создали угрозу для мира?

— Думаю, мир будет нам благодарен. — громко рассмеялся Дима.

Эпилог 2. Ветров

Два года спустя

«Твой отец набухался в одной из вип-комнат «Триумфа» и влез в драку с охраной. Я вмешался. Конфликт исчерпан, но выглядит он паршиво. Подумал, надо тебе сказать»

Я смотрю на сообщение от Кота, и единственная мысль в голове велит — стереть.

После моего вежливого отказа прислуживать молодой жене родителя, отец будто сорвался с катушек. Я, по его словам, был неблагодарным юнцом, эгоистично думающем только о себе. От этих слов обида плескалась в груди. Хотелось рассмеяться ему в лицо.

Спросить, ничего ли он не перепутал? И неужели ни одна извилина в его мозгах не желает понять, что по-скотски поступил как раз-таки он с нами. С мамой, с Лизой и со мной.

Но Валенция, видимо, так умело затмила своей персоной его глаза, что кроме нее он не желал ничего замечать вокруг себя.

Я думал, он остынет и снова начнет звать меня на ковер для раздачи барских поручений. Но Ник, узнав про историю с диктофоном, который я, конечно же, не включал, предположил, что Ивлина сделает все от нее зависящее, чтобы наше общение с отцом скатилось к минимуму. И он снова не ошибся.

За два года мы с отцом перекинулись парой коротких сообщений и несколько раз общались по телефону — общее время всех звонков вряд ли достигло бы десяти минут.

И вот он бухает в Триумфе.

Но почему меня это должно беспокоить?

Мне должно быть все равно.

— Хочешь туда поехать? — тихо спрашивает женский голос.

Поворачиваю голову и смотрю на устроившуюся рядом со мной на диване Милку.

— Извини. — виновато говорит Пандочка. — Я не хотела подсматривать. Но я кричала с кухни, что ужин готов, а ты не реагировал. Пришла, смотрю, ты сидишь и не двигаешься. Даже не моргаешь. Снова позвала, но ты будто не слышал. Вот я и села рядышком и увидела...

— Все нормально, — говорю я, положив ей руку на колено. Пытаюсь улыбнуться, но получается криво. — Пойдем ужинать.

Она пресекает мою попытку встать и проворно усаживается на колени.

— Мой дорой скакунчик, я же вижу по твоим глазам, что ты хочешь поехать. Это нормальное желание. Давай вместе съездим?

— Мы с ним теперь чужие люди.

— Не ты ли недавно говорил мне, какая я молодец, раз стараюсь наладить контакт с матерью. — невинно озвучивает моя девушка и спешно добавляет, — То, что у меня не всегда это хорошо получается сейчас не рассматриваем. Вдруг у него что-то случилось и ему плохо?

А когда плохо было его сыну, когда плохо было его бывшей жене, он о нас думал? — хочется спросить мне, но я сдерживаюсь. Я уже отпустил эту боль. Или убедил себя в этом.

— Ладно. Я быстро. Туда и обратно.

— С тобой точно не надо ехать?

— Нет. И не жди меня. Поешь и ложись спать.

Спешно одеваюсь, заскакиваю на кухню выпить воды. Достаяю из кармана куртки маленький пакетик и, не придумав ничего лучше, впихиваю его в шкаф, затем возвращаюсь в прихожую, целую Милу и открываю дверь.

*

— О, Димка! — улыбается отец, когда я захожу в вип-комнату. — Какими судьбами?

Конечно, он не из тех, кто отрицает алкоголь, но таким надравшимся я вижу его впервые.

— С другом здесь был. — вру я, не желая признать, что приехал из-за него.

— Ты проходи, садись. Давай вместе выпьем!

— Может, тебе уже хватит? Где твои охранники?

— Я их отпустил. Они все сволочи. Все вокруг сволочи и продажные твари.

— Какие-то проблемы с бизнесом? — присаживаюсь на диван, но от предложенного мне бокала с виски отказываюсь.

— С бизнесом все отлично. — ухмыляется отец. — Недавно новое слияние провел. А ты, деньги мои не берешь. Брезгуешь, да? — откинувшись на спинку красного дивана, он прикладывает к бутылке. — Но я все же твой отец. Знаю, что ты неплохо устроился в эту IT-фирму, но однажды именно ты станешь моим наследником.

— Меня это не интересует. — говорю я. — Давай вставай, я вызову такси и провожу тебя. Тебе на сегодня хватит.

— Ты так и не выпил со мной! А мы празднуем! Моя дорогая жена беременна.

Если до этого мне было противно, то теперь внутри ничего не откликается.

— Поздравляю. — сухо отвечаю. — Вот тебе и наследник для твоего бизнеса.

Он снова делает глоток и на миг становится серьезным. Будто алкоголь сходит с него и передо мной сидит совершенно трезвый человек.

— Полгода назад я узнал, что не могу больше иметь детей. Но Вале я об этом пока не говорил. А она с утра беспрерывно шлет мне на выбор имена.

— Может, врачи ошиблись.

— Еще скажи, что мне надо поверить в чудо.

— Что собираешься делать?

— Разводиться. Мой адвокат уже готовит бумаги. Если она думает, что получит от меня хотя бы копейку, то сильно ошибается.

— Давай, вставай, я тебя отвезу. — снова говорю я.

После небольших споров, он просит меня доставить его не в их огромный особняк за городом, а в одну из пустующих квартир.

*

Одной рукой держу его тушу, второй еле открываю дверь. Заношу отца внутрь и опускаю на белый кожаный диван. На его телефон вновь и вновь поступают звонки и письма от Вали.

Неожиданно он приходит в себя и, схватив меня за руку, задает вопрос, от которого хочется ему как следует врезать:

— Как там мама?

— Отлично. — сухо бросаю я и с неким садизмом добавляю. — Ее плотно окучивает директор по маркетингу, который работает вместе с ней. Каждые выходные водит по ресторанам и театрам.

— Этот еблан Васильев всегда сально поглядывал на мою жену, — нагло выдает отец и в следующую секунду вырубается.

*

Уже в машине, на обратном пути домой, приходит звонок на телефон. Лизка.

У нее сегодня пижамная вечеринка с Янкой, но это не значит, что в одиннадцать ночи они не должны спать.

— Слушаю. — устало говорю я, принимая звонок.

— Прием-прием, — шепотом выдает сестра. — Команда Ларалиеля на связи.

— Принц точно не доволен тем, что вы еще не спите.

— Ты не Лараиэль, — тут же возмущенно выдает мелочь.

— Он даже не блондин, — поддерживает свою подружку вторая.

— Мы с ним на одной волне. А если узнаю, что вы, как в прошлый раз, до трех ночи будете смотреть мультики, то ваши совместные ночевки придется отменить.

Конечно, я немного преувеличиваю, но с этими двумя иначе никак.

— Говорила же, надо было с утра ему звонить. — шепчет Янка.

— Да он только прикидывается злым. — тихо убеждает Лиза и громче обращается ко мне. — Мы звоним сказать, что договорились по поводу места в субботу. Цветы, сердечки и свечки они организуют.

— А еще мы наняли крутого фотографа.

— Тебе придется его тоже оплатить.

— Он спрячется и все заснимет.

Улыбаюсь. Разговор с отцом уходит на второй план, когда я вспоминаю, что послезавтра собираюсь задать очень важный вопрос одной потрясающей Пандочке.

— Почему ты молчишь? — повелительные нотки прорезаются в голосе сестры

— Я устал и еду домой.

— А почему ты не дома?

— Да, ты почему не с моей сестрой?

— Что-то случилось?

— Вы поругались?

— Ты же помнишь, что нельзя обижать Милку?

Мы с моей девушкой обожаем своих младших сестер, но иногда прячемся от них, потому что вдвоем они способны свести с ума любого. Даже если у того есть справка о стальных нервах.

— Если вы сейчас не ляжете спать, я не разрешу вам участвовать и даже фотографии не покажу.

— Доброй ночи, Димочка! — медовым голосом шепчет Янка.

— Доброй ночи, любимый братик. — ласково говорит Лиза.

*

Квартира встречает меня темнотой. Но в этой темноте есть человек, рядом с которым я всегда забываю о своих проблемах. Сжимаю ее в объятиях, целую, вдыхаю любимый запах и ощущаю в душе спокойствие и счастье.

Усталость соскальзывает с плеч. Весь мир с его дилеммами остается где-то там, за порогом. Поднимаю Милу на руку и веду в спальню. Блуждаю по ее телу, проникаю, ловлю дыхание и сладкие стоны, шепчу, как сильно люблю и снова и снова толкаюсь навстречу.

— Ты зачем-то в шкаф с кастрюлями запихнул небольшой пакетик. — тихо шепчет она, устроившись у меня на груди.

Сознание подбрасывает картинку, как две мелочи хватаются за голову.

— Ты смотрела, что внутри?

— Да.

— Я debil. — вздыхаю я.

— Почему?

— Потому что, ты не должна была увидеть.

— Это не для меня? — приподнимает голову Пандочка.

— Конечно, для тебя. Просто я... Блин, меня за такой прокол убьют.

— Команда Ларалиэля? — иронично спрашивает Мила.

— Она самая.

— Вы что-то запланировали?

Она приближает свое лицо к моему, а я теснее прижимаю ее к себе и шепчу:

— Ты выйдешь за меня?

Лиза с Янкой точно четвертовали бы меня на месте за такое неромантичное предложение, потому что их стараниями нас ждет целое мероприятие в субботу, но сердце велит задать этот вопрос сейчас, именно в эту самую минуту.

Меня аккуратно целуют в уголок губ, потом в другой. Ласку получает кончик носа, и я наконец слышу долгожданное:

— Да, да, да.

Больше книг на сайте — Knigoed.net